

П Р Т Ё Ш Е С Т В Ы Я
Л О С Т Р А Н А М
Л О С Т О К А

Д. Шелдрик

СИРОТЫ ЦАВО

Annotation

Книга рассказывает о животных Национального парка Цаво в Кении. С каждым из них связана какая-либо история, каждое требовало особых забот, делая жизнь автора, большая часть которой прошла в парке Цаво, радостной и интересной.

- [Дафни Шелдрик](#)
  - [Национальный парк Цаво](#)
  - [Самсон и Фатума](#)
  - [Жизнь в поселке](#)
  - [Браконьерство](#)
  - [Знакомство с Тивой](#)
  - [До свидания, Фатума!](#)
  - [Пиглет](#)
  - [Прощай, Фатума!](#)
  - [Катамула](#)
  - [Опасности нашей жизни](#)
  - [Хиглети и Пикл](#)
  - [Руфус](#)
  - [Олд Спайс](#)
  - [Засуха](#)
  - [Наводнение](#)
  - [Грегори Пек](#)
  - [Снова дома](#)
  - [Красная головка](#)
  - [Воспитанник, которого мы потеряли](#)
  - [Тикл](#)
  - [Самсон и Руфус](#)
  - [Хьюпети](#)
  - [Бубал Хантера и зебра Греви](#)
  - [Самсон покидает загон](#)
  - [Руди](#)

- [Заключение](#)
  - [Послесловие](#)
  -
  -
  -
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
-

Дафни Шелдрик
Сироты Цаво

Национальный парк Цаво

Для первых исследователей это название обозначало огромную безлюдную, негостеприимную, почти безводную пустыню. Деревья здесь усеяны колючками, а иссохшая, покрытая трещинами красная земля источала зной. На рубеже нашего века Цаво внушал страх. Именно в этих местах львы-людоеды задерживали работы на строительстве железной дороги, наводя ужас на сотни индийских рабочих. То был воистину далекий и опасный край земли.

Для приезжего Цаво сегодня всего лишь полоса земли, поросшая бесформенным, не вызывающим интереса кустарником, где дарит мучительная жара. Это такое место, которое хочется скорее оставить позади на пути к побережью, радующему глаз сочной зеленью.

Но тот, кто возьмет на себя труд приглядеться внимательнее, увидит в Цаво очаровательный, нетронутый уголок природы, где нашло приют великое множество видов млекопитающих, как крупных, так и мелких. По богатству же птичьего мира Цаво не имеет равных во всей Африке. Цаво полон ботанических загадок. Это родина древовидной акации, дающей ароматическую смолу, из которой изготавливаются ладан и библейская мирра. Здесь растет гигантский баобаб, самое экзотическое из всех экзотических деревьев, а также несколько видов акаций, один из которых знаменит тем, что из него добывается гуммиарабик. Встречаются прекрасные тамаринды с их терпкими плодами и много других, менее примечательных, но не менее интересных видов кустарников и деревьев.

Цаво — земля разительных контрастов. Здесь подолгу длится сухой сезон, когда деревья теряют

листву, стоят обнаженные, погруженные в спячку и молят о дожде. Но стоит начаться сезону дождей, как лопаются почки, чуть ли не за одну ночь деревья и кустарники покрываются листвой, а вьющиеся растения опутывают их сверху донизу, спускаясь с ветвей до земли, превращая поросль в непроходимую стену зелени. Зелень — густозеленая, изумрудная, салатная. Буйство зелени таково, словно сама природа, так долго тосковавшая по ней, всю свою фантазию излила в зеленом цвете.

Там, где только недавно была спаленная зноем земля, теперь расстилается сплошной ковер цветов, поразительных по своей красоте, изяществу и богатству красок. Воздух напоен их пьянящим ароматом, его наполняет неумолчный гул множества насекомых и пение птиц.

Бесплодная пустыня мгновенно превращается в рай. В этом очарование Цаво.

Для нас, которым выпало счастье жить здесь, в Цаво, Национальный парк стал домом, ибо мой муж Дэвид вот уже шестнадцать лет возглавляет его восточный сектор. Цаво — это наш край, и мы не сменяем его добровольно ни на что другое на свете, ибо давно им околдованы.

Парк занимает около восьми тысяч квадратных миль и расположен примерно посередине между городами Момбаса и Найроби. Административно Цаво делится на Западный, лежащий к западу от железнодорожной магистрали, и Восточный, подведомственный Дэвиду, площадью около пяти тысяч квадратных миль. Восточный Цаво — это плоская, сухая равнина, где протекают только две непересыхающие реки — Цаво и Ати; они сливаются на территории парка и образуют реку Галану. Растет здесь главным образом древовидная акация. Часть парка южнее Галаны открыта для туристов, которые могут попасть сюда

через любой из трех главных въездов. Здесь сооружены плотины, сохраняющие воду в любое время года, а для туристов построена удобная гостиница. Специальные знаки указывают направление ко всем достопримечательностям парка, устроены также смотровые площадки, откуда туристы могли бы любоваться красотами природы. Внушительные административные здания главной квартиры разместились на одном из немногочисленных холмов парка. Здесь находятся мастерские, конторы, магазины, лаборатория, оружейный склад, лесничество, удобные и красивые дома смотрителей.

Но все это появилось сравнительно недавно. Когда в 1946 году было принято решение о создании парка и линии на карте очертили границы территории, где не было ничего, кроме кустарника, сюда послали Дэвида с заданием создать зону, которая привлекала бы туристов. В помощь ему дали Билла Вудли, грузовик и нескольких рабочих-африканцев.

Дэвид поднялся на холм Мазинга, где теперь стоит наш дом, и перед ним открылась бескрайняя равнина, поросшая, насколько хватало глаз, низкорослым кустарником. Теперь — это его земля. Но с чего начинать, ему было совсем неясно.

В прошлом сюда мало кто забредал, разве что немногие путешественники да охотники. Это было безлюдное, пользующееся дурной славой место. Но в свои двадцать восемь лет Дэвид уже имел за плечами шесть лет службы в рядах колониальных войск, где он в годы войны дослужился до звания майора. Кроме того, Дэвид два года работал на ферме и три года вел жизнь профессионального охотника. Этих знаний и опыта ему хватило, чтобы буквально из ничего создать парк.

Прежде всего надо было изучить местность: найти и освоить естественные водоемы и родники, наилучшие охотничьи угодья; решить, где проложить туристские

маршруты и расположить управление парком. Дэвид и Билл Вудли осваивали эти суровые места вдвоем. Часто они передвигались пешком и ночевали под открытым небом. Много труда положили, прокладывая дороги для выносливых машин, доставлявших охотников и их поклажу. Пот не просыхал на теле и очень часто им приходилось залезать на деревья или на термитники для того, чтобы взглянуть поверх плотной стены кустарниковых акаций и наметить направление дальнейшего движения. Они обследовали долину пересыхающей реки Вои, ложе которой наполняется водой только в периоды дождей, и проникли в глубинные районы за рекой. Они вышли к знаменитым теперь скалам Муданда и стали первыми свидетелями незабываемого зрелища, которым впоследствии любовались тысячи туристов, когда сотни слонов пили воду, купались и резвились внизу в заводи, не подозревая, что за их играми следят люди.

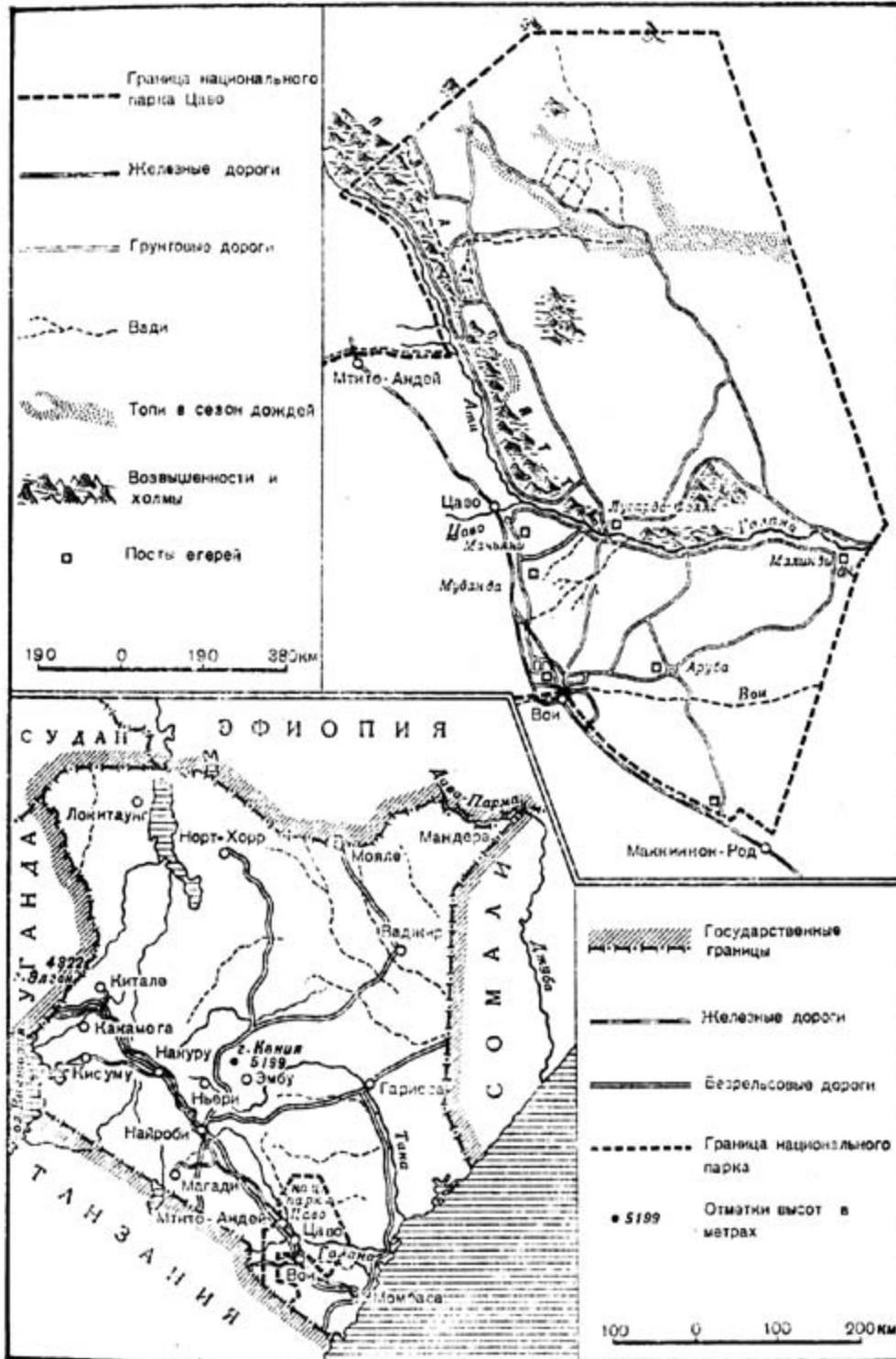
В поисках выходов скальных пород, которые можно было бы использовать для строительства дороги — ключа к северной заречной части парка, — прошли они по берегам Галаны. Здесь обнаружили постоянно хозяйничающих браконьеров и, устроив засаду за скелетом убитого ими слона, схватили преступников. Дэвид и Билл обследовали все острова на реке в поисках укрытий браконьеров и нашли множество петель, самострелов и других вещественных доказательств преступного промысла. Они пересекли Галану, поднялись на плато Ятта и оттуда увидели обширную равнину, составляющую северную зону парка. Они изучили также песчаное ложе пересохшей реки Тивы, где вода появляется только в сезон дождей. Ее берега, поросшие гигантскими акациями и громадными тамариндами, пользуются среди охотников славой убежища самых крупных слонов. Дэвид и Билл нашли место, где собираются стада слонов, которые

роют ямы в песчаном дне, добираясь до воды. Тем самым они предоставляют водопой другим животным, не обладающим столь мощными бивнями. И потому в сухой сезон жизнь всех зверей и даже птиц зависит здесь от слонов.

Много приключений пришлось пережить Дэвиду и Биллу во время их пеших охотничьих странствий. Много раз на них нападали носороги, им встречались львы, а теперь львов Цаво, как и их предков, лучше обходить подальше; они оказывались на пути буйволов, стада которых скрывал кустарник. Встречались им также и более мирные обитатели Цаво — антилопы малые куду, с их спиральными рогами, геренуки, пугливые бушбоки, изящные ориксы и многие другие животные^[1]. Дэвид и Билл бродили среди нетронутой природы, так благотворно действующей на душу человека. Здесь он чувствует себя одним из многих ее творений и осознает, сколь ценна любая жизнь.

Между тем создание парка шло своим чередом. Временный палаточный административный городок возник в лесах у реки Вои, труднопроходимые тропы превратились в дороги, доступные для легковых автомобилей, в ряд районов были направлены егеря, чтобы контролировать действия браконьеров. Через Галану была построена мощеная дорога, открывшая путь в северные районы парка. Постепенно неустанная энергия Дэвида и его сотрудников дала плоды, и парк стал принимать свой настоящий вид. Удалось обуздать воды Вои и построить одну из самых больших в Кении плотин — Аруба. На берегу озера, созданного руками человека, вырос охотничий домик. Были посажены деревья, давшие через несколько лет долгожданную тень. Вскоре появились въездные ворота, контрольные посты, будки и другие туристские сооружения.

Затем Дэвид занялся постройкой постоянного административного городка. Пробиваясь сквозь густые

заросли на склонах холма Мазинга, он выбрал площадку, откуда, после ее расчистки, открылся захватывающий дух вид на окрестности. Вскоре на склонах холма началась бурная деятельность. Были выровнены площадки и заложены магазины, мастерские и здание дирекции парка. По мере того как уходили недели, стали появляться контуры зданий, и, наконец, к исходу 1952 года строительство городка завершилось.

Занимаясь благоустройством парка, чтобы сделать его привлекательным для туристов, Дэвид никогда не забывал о главном — благополучии животного мира. Прирожденный натуралист, он внимательно изучал местную растительность и знал научные названия всех деревьев и кустарников. Дэвид наблюдал за поведением зверей и изучал сезонную смену отдельных видов кормов, которые они предпочитали; интересовался насекомыми и собрал хорошую научную коллекцию грызунов и птиц. Но больше всего сил тратил он на борьбу с браконьерами, ибо какой же смысл будет от всей его работы, если в конце концов здесь не останется ни одного животного!

До своего переезда в Цаво в 1955 году я совсем не знала этой области, тем не менее здешняя фауна не показалась мне совсем чуждой, так как моя семья уже давно жила в Кении. Родители мои были здесь первыми белыми поселенцами. Они приехали в эту страну в 1909 году, когда моему отцу исполнилось семь лет и единственным средством сообщения были фургоны, запряженные волами. Моя бабушка, которой сейчас уже восемьдесят шесть лет, еще помнит, когда на единственной пыльной улице Найроби стояло всего несколько хижин; по равнинам, где теперь можно встретить только домашний скот, бродило великое множество всякого дикого зверья; драгоценную для поселенцев скотину почти каждую ночь задирали львы,

а через реки переправлялись вброд на фургонах. Она живая свидетель того, как тяжкий труд и пот сделали Кению такой, какой она стала сейчас.

Мой отец учился в первой школе, открытой в Найроби. Одним ученикам приходилось преодолевать шестьдесят миль, чтобы попасть на занятия, другим — еще больше. В дорогу им давали ружье и котелок для варки пищи, так что, если бы потребовалось, они могли бы прокормиться в пути охотой. Отец помнит долину Кедонг, где сейчас уже не встретишь дикого зверя, когда она была еще настоящим раем для зверей, и где за одну ночь он убил шесть львов. Верхом на лошади отец с трудом пробивался через громадные стада канн, зебр и гну.

Детство мое прошло на родительской ферме в Джилгил. Здесь леопарды резали наш скот, а африканцы приносили детенышей антилоп, которых мы растили и с которыми играли. Я помню и военные годы, когда отец был взят на государственную службу для отстрела зебр и гну, мясо которых вялили для войск. Тогда мы месяцами жили в лагере в округе Нарок, до сих пор сохранившем славу лучшего охотничьего района Кении. Я помню, как мой брат Питер в четырнадцать лет добыл своего первого льва; как моя мать, мои две сестры и я прятались на дереве, пока отец и Питер прочесывали заросли в поисках притаившегося льва, раненного за день до этого одним из наших друзей, гостившим в лагере. Я никогда не забуду, как билось мое сердце, когда мы услышали грозное рычание, а затем выстрел. А как горд был мой брат, когда его пуля прекратила мучение зверя! Я привыкла к рычанию львов по ночам, привлеченных к лагерю запахом мяса и свежих костей, и хорошо помню, как однажды ночью о край палатки, где я спала с сестренками, начал чесаться лев. Никогда не забыть мне вечеров, когда все собирались вокруг лагерного

костра, а отец рассказывал о прежних днях. Вся моя жизнь прошла среди природы; я любила и бескрайние заросли, и охоту в них.

Мой брат оказался в числе первых, поступивших на службу в Национальный парк вскоре после его создания в 1947 году; ему было тогда восемнадцать лет. Через него я познакомилась с Биллом Вудли, ставшим потом моим мужем. В 1955 году, когда мне было двадцать лет, а пашей дочери Джилл шесть месяцев, я переехала жить в Восточный Цаво.

Мы прибыли в Вои уже в темноте, и эту ночь провели у Дэвида. Могла ли я тогда предположить, что позже судьба сделает его моим вторым мужем!

Билл отсутствовал в Цаво около четырех лет, и, естественно, за это время многое изменилось. Допоздна просидели они с Дэвидом, обсуждая все, что здесь случилось. Самым важным оказалось создание отряда полевой подвижной охраны, набранной из бесстрашных воинов северных племен. Все они прошли курс военной подготовки, и их единственной задачей была борьба с браконьерами на территории парка. До формирования отряда против браконьеров направляли только горстку егерей, рассеянных по всему парку. Вскоре, однако, стало ясно, что справиться таким способом с браконьерством, достигшим столь больших масштабов, невозможно. Серьезные трудности, кроме того, вызывал и набор егерей на службу, ибо она была связана с очень большой опасностью.

Было много случаев, когда в егерей стреляли из засады отравленными стрелами, а одного ранили и убили при попытке арестовать браконьера. Стала очевидной необходимость создания более мощной подвижной охраны. Но даже и она полностью не решила проблемы. Так, вскоре после формирования, ее командир был ранен и чуть не погиб в схватке с браконьерами.

Хотя идея поселиться в парке была привлекательна, должна признаться, что меня все же мучали и некоторые сомнения. Я слышала, что в Bob нездоровый климат и что жара там временами бывает непереносимой. Но вот спустилась первая ночь; меня разбудили крики франколинов^[2]. Они так живо напоминали мне детство и охотничьи экспедиции с отцом, что, когда, отдернув занавески, я увидела в окно картину нетронутой Африки, мои страхи испарились.

Наш дом, хотя он и был построен несколько лет назад, почти все время пустовал из-за долгого отсутствия Билла. Когда я увидела коттедж в первый раз, то испытала легкое потрясение. Первое, что бросалось в глаза, — громадный термитник у входа, окруженный кустами. В доме не было даже таких простых вещей, как шкаф. Я не смогла скрыть своего разочарования, но Билл заверил меня, что все будет в порядке. Дэвид согласился, чтобы дом был отделан так, как мне захочется.

На следующий день, когда пришел трактор и снес термитник, я почувствовала себя немного счастливее. После этого дом ожил. Появились шкафы и полки, а в комнатах навели полный порядок. Я повесила занавески, и когда, наконец, распаковала и расставила по местам все вещи, дом понравился мне самой.

Вскоре я перезнакомилась со всеми служащими-африканцами, обследовала конторы и мастерские, а когда Дэвид с готовностью принял мое предложение вести для администрации всю секретарскую работу, почувствовала себя полноправным членом коллектива и не меньше мужчин оказалась захваченной делами парка.

Я была в полнейшем восторге от двух ручных слонов Дэвида и никогда не упускала случая побыть с ними как можно дольше.

Вот как они попали сюда год назад.

Самсон и Фатума

1954 год был необычно сухим. Дожди выпадали редко и нерегулярно. Воды не хватало даже на то, чтобы кустарник полностью оделся листвой. Уже к середине июня стада слонов оказались в очень трудном положении — в поисках пищи им приходилось преодолевать большие расстояния и в то же время они не могли уходить далеко от единственного водопоя. Посетители недавно отстроенного приюта в охотничьем лагере Аруба с болью и чувством бессилия наблюдали за небольшими группами несчастных гигантов, устало бредущих среди засыхающего кустарника. Торчащие из-под шкуры лопатки без слов говорили о том, как трудно давалась им борьба за существование. Часто измученный, ослабевший от голода слоненок отставал от стада, и тогда вожак, замедлив шаг, ждал, пока несчастный малыш догонит родителей. Усталые, измученные жарой и жаждой слоны спешили преодолеть последние сотни ярдов, отделяющие их от плотины. Вытянув хоботы, стремились они поскорее утолить жажду, а затем поливали водой свои усталые тела или ложились прямо на дно. Но слишком долго наслаждаться водой и оставаться около нее слоны не могли — голод гнал их дальше в поисках пищи. Иногда случалось так, что слонята не хотели покидать запруды, и нужно было видеть обезумевших от горя матерей, которые всеми силами пытались заставить своих детенышей следовать за стадом. Временами голод вынуждал их бросать слоненка на произвол судьбы. Так, по-видимому, получилось и с Самсоном.

Однажды утром трудившиеся возле охотничьего лагеря рабочие парка заметили совсем маленького слоненка, бродившего вокруг пруда. Он не обращал

внимания на других слонов, которые пили воду неподалеку. Прошло два дня, но никто из стада не признал слоненка своим. Тогда об этом доложили Дэвиду. Он знал, что шансов выжить у слоненка почти не осталось, так как в окрестностях водились львы, и поэтому решил поймать малыша и выкормить его в неволе. Дэвид обратился к рабочим за помощью, но те приняли это предложение без особого энтузиазма. По всей вероятности, они представляли себе, как его мать-слониха появляется на сцене в самый критический момент. Тогда Дэвид отобрал шестерых наиболее крепких рабочих и приказал им подобраться к слоненку незамеченными. По команде они должны были схватить его. К сожалению, операция развивалась не совсем по намеченному плану. Сигнал был подан. Но Дэвид, схвативший слоненка за хвост, вскоре обнаружил, что шесть дюжих помощников все еще стоят ярдах в двадцати от него, готовые мгновенно броситься врассыпную, если дело обернется плохо. Однако крики и угрозы все же побудили их к действию. Они столпились вокруг орущего слоненка, который громко протестовал против такого неуважительного к себе отношения. Впрочем, один из рабочих, который трусил больше всех, убедился, что его опасения имели основание — взбешенный малыш сбил его с ног и принялся молотить хоботом. Слоненок, хотя и был не более трех футов ростом, силенку имел предостаточную. Всему, однако, приходит конец — Самсона скрутили, затащили в кузов грузовика и с триумфом доставили в Вои, где в домике кассы для продажи билетов спешно оборудовали стойло, предоставленное в полное его распоряжение. На ночь с ним оставили двух лесников, которые должны были через окно попытаться соблазнить его молодой кукурузой.

На этой стадии жизни среди людей Самсон был настроен крайне агрессивно и, громко трубя от ярости, злобно набрасывался на каждого, кто пытался войти к нему в стойло. Проявляя полную невоспитанность, он тем не менее принимал кукурузу и за ночь съел довольно много.

На следующий день для укрощения Самсона были предприняты решительные действия. Добровольцев, однако, опять не нашлось, поэтому Дэвиду пришлось войти в стойло одному. Слоненок тут же прижал его в угол, но крепкий удар по кончику хобота озадачил Самсона и вынудил отступить в противоположную сторону. Выждав немного, Дэвид медленно подошел к нему, держа в руке в качестве свидетельства своих мирных намерений початок кукурузы. Самсон снова бросился на него, но, получив новый удар по хоботу, понял, что агрессия здесь не поможет и стоящее перед

ним странное существо не запугаешь. После этого он образумился и с удовольствием принял предложенное ему угощение. К четырем часам того же дня слоненок был приведен к послушанию и больше неприятностей обслуживающему персоналу не причинял.

Когда Самсон попал в плен, он имел более трех футов в плечах. По оценке Дэвида, Самсону было тогда не более четырнадцати месяцев.

Через неделю слоненку предложили новую удобную «квартиру» за помещением охраны — стойло и загон, где росло большое крепкое дерево, всегда имелась восхитительная лужа грязи и свежая, чистая вода. Каждое утро Самсону давали его излюбленные фрукты — апельсины, а затем выпускали пастись по свежей зелени на берегах Вои. Здесь, находясь под наблюдением егеря, он мог свободно срывать побеги. Днем для Самсона рубили ветки кустарника и складывали так, чтобы, вернувшись домой вечером, он находил их в углу стойла. На ночь его запирали, снабдив достаточным запасом пищи до утра. На таком режиме Самсон расцвел и за месяц подрос на полдюйма.

Он знал свое имя и, услышав его, спешил на зов характерным для слонов мерным шагом, дружелюбно приветствуя каждого. Особенно был он привязан к Дэвиду, мгновенно выделяя его в толпе своих поклонников, и ласкался к нему, издавая горлом рокочущий звук.

Примерно через месяц после появления у нас Самсона при совершенно таких же обстоятельствах близ плотины Аруба был пойман еще один слоненок, на сей раз самка. Обездички назвали ее Фатумой. В Вои Фатуму привезли совсем ослабевшей от голода и поместили в загон к Самсону, который был вне себя от гнева. Он немедленно накинулся на Фатуму, но та, собрав все силы, отбросила его к загородке.

Захваченный врасплох таким неожиданным приемом, Самсон, разъяренный еще больше, через минуту сбил Фатуму с ног. Та, поняв, что проявлять далее враждебность нет смысла, подошла к Самсону, осторожно протянула хобот и погладила его по голове. С тех пор они стали неразлучными друзьями.

Фатума оказалась очень ласковым слоненком и выказывала свои чувства куда охотнее, чем Самсон, требуя к себе как можно больше внимания. Первую неделю она делила стойло с Самсоном, но такое соседство оказалось не слишком удачным, ибо Самсон, чувствуя себя полным хозяином, не был настолько джентльменом, чтобы честно делить стол с Фатумой, и все время оттирал ее от груди веток. Пришлось спешно возводить еще одно стойло но соседству. Фатуму перевели туда, чтобы она могла получать свою порцию еды. Но вместо благодарности слониха всю ночь громко высказывала возмущение; Самсон также был крайне обеспокоен. На следующий день Дэвид снял часть стены, разделявшей стойла. Теперь каждый из слонят мог легко перебросить хобот и убедиться, что друг тут, на месте. Этот прием сработал хорошо, слонята успокоились, и скоро каждый уже знал свое стойло. Правда, когда они возвращались вечерами, то Самсон обычно бежал впереди, чтобы первым обследовать приготовленную для Фатумы еду и убедиться, что она не лучше его собственной, да при этом еще и урвать немного себе.

В один из дней октября 1954 года у Самсона появились клыки. Фатума, хотя она была такого же роста, как и Самсон, развивалась медленнее. Первый клык у нее появился только в июне 1955 года, а второй — на полгода позже. В том же году Фатума едва избежала гибели. Оказалось, что в зарослях, сразу за домом Дэвида, устроила себе квартиру львица. Дэвид не знал, что она принесла троих детенышей. Однажды

утром, когда слонят как обычно выпустили из стойла, они случайно приблизились к этим зарослям. Дежурный егерь в это время был занят каким-то другим делом. Львица охраняла убитого ею прошлой ночью водяного козла^[3] и спокойно отнестись к подобному вторжению не могла. Неожиданно с грозным рычанием она бросилась вперед, сбила с ног ничего не подозревавшую Фатуму, впилась зубами в ее горло и глубоко вонзила когти в спину. Самсон, считавший осторожность лучшим видом доблести, громко трубя, ударился в бегство. Тем самым он поднял тревогу, и все бросились к дому Дэвида, чтобы узнать, что случилось. Крики и вопли спугнули львицу, и бедная Фатума в самый последний момент была спасена. Испуганная, истекающая кровью, преодолевая боль, она с трудом поднялась на ноги. Один из егерей помчался за Дэвидом, а другие повели Фатуму в стойло. Здесь Дэвид и нашел ее горестно стоящей в углу и дрожащей от страха. Самсон, подавленный несчастьем, случившимся с его подругой, крутился рядом, стараясь протолкнуться сквозь группу егерей, окруживших Фатуму, чтобы погладить ее хоботом.

Первое, что необходимо было сделать, — это тщательно обработать раны: ведь следы когтей льва, как правило, вызывают заражение крови. Процесс этот очень болезнен, но другого выхода не было. Фатума вопила от боли, и рабочие с трудом держали ее, пока Дэвид промывал рану за раной, заливая их дезинфицирующим раствором. Самсона на это время пришлось удалить от ложа страдальцы, и тот, полагая, что с Фатумой обращаются плохо, старался растолкать людей и прийти к ней на помощь, чем еще больше затруднял и без того нелегкое, но жизненно важное дело.

Когда кровотечение прекратилось, Фатуме начали давать таблетки антибиотика, спрятав их в апельсин. Потом, чтобы дать ей время оправиться от шока, слониху оставили в покое. Еще позже, желая пробудить у нее аппетит, Фатуме давали всякие деликатесы вроде сахарного тростника или сладкого картофеля, но все было тщетно, к еде она не проявляла никакого интереса и печально стояла в углу.

На следующий день у нее опухла шея. Это причиняло слонихе еще более сильные страдания. Ей начали делать уколы пенициллина и вообще старались всеми силами облегчить муки, но Дэвид был серьезно обеспокоен ее состоянием, в особенности тем, что глотала она с трудом.

Однако тщательный уход сделал свое дело, отек вскоре спал, и Фатума начала выздоравливать. Но еще много дней раны приходилось обрабатывать, что причиняло ей немалую боль. Со временем слониха поняла, что Дэвид стремится ей помочь, и проявляла замечательное терпение. Когда боль становилась совсем невыносимой, она виновато урчала и пыталась осторожно отвести руку Дэвида хоботом. Через несколько недель раны полностью затянулись, и только на шее остался шрам. Фатума не забыла этого случая. Прошло много лет, но, когда бы Дэвид ни коснулся ее шеи, она тихо урчала, как бы подчеркивая этим, что помнит о том, что ей пришлось пережить.

В первые месяцы пребывания в Вои я тратила много времени на то, чтобы поближе узнать обоих слонов, наблюдая за их поведением. Больше всего меня поражала разница их темпераментов. Самсон держался независимо и был очень уверен в себе. Он постоянно стремился главенствовать и, если Фатума случайно оказывалась впереди, обязательно ее обгонял, как бы доказывая, что это его право. Проявлять внимание к кому бы то ни было, кроме Дэвида, он считал напрасной

тратой дорогого времени, которое с гораздо большей пользой можно употребить на еду. И если посетителю нечего было предложить, он быстро удалялся, чтобы заняться чем-нибудь другим. Фатума, напротив, жаждала внимания и больше всего на свете любила ласку. Оба слоненка были хорошо известны посетителям и составляли одну из достопримечательностей парка.

Жизнь в поселке

Попытка разбить сад отняла у меня не один месяц. У Дэвида был очень красивый сад, и я решила, что мой скоро будет его достойным соперником. Я засеяла лужайку травой, разбила террасы-цветники и засадила их выносливыми, красивыми однолетними петуниями, галадиями и ноготками, посадила яркие бугенвиллии, нежные и ароматные франгипании. До сих пор помню свою радость, когда, проснувшись утром, увидела, как распустились первые цветы. Садоводство в Вои — занятие нелегкое. Вскоре я обнаружила, что ночные гости — водяные козлы и малые куду — по достоинству оценили плоды моих трудов. Зловредные жуки и гусеницы устремились в мой сад со всех сторон. С этими вредителями мне приходилось вести неустанную борьбу. Однако за труды свои я получила вознаграждение — мне все же удалось создать крохотный оазис среди моря сухого кустарника.

После этого все усилия я направила на посадку фруктовых деревьев: бананов, манго, авокадо, и с нетерпением ждала, когда смогу насладиться результатами своих трудов. Особенно гордилась я бананами, которые хорошо принялись и вскоре выбросили мощные гроздья плодов. Оставалось дожидаться, когда их можно будет рвать.

И вот однажды ночью, когда я была в доме одна (Билл отправился в рейд на браконьеров), меня разбудил треск ломаемых сучьев. Я вскочила с постели и выглянула в окно. Ночь была темная и на небе виднелся только тонкий серпик луны, но я без труда распознала громадное тело слона, расположившееся ниже террасы в опасной близости от моих бананов. Только чудо могло спасти их. Завернувшись в халат, я

кинулась к краю террасы и громко хлопнула в ладоши. Однако, вместо того чтобы испугаться, слон угрожающе качнул головой, хлопнул ушами и приблизился на несколько шагов. Я отступила в дом, мгновенно захлопнув за собой дверь. Прошло не менее десяти минут, прежде чем я решилась еще на одну спасательную операцию. На сей раз, крадучись, выбралась наружу и бросила камень в стоявшую передо мной громаду. Не дожидаясь результата, бросилась назад в дом. Оказавшись в безопасности, я стала с тревогой прислушиваться. После краткого перерыва снова послышался треск. Ошибиться было невозможно — слон слишком увлекся моими бананами, и ничто уже не могло оторвать его от этого приятного занятия. Мне пришлось признать свое поражение и отправиться в постель.

На следующий день рано утром я вышла в сад, чтобы посмотреть, что стало с моим садом после ночного визита. Увы, исчезли знакомые листья бананов — только обгрызанные стволы возвышались на несколько футов над землей, но сбоку, в стороне, я заметила нетронутую гроздь бананов, словно кто-то снял ее с дерева и осторожно положил в сторону. Мне оставалось только поблагодарить слона за внимание.

Наибольшую угрозу саду представляло, однако, нечто другое. У Дэвида был любимец — бушбок, которого объездчик когда-то принес ему совсем крошкой. Его звали Буши. Жил он у Дэвида уже несколько лет и обожал петунии. Это было очаровательное создание со светло-коричневой шкуркой, с белыми полосами, элегантным белым воротником, с большими бархатными глазами и спиральными рогами. Сердиться на него было невозможно. Как и все сироты Цаво, Буши пользовался абсолютной свободой. Он то исчезал на несколько дней, то появлялся снова у сада, иногда в сопровождении

друга. В этом случае он прилагал все усилия, чтобы побудить товарища подойти поближе и познакомиться с нами, но гости всегда были слишком застенчивы, и, оставив свои безнадежные попытки, Буши один изящно шествовал к дому, ласковый и послушный, как всегда. Он вел естественный образ жизни, но никогда не забывал регулярно навещать Дэвида. Скоро я стала ждать его посещений, хотя они наносили ущерб моему саду. Но однажды бедного Буши постигло несчастье. Его тело было найдено за домом Дэвида, у самого подножия холма. Буши убил леопард.

Еще через несколько месяцев я пришла в ужас, увидев, что на некоторых моих цветущих деревьях кора ободрана почти до земли. Я позвала Билла, и он, изучив следы вокруг, сообщил, что здесь побывали дикобразы.

Следующей ночью, услышав в саду странные звуки, я спешно разбудила Билла и попросила выйти посмотреть, в чем дело. Он поднялся нехотя и исчез в ночи. Скоро в саду раздался устрашающий шум и топот ног Билла, преследующего дикобраза, пойманного на месте преступления, когда он сдирал кору еще с одного дерева. Но урок не пошел дикобразу впрок — на следующую ночь он появился снова.

Я пожаловалась Дэвиду на свои невзгоды, и он сознался, что этот дикобраз — тоже один из его приемышей. Он добавил, что я не одинока в своих несчастьях. Многие деревья его сада постигла та же судьба.

Этот странный дикобраз достался Дэвиду следующим образом. Управляющий соседней плантацией нанял специального человека для ловли дикобразов, которые, по его утверждению, вредили посевам сизаля. Ловил он их прямо в норках, ослепляя светом факела. Дело это совсем нетрудное, ибо в норе дикобразы не могут распускать свои иглы. Взрослых особей он убивал, а малышей приносил в Вои и

продавал по пять шиллингов за каждого и довольно успешно: мясо дикобразов считается у африканцев деликатесом.

Дэвид был как-то в городе и встретил там этого охотника за дикобразами с двумя детенышами в корзинке. У них был такой несчастный вид, что Дэвид пожалел малышей и купил за десять шиллингов. Он построил им небольшую оградку и сделал внутри нее уютную нору. В мгновение ока съев предложенное им лакомство, оба дикобраза без промедления исчезли в своем убежище и устроились там как дома. Ночной образ жизни и неудобство обращения с ними приводят к тому, что дикобразы никогда не приручаются полностью, хотя и привыкают к человеку и появляются, когда их зовут, чтобы покормить.

Когда приемыши подросли и уже могли защитить себя, Дэвид отпустил их на свободу. Они немедленно устроили себе резиденцию у подножия холма за домом Дэвида: звери вырыли там великолепную нору. Поначалу они вели себя вполне прилично, но вот как-то один из них обнаружил, что если прогрызть защитную сетку кладовой, то можно без особых усилий получать прекрасный корм. Раз от раза этот дикобраз становился все более нахальным и, наконец, стал по ночам бродить по комнатам и пожирать в столовой все фрукты, какие только мог обнаружить. Если Дэвид просыпался, то брал метелку и выгонял вора через заднюю дверь.

Иногда дикобразы все-таки доставляли Дэвиду немало веселых минут. Он рассказывал, что как-то забыл предупредить оставшегося на ночь друга. А ведь к нему мог пожаловать визитер. Ночью ничего не подозревавший гость проснулся с неприятным чувством, что в комнате кто-то есть. Прислушавшись, он убедился, что мягкий топот лап ему не почудился. Гость вообразил, что это лев. Не в силах выдержать далее такого нервного напряжения, друг Дэвида схватил

тяжелую пепельницу и изо всех сил запустил ее в темноту. К его удивлению, никакой реакции не последовало и, естественно, он решил, что лев-людоед забрался в примыкающую к спальне ванную. Собрав все свое мужество, гость Дэвида бросился в темноту. Добравшись до ванной, он с силой захлопнул дверь и, почувствовав себя при этом спокойнее, крепко заснул. Проснувшись на рассвете, гость осторожно подкрался к двери, приложил ухо к замочной скважине и, убедившись, что там царит полная тишина, осторожно приоткрыл дверь — ванная была пуста.

Когда пришел Дэвид, гость в драматических тонах поведал ему о злоключениях минувшей ночи. Хозяин сразу понял, кто был здесь виновником и, конечно же, обнаружил на веранде следы пыльных лап, ведущие к комнате гостя.

Однажды утром я с удовлетворением присутствовала при том, как одного из дикобразов, того самого, который доставлял мне наибольшие неприятности, за его безобразия постигла заслуженная кара. Утром, в половине девятого, я пришла к Дэvidу, чтобы выяснить кое-что по поводу перепечатки.

— Не открывайте дверь в коридор, Вас может ждать там колючая встреча, — крикнул он мне.

Я поинтересовалась, что он хотел этим сказать. Тогда Дэвид слегка приоткрыл дверь, и я смогла туда заглянуть. В углу, свернувшись в клубок, лежал дикобраз. Вид у него был страшно недовольный. Оказывается, Дэвид услышал ночью подозрительные звуки в столовой и застал там этого преступника, занимавшегося поисками фруктов. Он попытался выгнать зверя в дверь, выходящую во двор, но дикобраз бросился в коридор и там, растопырив свои иглы, принял угрожающую позу. Подумав, что настало время преподать зверю урок, Дэвид запер дверь, решив разделаться с грабителем утром. Дикобразу,

естественно, заключение не понравилось, и, как только Дэвид ушел спать, он стал немедленно прогрызать себе путь. Если не принять срочных мер, подумал Дэвид, то утром в стене окажется дыра. Вооружившись метелкой, он выскочил в коридор. Но у дикобраза было определенное преимущество — подняв иглы, зверь блокировал весь проход. Тогда Дэвид снова запер его и вернулся в постель. На этот раз дикобраз решил покориться своей судьбе и, обиженный, забился в угол до утра.

В тот день в доме тоже был гость, который проспал все эти события. Когда я пришла, дверь в его комнату оказалась приоткрытой и оттуда доносился раскатистый храп. Дэвид не смог устоять перед соблазном. Призвав на помощь слугу, он вытащил дикобраза из коридора и направил его в комнату гостя. Зверь стрелой промчался в ванную и забился под раковину. Мы тихо закрыли дверь и стали с нетерпением ждать результатов.

Приблизительно через полчаса мы услышали вопли. Из двери выскочило чудище с всклокоченными волосами, растрепанными громадными усами и срывающимся голосом сообщило, что какой-то дикий зверь забрался к нему в ванную. Он был поражен и страшно возмущен, когда в ответ раздался наш дружный хохот. В свою очередь дикобраз стал проявлять крайнее беспокойство: ведь здесь было так светло, а он оказался далеко от своего дома. Мы вытащили его и преследовали всю дорогу до норы. Этот случай пошел дикобразу на пользу, никогда больше он не пытался проникнуть в дом и переключил свое внимание на поселок объездчиков.

Несколько месяцев спустя мы заметили, что семья дикобразов выросла, и теперь по вечерам цепочка зверьков часто катилась мимо, направляясь к поселку

объездчиков, где они могли рассчитывать поживиться отбросами.

Первое время в Цаво я не пропускала ни одной даже самой маленькой возможности выбраться из поселка и узнать что-либо новое о жизни парка. Я видела чудо преобразования природы с началом дождей. Много часов провела я, любуясь несказанной красотой тысяч диких цветов, которые, казалось, расцветали в одну ночь, а вместе с ними мгновенно появлялись тучи ярко расцвеченных и порхавших повсюду бабочек. Я видела сказочную картину, которую представлял собой буш, сплошь покрытый, словно снегом, ковром белых цветов и вьющихся растений. Я слышала ни с чем не сравнимое кваканье бесчисленных лягушек и жаб, разбуженных от долгой спячки потоками воды, заполнившими русло реки. Я видела, как иссушенные жарой остатки водоемов, покрытые плотной корой растрескавшейся грязи, неожиданно заполнялись водой и становились настоящим раем для множества птиц — нильских гусей, уток, цапель, колпиц и священных ибисов. Гораздо менее приятным было другое открытие: с первым ливнем буквально из ничего появлялись мириады насекомых всех видов, форм и размеров. Они тучами вились вокруг лампы, не давая возможности спокойно сидеть, читать или просто открыть вечером окно.

Мне никогда не казался утомительным путь до Муданды, который нужно было преодолеть, чтобы полюбоваться на стада слонов, собирающихся на берегу озера у подножия этой гряды скал. Я могла часами слушать Билла и Дэвида, когда они обсуждали особенности поведения слонов. От них я узнала, что в основе жизни слонов лежит матриархат, что стадо состоит из нескольких небольших семей, обязательно возглавляемых слонихами. Самцы живут вне стада и допускаются туда только в определенные периоды, а потом уходят. Наблюдая за слонами, я убедилась, что

слонихи и маленькие слонята редко купаются, глубоко в воду заходят только подростки. Они очень любят устраивать там шумную возню, а иногда уходят в воду с головой так, что на поверхности виден только кончик хобота, напоминающий перископ подводной лодки. Когда они затевают свои шуточные драки и поливают друг друга водой, то очень напоминают толпу шаловливых мальчишек. Интересно посмотреть, с какой исключительной вежливостью ведут себя слоны при встрече разных стад, как одинокие слоны неспешно прогуливаются вокруг озера, поглядывая на проходящих слоних, точь-в-точь как холостяки посматривают на девушек, мысленно подбирая себе невесту. Слоны-соперники всегда внимательно оценивают друг друга, и тот, у кого клыки меньше, без спора уступает дорогу. Не менее занимательно и то, что «интересные» слонихи всегда становятся супругами слонов с большими бивнями, хотя их прежние поклонники не оставляют попыток исподтишка увести своих дам, оставаясь, тем не менее, на безопасном расстоянии от грозного соперника.

В Муданде было множество и других интересных животных, которых мы изучали, когда внизу наступало временное затишье. Дэвид показал мне крохотных, изящных креветок, носившихся на мелководье в небольших озерах, словно стаи подводных бабочек. Под карнизами нависших скал мы встречали колонии летучих мышей, отличающихся необычайным разнообразием видов; вися вверх ногами, они постоянно вращали своими крохотными головками, стремясь уловить малейший звук.

С каждым посещением Муданды я узнавала что-то новое, но всякий раз понимала, как много еще остается непознанного мною. Возвращаясь домой с громадным букетом пышных диких фиалок, набранных среди скал, я чувствовала себя очень маленькой и незаметной,

понимая, что мы представляем собой лишь нечто ничтожно малое в величественном храме природы.

Браконьерство

Браконьерство в Восточном Цаво причиняло Биллу и Дэвиду множество хлопот. Объездчики постоянно доносили, что почти у каждого водопоя они находят шкуры, запасы мяса и тайники со слоновой костью. Следы вокруг водоемов позволяли четко восстановить все происходившее.

Браконьеры пользовались богатым арсеналом средств: отравленными стрелами, всевозможными капканами, ямами-ловушками и самым ужасным из них — проволочными петлями. Меня всегда поражало, что люди способны причинять такие страшные муки созданиям, которые не хотят ничего другого, кроме спокойного существования.

Много раз я слышала рассказы егерей, которым приходилось пулей прекращать мучения несчастных жертв. Слышала я о жирафе, медленно задыхающейся в проволочной петле; об антилопе, умирающей от жажды в яме; о леопарде с лапой, раздавленной железными зубьями капкана, и о крохотной антилопе дик-дик, самой маленькой из антилоп, тратившей свои последние силы на отчаянные попытки выбраться из семифутовой ямы. Каждый раз она доставала до ее края и падала без сил на дно. Этой крошке повезло больше, чем другим, — ее спас наш патруль. Я слышала о слонах с хоботом, поврежденным петлей, которые после этого не могли самостоятельно питаться. Мне рассказывали о многочисленных слонах, схваченных проволокой за ногу. Их мучительная агония длилась месяцами. Раненая нога гноилась, ее разъедали личинки мух и так продолжалось до тех пор, пока слон, будучи не в силах сделать следующий шаг, не падал и

не погибал медленной смертью под палящими лучами солнца.

Хотя я и слышала об этом много раз, но всегда, когда видела муки зверей своими глазами, мне становилось скверно на душе и очень стыдно за людей.

Однажды утром один из туристов сообщил, что встретил слона, тащившего за собой обрубок ствола с проволочной петлей, в которую попала его задняя нога. Мы тут же помчались на поиски животного. За одним из поворотов внимание Дэвиса привлекло какое-то движение в кустах. Остановив машину, он зарядил свое ружье 416-го калибра. Затем Дэвид дал знак быстро следовать за ним. Мы тихо подкрались к слону и, когда он вышел на открытое место, я замерла при виде ужасного зрелища. Морда несчастного животного выражала страдание, он вяло качал хоботом и тяжело дышал. Нога его представляла собой кишашую массу червей и синих мясных мух; зловоние было страшное. Время от времени с чрезвычайным усилием, которое причиняло ему мучительную боль, слон делал очередной шаг и останавливался, опустив голову, чтобы набраться мужества для следующего шага.

При каждом движении петля, к которой был привязан громадный кусок дерева, все глубже врезалась в разлагающееся мясо, а мухи взлетали с жужжанием, напоминая рой раздраженных пчел, и снова садились, облепляя рану темным облаком. Я закрыла лицо руками, не в силах смотреть на несчастное животное, и благословила гром выстрела Дэвида, избавившего слона от страданий.

По границам парка лежали территории, населенные африканскими племенами, но только одно или два из них были тесно связаны с браконьерами, которые вели с охраной парка самую настоящую войну. Одни браконьеры считали охоту всего лишь побочным занятием, ею они занимались только тогда, когда был

собран урожай и им становилось нечего делать. Другие — были профессионалами и никакой другой работы не знали. Они считались высококвалифицированными специалистами своего дела, и поймать их было делом очень трудным. Они знали, где проходят звериные тропы, где найти воду даже в разгар сухого сезона, у каких растений съедобны плоды и корни. С большим луком и отравленными стрелами они могли долгое время жить в чаще, не имея никакого другого снаряжения, кроме горшка для варки пищи, одеяла и своего оружия. Даже на спички они смотрели, как на ненужную роскошь, так как добывали огонь дедовским, традиционным способом: закругленный конец палочки из дерева твердой породы вставляли в тщательно выделанное углубление в дощечке из мягкого дерева, палочку быстро вращали между ладонями, пока дерево не нагревалось настолько, что дощечка начинала тлеть. Древесную пыль ссыпали затем в лунку, проделанную в комке сухого слоновьего помета, который может тлеть часами; поэтому его всегда можно носить с собой и, когда потребуется огонь, стоит лишь подуть на тлеющий помет, как пламя пробуждается к жизни.

Обычно браконьеры действовали небольшими группами — от трех до восьми человек, создавая себе тайные базы в ключевых пунктах. Причем тайники эти иногда делались очень искусно. Для тайника, как правило, выбирали густую заросль кустарника, посередине расчищали площадку, устраивали два или три выхода и копали удобную, надежно скрытую от глаз землянку. Такие тайники были хорошо известны браконьерам (имели даже свои названия) и в течение ряда лет служили базой разным группам, пока их случайно не находили патрули. Добытые бивни слонов и рога носорога закапывали до конца охоты, затем

доставляли в селения, где и сбывали скупщикам слоновой кости.

Большая часть профессиональных браконьеров — охотников на слонов и носорогов — принадлежала к небольшому племени лиангулу, жившему в четырех или пяти небольших деревеньках вдоль восточной границы парка. Это были жизнерадостные, очень приятные люди, имевшие, однако, слабость к выпивке, и все, что они добывали продажей своих охотничьих трофеев, исчезало очень быстро.

Главные браконьеры были нам хорошо знакомы, но арестовать их оказалось почти невозможно. При первом же намеке на опасность они покидали границы парка, а преследовать их дальше патрули не имели права. Стало очевидно, что если егеря не получат разрешения преследовать нарушителей за пределами парка, то контролировать их действия нам не удастся и, более того, под угрозой будет поставлено само существование парка как заповедника для животных.

К счастью, нашлись люди, которые понимали опасность создавшегося положения и развернули широкую кампанию по охране природы. Большую роль в пропагандистской работе среди населения сыграло общество защиты диких животных Кении, а его председатель — Ноэль Саймон стал нашей главной опорой. Благодаря его исключительному энтузиазму и энергии собрали средства для найма людей, необходимых для эффективной борьбы с браконьерами. Значение его вклада в успех всей кампании нельзя переоценить.

К концу 1956 года были укомплектованы еще два полевых отряда, уже накопившие тот же опыт, что и наш старый отряд, кстати сказать, тоже увеличенный. Полиция предоставила в наше распоряжение легкий самолет для поддержки действий наземных патрулей и прикомандировала офицера, который имел право на

составление протоколов и мог обеспечить содержание арестованных. Армия передала нам несколько радиостанций для связи между полевыми группами и центром управления в Вой, а также портативные станции для связи групп между собой и с самолетом поддержки.

Мой брат Питер, служивший до последнего времени в Западном Цаво, был переведен в помощь Биллу, возглавившему наш прежний полевой отряд, который на время кампании получил наименование «силы Вой». Хью Месси и Дэннис Кэрни были назначены командирами одного из основных отрядов, а Дэвид Браун и Дэвид Маккейб — другого. Мой скромный вклад состоял в том, что я исполняла секретарские обязанности и вела картотеку. На каждого браконьера, который становился нам известным, заводилась особая карточка. Во время допроса задержанных все, что мы узнавали о деятельности каждого из них, а также их товарищей, записывалось. При аресте мы фотографировали браконьера и прикрепляли его снимок к карточке «деяний». Благодаря этой, в общем-то простой мере, любой браконьер довольно легко нами опознавался.

Штаб в Вон действовал весьма активно, и, по мере того как перед нами проходил постоянный поток задержанных, наша информация становилась все полнее и содержательнее. Опираясь на ее анализ, устраивали засады на браконьеров и торговцев слоновой костью. На это горячее время были приостановлены работы по развитию парка. Буквально все имеющиеся силы собрали в кулак и бросили на борьбу с браконьерством.

Естественно, что Билл бывал при этом дома только наездами, и я неделями оставалась одна. Джилл исполнилось уже два года. Я наняла няню-африканку, чтобы она присматривала за ребенком и играла с ним в

саду, пока я на работе. За время моего одиночества случилось одно не совсем обычное происшествие. Жизнь продолжалась, а так как я жила в Цаво, месте довольно своеобразном, то время от времени здесь происходило что-либо из ряда вон выходящее.

Однажды я была приглашена на ужин и около десяти часов вечера возвращалась домой. В глубине души я всегда боялась приходить домой поздно, так как мой сад не был ничем огорожен. За террасой он переходил прямо в заросли, и всегда можно было ожидать, что голодный лев прыгнет на меня из-за цветущих кустов, окаймлявших дорожку от стоянки машин до дома. Возвращаясь вечером домой, я каждый раз невольно ускоряла шаги, подгоняемая неприятным ощущением, что за мной кто-то пристально следит. В конце дорожки у ступенек дома я, как правило, почти бежала, все время думая о том, что рабочие, проходившие несколько месяцев назад вечером за домом Дэвида, столкнулись со львом и были вынуждены искать убежища на веранде. Пробегая на этот раз по ступенькам, я заметила, что окно моей спальни разбито и осколки усеяли весь пол. Это меня неприятно озадачило, и, проверив, как спит в своей кроватке Джилл, я вышла наружу, чтобы осмотреть все повнимательнее. Меня беспокоила судьба моей кошки, сиамской полукровки Люси, которая любила сидеть на подоконнике. Ее нигде не было видно, и я начала думать, не утащил ли ее филин, разбив припадении окно. Я осмотрела дом и вышла в сад. «Люси, Люси...» — звала я кошку, но ни один звук, кроме моего голоса, не нарушал тишину африканской ночи. Наконец я оставила свои попытки и отправилась спать, моля бога, чтобы Люси вернулась домой как обычно к утреннему чаю.

Едва алые лучи солнца окрасили небо, как я открыла дверь и, к моему великому облегчению, увидела Люси, мчащуюся через полянку, чтобы

радостно меня приветствовать. Но тут же я заметила, что висевшие на веранде олени рога — трофей, привезенный Биллом из последней отпускной поездки в Шотландию, — повернуты куда-то в сторону. Я поправила их, и тут мне бросились в глаза глубокие царапины на стене пониже рогов. Это меня еще больше удивило, и я вышла в сад посмотреть, нет ли там еще каких-либо следов. Действительно, на мягкой земле цветника отчетливо виднелись отпечатки громадных лап льва.

Я рассказала об этом Дэвиду, и он решил осмотреть все сам. Судя по следам, лев несколько раз обошел вокруг дома, прыгнул на веранду, рванул когтями по стене, видимо, с целью сорвать рога, и при этом случайно разбил стекло в окне спальни.

— Вы думаете, он сделал это из любопытства? — спросила я Дэвида нерешительно.

— Да нет, скорее от голода, — последовал ответ, который меня совсем не успокоил.

Только через пару недель я решилась снова выйти из дома вечером. А через несколько месяцев произошел еще один инцидент, опять-таки сильно меня взволновавший.

На сей раз я была приглашена на барбекю^[4] и, уходя, оставила на веранде лампу, чтобы отпугивать ночных мародеров. Подъезжая к дому, я заметила, что свет не горит. Посидев в машине и прислушавшись, я наконец набралась храбрости, чтобы преодолеть дорогу к дому. Все было тихо, и я стрелой помчалась к веранде. То, что я там увидела, буквально меня потрясло. Лампа разбита, кресла перевернуты и даже стол лежал на боку. Решив, что здесь скорее всего напились и передрались слуги, я помчалась к машине и поехала за Дэвидом. Он сразу же пошел к нам. Слуги объяснили Дэвиду, что весь этот погром учинил лев, загнав на

веранду водяного козла. Расследование на месте подтвердило правоту их слов. Действительно следы копыт водяного козла, едва заметные на бетоне дороги, были отчетливо видны на веранде. Льва же, очевидно, напугала разбившаяся лампа, ибо его следы вели от веранды в противоположную сторону. Водяной козел скорее всего примчался к дому в поисках спасения.

Мне и раньше довольно часто приходилось слышать, как дикие звери, когда им не остается ничего другого, ищут помощи у человека. На территорию госпиталя в Вои забежал как-то малый куду, таща за собой обломок дерева, привязанного к проволочной петле, охватившей шею животного. Здесь антилопа спокойно легла на автомобильной стоянке, не обращая никакого внимания на шумную толпу африканцев, привлеченных столь необычным зрелищем. О несчастном случае с куду сообщили в полицию, и вскоре на место происшествия прибыл помощник дежурного офицера. Подойдя к антилопе, он был крайне удивлен тем, что она не оказывала никакого сопротивления, пока снимали петлю с ее шеи. Полицейский еще больше удивился, когда антилопа, избавившись от ловушки, неожиданно вскочила на ноги и мгновенно исчезла в кустарнике, очевидно, вполне удовлетворенная результатом своего эксперимента.

Знакомство с Тивой

Борьба с браконьерством проходила настолько успешно, что к 1958 году на территории парка его практически ликвидировали. Надобность в большом количестве отрядов отпала, и было решено вернуться к обычному порядку несения службы. Две созданные недавно группы передали в распоряжение департамента охоты, который принял на себя ответственность за контроль над браконьерами в соседних с парком районах, а патрулирование нашей территории вновь возложили на прежнюю полевую группу.

До сих пор все работы по реконструкции парка проводились южнее реки Галаны. Теперь Дэвид решил обратить внимание на обширную и еще не тронутую северную область. Хотя она отличалась суровыми природными условиями и была слишком изолирована, чтобы сделать ее доступной для обычных посетителей с их маленькими легковыми машинами, Дэвид очень хотел создать административный пункт в районе Итамбо, вблизи северной границы парка, подведя туда дороги, чтобы держать под контролем браконьеров. Для непосредственного руководства этими работами был назначен мой брат Питер. С этой целью его перевели к нам в Восточный Цаво.

Для Питера построили уютный домик на склонах холма Итамбо, откуда открывался захватывающий вид на долину Вакамба. В отдаленные уголки района были проложены дороги, и Питер приступил к интереснейшей работе по изучению сказочного русла реки Тивы.

Мне никогда не приходилось бывать севернее Галаны, но я много слышала о Тиве и мечтала увидеть

ее своими глазами. И вот теперь экспедиция, наконец, организована. Все оборудование лагеря и продукты на четыре дня погрузили в машины, и мы отправились.

Сначала наш путь проходил по железобетонной дамбе у водопадов Люгарда, построенной на скалах, поднимающихся с ложа реки. Девять месяцев в году здесь стоит низкая вода, но с началом сезона дождей вода в реке поднимается на несколько футов и бешеный поток заливает дамбу, делая проезд невозможным. Тем самым северная часть парка оказывается полностью изолированной. Дальше дорога выходит на плато Ятта — один из самых длинных в мире потоков лавы, простирающийся почти на двести миль от Тика, вблизи Найроби, до границы парка у Лали.

Река была удивительно красива. По ее берегам росли величественные акации и романтические пальмы-дум, а островки, поросшие ветвистыми тополями и покрытые зарослями высокого тростника, создавали идеальное укрытие для водяных козлов и бушбоков. Затем наш путь лежал через Мепи Геп — один из немногих проходов по плато Ятта. Именно здесь множество слоновьих троп, соединяясь вместе, образовывали широкую дорогу к реке. На этом участке мы ехали, пользуясь всеми преимуществами, которые нам давала дорога слонов, пробитая среди холмов бесчисленными поколениями гигантов животного мира. Более всего эта местность напоминала лунный ландшафт. Почти все деревья либо согнуты, либо исковерканы, либо вырваны с корнем, кора с ветвей сорвана, словно каждый из проходивших слонов считал своим долгом оставить здесь свою отметину. Дорога сплошь усеяна пометом слонов, лежащим на земле, словно бесчисленные ядра после жестокой и яростной битвы. Вид окрестностей полностью поглотил мое внимание, но тут Дэвид неожиданно остановил машину и указал рукой на склон.

— Смотри, носорог, — сказал он.

Как я ни напрягала зрение, но ничего не смогла заметить.

— Ну-ка, крикни ему, Билл, — попросил Дэвид.

Билл вышел из машины и сложил ладони рупором у рта: раздался жалобный, квакающий звук, который, по представлениям нормального человека, совсем не походил на крик носорога. Внезапно то, что я принимала за куст, зашевелилось, передвинулось на несколько шагов и остановилось. Билл снова издал призывный клич. На этот раз носорог действовал решительнее и быстрой рысью, с высоко поднятым вверх хвостом, направился к нам. Дэвид завел машину и, когда зверь был уже совсем рядом, отпустил сцепление, — мы рванулись вперед. Сзади послышался храп зверя, и сквозь облако пыли я разглядела его низко опущенную голову. Когда мы набрали скорость, носорог свернул в сторону и направился по своим делам, довольный тем, что пришелец изгнан.

(Позднее нам пришлось познакомиться с этим носорогом довольно близко, так как его можно было постоянно видеть в районе Мепи Геп. Через какое-то время он даже привык к нам. Мы прозвали его Рудольфом и старались увидеться с ним всякий раз, когда проезжали по этому маршруту.)

Оставив позади носорога, мы въехали в настоящее море невысоких кустов. Здесь я впервые увидела особый подвид газели Гранта, так называемую газель Питерса. Она отличалась от обычных газелей Гранта тем, что белое пятно на ее крестце не переходило на спину, а также отсутствием полос по бокам. Далее нам повстречалось стадо ориксов с их прямыми длинными рогами, а еще дальше мы увидели уносящихся громадными прыжками малых куду. Но вот внезапно перед нами, словно возникая из ниоткуда, прорвав горизонт, появилась вершина холма Киасса,

поднимающаяся у дороги, будто одинокая пирамида. Здесь мы сделали привал, чтобы выпить по чашечке кофе. Потом мне показали только что законченный резервуар для воды. В период дождей потоки воды со склонов скал стекают по специальным каналам, заполняют его и создают запасы влаги, которыми пользуются наши патрули в сухое время. Такая мера дает им возможность действовать на громадных безводных просторах в междуречье Галаны и Тивы.

Наш дальнейший путь к Тиве протекал без особых происшествий. Правда, по дороге повстречалось несколько стад слонов, но Дэвид не захотел из-за них задерживаться, ибо нам предстоял еще долгий путь, и надо было успеть разбить лагерь до темноты.

Тива была именно такой, какой я ее себе представляла по описаниям. Мы обогнули излучину реки. Из-за высоких деревьев открылся берег, на светло-желтом песке которого виднелись многочисленные «визитные карточки» слонов. Когда мы остановились и вышли из машины, я увидела нескольких бабуинов. Они удирали по песку, удивленно озираясь на нас на бегу. Забравшись на дикую смоковницу, ветви которой нависали над берегом, бабуины принялись громко браниться, выражая нам свое презрение криками и гримасами. Потом среди них появились зеленые мартышки, с любопытством уставившиеся на нас. Я прошла дальше по руслу реки и сразу же увидела ямы, которые слоны выкопали в песке, чтобы добраться до водоносного слоя, залегавшего здесь на большой глубине. Некоторые из ям отличались большими размерами и явно использовались носорогами. Поодаль, где вода залегала ниже, ямы значительно углублялись, образуя — и, видимо, не случайно — наклон. Просунув туда руку на всю длину, мне удалось только коснуться влажного песка на самом дне. Я могла бы часами

бродить вдоль этой удивительной реки, однако пора было возвращаться в машину, чтобы продолжить путь к Итамбо, где нас встречал Питер.

Брат проделал здесь громадную работу и в фантастически короткий срок построил образцовый административный поселок: рядами, словно на параде, в тени громадных деревьев стояли круглые, крытые пальмовыми листьями домики, предназначенные для объездчиков. Чуть далее расположился аккуратный служебный домик с картами, развешанными по стене. Здесь имелось укрытие для машин и сторожка для охраны, а перед зданиями — терраса из тщательно подогнанных неотесанных камней. Ниже ее из-под камней выбивался ручеек, тонкой струйкой перескакивавший дорогу и исчезающий в кустах на другой стороне. Дом Питера стоял в полумиле отсюда, и дорога к нему была окаймлена великолепными бугенвиллиями. Сам дом восхитителен, покрыт пальмовыми листьями, внутри сияет безупречной чистотой, а красный цементный пол блестит, как зеркало, соперничая с моим деревянным.

После завтрака все мы направились к цели нашего путешествия — той части Африки в нижнем течении Тивы, которой африканцы дали романтически звучащее имя — Ндиандаза.

Это — обширная равнина, поросшая зонтичными акациями, напоминая мне страну масаев. Здесь мне был преподан первый урок того, как нужно организовывать охотничьи экспедиции. Дэвид не забыл ничего. Объездчики и двое наших личных слуг были великолепно подготовлены и хорошо знали, кому и что надлежит делать. Как по мановению волшебной палочки появились палатки, в них расстелены постели и поставлены столы. На дереве повис походный душ, вокруг него сооружена кабина из ветвей. Под тентом — обеденные столы, а неподалеку, прикрытые натянутым

на колья брезентом, стояли в ряд покрашенные зеленой краской и аккуратно пронумерованные ящики. Под деревом устроен очаг, на котором кипел громадный чайник. Повар подкидывал в огонь дрова и выгребал пылающие угли, служащие для приготовления пищи. Столы были покрыты разноцветными скатертями, и у каждой палатки поставлен таз с горячей водой. Полотенца закрепили на растяжках палаток бельевыми прищепками, а когда солнце превратилось в алый шар и опустилось за горизонт, стулья сдвинули вокруг походного костра. Мне был задан традиционный вопрос: что я предпочла бы выпить?

На следующий день мы отправились на машинах вверх по руслу Тивы. Это было не путешествие, а какой-то прекрасный сон, потому что почти за каждой излучиной нам открывались непередаваемо прекрасные картины. Много раз приходилось пережидать, пока слоны не закончат свой водопой, а однажды мы вынуждены были даже спешно свернуть к реке: слон с его огромными растопыренными ушами возвышался прямо над нами на фоне неба. Сердце мое готово было выскочить из груди. Нам ничего не оставалось, как ждать, так как впереди были другие слоны. К счастью, громадное животное медленно повернулось и, наконец, пошло прочь, изредка поворачивая на ходу голову, чтобы взглянуть на нас.

Мы видели множество мангуст, шнырявших по берегу и скрывавшихся при нашем приближении в норах и старых термитниках.

Здесь я впервые увидела огромного слона. Он пил воду в компании двух своих товарищей, а когда поднял голову, то меня объял какой-то благоговейный страх. Два его огромных бивня свисали почти до земли и завершались изящным изгибом на концах. Каждый из них весил по меньшей мере около ста двадцати фунтов.

Немного далее мы потревожили двух большущих буйволов, зло посмотревших на нас. Чуть помедлив, они тяжело выбрались на берег и исчезли в кустах иод треск ломавшихся сучьев. Русло реки было здесь усеяно столь многочисленными ямами, что даже «лендровер» с трудом прокладывал себе путь, а множество цепочек звериных следов так пересекались между собой, что напоминали гигантскую паутину. Помет диких зверей лежал здесь сплошным ковром по руслу реки: на каждом дюйме песка оставили свои следы самые различные животные. Дэвид остановил машину.

— Это место — одно из многих излюбленных водопоев на Тиве — называется Катамулой, — сказал он.

Мужчины сразу же начали с жаром обсуждать, нельзя ли построить здесь тайник, откуда можно было бы, сидя в безопасности, любоваться множеством зверей, сходящихся на водопой. Поскольку здесь не было деревьев, которые подошли бы для установки наблюдательной платформы, Дэвид предложил соорудить на берегу землянку со стенами из стволов пальм, разместив ее с учетом господствующего направления ветра так, чтобы запах человека не потревожил зверей. Питер немедленно приступил к осуществлению этого плана.

Пока мужчины вели деловые разговоры, я как зачарованная внимала голосам различных птиц, наполнявшим воздух. Здесь было очень много горлиц, хлопотливых ткачей (или ткачиков, как их еще называют) и других птиц. То тут, то там слышался самый любимый мною из голосов Африки — призывный крик хохлатого франколина, постоянного обитателя кустарника.

Мы вернулись в лагерь к заходу солнца. О, эти незабываемые закаты Цаво! Великолепный финал великолепного дня! Малиновый цвет неба постепенно

становился красным, затем розовым, потом к нему добавилась целая гамма различных тонов от темно-оранжевого до нежнейшего светло-желтого, которая в восточной части неба переходила в пастельные тона.

Та ночь памятна мне по мощному концерту, устроенному львами. Их рычание становилось все громче и громче, так что я, наконец, стала беспокоиться о Джилл, которая спала в своей маленькой палаточке, поставленной рядом с нашей. Мы никогда не закрывали полога на ночь, и я забеспокоилась, как бы девочка не испугалась. Я вылезла из постели, но прежде чем бежать к Джилл, зажгла фонарь и посветила вокруг. Вы удивились бы так же, как и я, услышав, как дочка строгим голосом сказала:

— Погаси фонарь, мамочка, ты можешь испугать львов.

До свидания, Фатума!

Когда Фатуме исполнилось шесть лет и она достигла почти шестифутовой высоты, в ней пробудилась страсть к детям. Увидев ребенка, она направлялась к встревоженному малышу и осторожно подталкивала его к себе, разместив между передними ногами так, как это делают взрослые слони со своими детенышами. Если ребенок соглашался на такую игру, она ласково урчала и гладила его хоботом. Естественно, что не все посетители парка правильно понимали ее поведение, и нередко Фатума с удивлением наблюдала, как девочка с воплем удирает от нее на полной скорости.

Слониха обожала Джилл, которая была идеальным объектом для проявления ее материнского инстинкта. Но даже Джилл, выросшая среди диких зверей и смотревшая на Фатуму так же, как другие дети смотрят на собаку или на кошку, не всегда с удовольствием принимала эти проявления любви, в особенности, если они мешали какому-либо другому ее занятию, например, катанию на трехколесном велосипеде. Было очень забавно наблюдать, как четырехлетняя кроха сердито пытается столкнуть с дороги шестифутовую громадину.

Оба слона, и Самсон и Фатума, оказались удивительно разумными. Когда они хотели пить, то хоботом открывали кран или засовывали в пасть конец поливочного шланга, избавляя себя тем самым от необходимости предварительно наполнять хобот водой. К несчастью, мы не смогли убедить их в том, что, утолив жажду, кран нужно закрыть. Это причиняло определенные неудобства, особенно в то время, когда Самсон стал свободно разгуливать по ночам.

У него был талант открывать ворота, и очень скоро слон в совершенстве овладел этим искусством. Он просовывал хобот через верхнюю часть решетки своего стойла, приподымал щеколду, нажимая одновременно всем телом на дверь. Выйдя на волю, Самсон шел к Фатуме и, как истый джентльмен, открывал дверь и ей. Это особенно поражало нас, ибо требовало совсем иной техники исполнения — дверь следовало тянуть на себя, а не толкать вперед. В конце концов, чтобы заставить слона оставаться по ночам в стойле, нам пришлось создать сложную систему из железных прутьев, защелок и проволоки.

Долгие часы наблюдала я, как слоны пасутся в кустарнике. Пищу они выбирали исключительно по запаху. Наметив себе тонкую ветку, слоны ловко снимали с нее все листья одним быстрым движением своего чрезвычайно удобного орудия — хобота. Если растение приходилось вырывать с корнем, то слон, захватив его хоботом, отряхивал землю о переднюю ногу, прежде чем отправить себе в пасть. Если пучок травы был сильно прижат к земле и сразу справиться с ним не удавалось, слон осторожно приподымал его с помощью передней ноги и хобота.

Я обнаружила, что слон не видит предметов, расположенных выше уровня глаз. Это связано с тем, что глаза у него направлены вниз. В том случае, когда голова у слона поднята, он видит все прекрасно.

Дэвид изучал режим питания и рацион наших ручных слонов. Скоро ему удалось установить, какие кустарники и деревья для них съедобны. Он учитывал и записывал скорость их роста и время от времени измерял длину бивней.

Безропотно перенося все эти измерения, Самсон и Фатума принесли науке определенную пользу, тем более, что в парке было вскоре поставлено специальное исследование жизни слонов.

Шли годы, и сюда не раз доставляли покинутых родителями маленьких слонят. К сожалению, ни разу так и не удалось вырастить слоненка. Когда такой малыш попадал к нам, в нем было меньше трех футов роста, и он не мог еще питаться растениями. Мы испытали бесчисленное множество смесей, но найти удовлетворительной замены слоновьему молоку так и не смогли. Столь же печальным был в таких случаях и опыт других исследователей.

В начале 1958 года в Вои проводилась районная сельскохозяйственная выставка. Нас попросили подготовить специальный раздел.

Как ни странно, но многие местные жители никогда не видели слонов, и мы решили представить на выставку Самсона с Фатумой. С этой целью в день открытия выставки их рано утром перевели в маленькие загончики, устроенные в задней части нашего сектора.

Слоны постоянно собирали вокруг себя толпу. Было интересно наблюдать недоверчивое выражение на лицах африканцев, когда они впервые на таком близком расстоянии видели слонов. И каждый раз, как Фатума вытягивала хобот, чтобы приветствовать ребенка, а Самсон набирал воды, чтобы полить себе спину, в толпе раздавался удивленный вздох, а затем следовал взрыв хохота. Поначалу мы немного беспокоились за слонов, так как не знали, как поведут себя наши сироты среди такой толпы в незнакомой обстановке. Но все тревоги оказались напрасными. Казалось, слоны каким-то образом восприняли дух происходящего и на протяжении всей выставки вели себя превосходно.

В начале 1959 года Билл получил повышение — его назначили директором Национального парка Маунт-Кения. Это означало, что нам следовало покинуть Цаво. Хотя я и очень радовалась за Билла, мысль о жизни вне Восточного Цаво угнетала меня. Грусть росла с каждой упакованной вещью, и, наконец, когда дом стал походять на пустую раковину и приобрел странный и негостеприимный вид, я почувствовала себя совсем несчастной. Усугублялось все это еще и тем, что Билл уехал на несколько дней раньше меня.

Никогда не забуду моей последней ночи в Восточном Цаво. Дэвид делал все, чтобы развеселить меня, но когда он ушел, я обрадовалась возможности побыть одной, вышла из дома и долго стояла, вслушиваясь в звуки африканской ночи. Когда до

расставания оставался только один час, я пошла прощаться с Самсоном и Фатумой. Тихо открыла дверь стойла Фатумы, вошла внутрь, услышала знакомое приветственное урчание, и ее хобот обвил мне шею. Я через перегородку погладила Самсона, похлопала легонько Фатуму и сказала им «прощай». Потом медленно пошла домой, стараясь казаться спокойной, чтобы не волновать Дэвида.

Пришло время отъезда. Еще труднее мне было распрощаться с Дэвидом. Когда поезд, наконец, тронулся, я даже почувствовала облегчение.

Через несколько месяцев, после семи лет супружества, мы с Биллом разошлись. Оба мы были слишком молоды, когда поженились, и по мере того как шли годы наше восприятие жизни и характеры развивались настолько по-разному, что жизнь только отдаляла нас друг от друга.

После развода я уехала к старшей сестре в Найроби. Знание стенографии помогло мне получить хорошую работу. Джилл стала ходить в детский сад. Однако после жизни, к которой я привыкла, эти дни казались такими скучными и пустыми, что я работала совершенно механически: мысли мои витали в двухстах милях отсюда. Каждый раз, как только представлялась возможность, я уезжала назад в Цаво, к брату. И каждый раз, приближаясь к Вои, высовывалась из окна вагона, чтобы полюбоваться морем зарослей, залитых лунным светом, и почувствовать еще раз их странную притягательную силу.

Несмотря на то что я каждый раз приезжала в крайне неудобное время, в четыре утра, меня всегда встречали либо брат, либо Дэвид. А когда приходило время возвращаться в Найроби, у меня было такое же чувство, как у школьницы, уезжающей из дома в интернат.

Месяц шел за месяцем и мысль, что всю свою жизнь придется стучать по клавишам машинки, ужасала меня. Временами казалось, что я схожу с ума. Я думала, что лучше уж было бы умереть и лежать в земле на берегу Галаны, где я покоилась бы в мире под шорох пальм.

И вот однажды Дэвид попросил меня стать его женой. Я не могла поверить своим ушам. Первый его брак был неудачным, и он постоянно твердил, что не создан для семейной жизни и никогда не женится снова. Пока я тщетно старалась привести в порядок свои мысли, он добавил:

— Хотя я чертовский эгоист и жизнь со мной, возможно, будет адом, но, пожалуйста, скажи мне «да».

Я сказала «да», и мы поженились в Момбасе, не привлекая к себе внимания. На свадьбе присутствовали только мои родные, брат Питер был шафером. Я никогда не думала, что стану такой счастливой. После краткого свадебного путешествия на озеро Маньяра в Танзании мы возвратились в Цаво, и я чувствовала себя на седьмом небе. Несколько недель я провела в трудах по превращению жилища холостяка в семейный очаг.

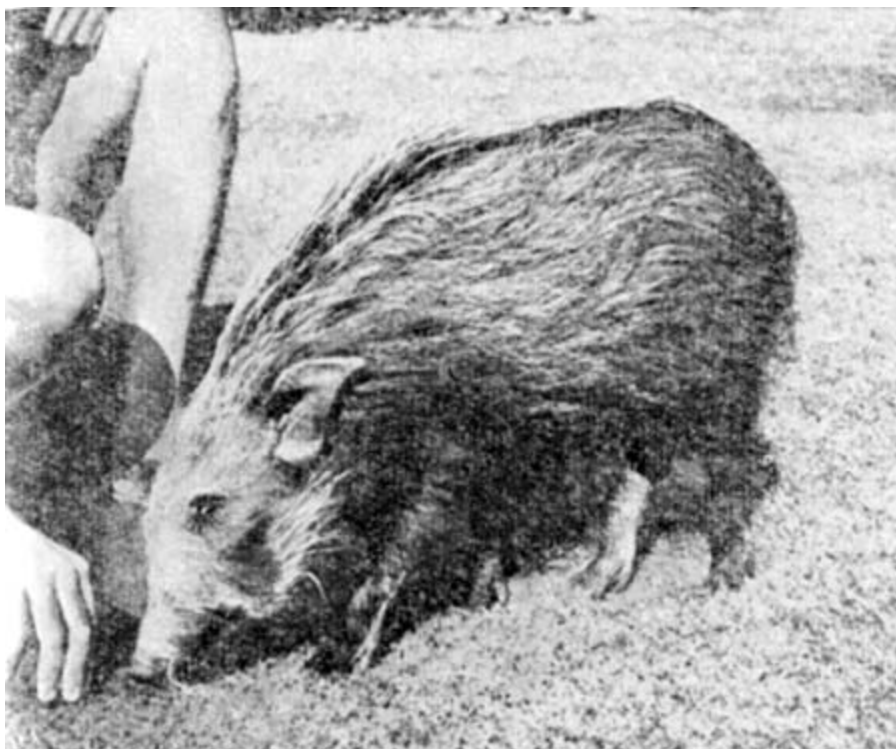
Билл также женился вторично, и я была рада, что в своей Рут он нашел нужного ему человека.

Пиглет

Считалось естественным, что женам смотрителей парка время от времени приходится принимать на себя заботу о зверенышах, отбившихся от матерей. Я не была исключением. В этих случаях Дэвид ставил только одно непереносимое условие: зверек может уйти на волю, когда он этого пожелает. Он должен расти в условиях, возможно более близких к естественным, с тем, чтобы на свободе (если он пожелает ее избрать) смог позаботиться о себе и занять место в естественных условиях среди себе подобных. Это правило не легко соблюсти, так как к подкидышу обязательно привязываешься и эмоции часто мешают делать то, что всего полезнее для зверя. Я, конечно, старалась всегда помнить о судьбе своих питомцев и понимала, что, превращая дикое животное в домашнее, мы оказываем ему плохую услугу и это причинит зверю в будущем много страданий.

Однажды к нам в гости заехал Ян Парке, один из смотрителей охотничьих угодий на побережье. Выйдя из машины, он осторожно вынул из нее крохотного поросенка кистеухой свиньи, и тот, постукивая копытцами, засеменил вслед за ним. Таким мы впервые увидели Пиглета. Ян почесал ему животик, кабанчик опрокинулся на спину с таким смешным выражением блаженства на мордочке, что я была просто в восторге. Когда Ян спросил нас, не хотели бы мы взять поросенка себе, мы с удовольствием согласились. Правда, я была несколько удивлена той поспешностью, с которой он передал нам своего воспитанника, но Пиглет был настолько очарователен, что я быстро отбросила всякие сомнения.

Ростом Пиглет был с новорожденного домашнего поросенка, его туловище покрывали редкие длинные волосы с продольными черными и коричневыми полосами; он имел красивую гривку и в таком наряде выглядел настолько привлекательно, насколько вообще может показаться красивым поросенок. Он быстро привык к своему новому окружению и повсюду сопровождал нас, постукивая копытцами, опустив пяточок до земли и не отрывая своих маленьких блестящих глазок от наших каблучков.

Вечером мы потратили много труда, приготавливая Пиглету удобное ложе в комнате, где мы гладили белье, однако, как только его заперли, он немедленно разразился пронзительным визгом, прерываемым хрюканьем в те моменты, когда набирал в легкие воздух. Полагая, что кабанчик скоро успокоится, мы решили сперва не обращать внимания на его визг, но примерно через час стало ясно, что спать нам не

придется, ибо Пиглет и не собирался замолкать. Пришлось допустить его в спальню, и он с довольным хрюканьем улегся под кровать.

Как раз в это время мы собирались отправиться с друзьями в экспедицию в район рек Цаво и Ати, и нам ничего не оставалось, как взять Пиглета с собой. Дэвид приготовил ему ложе в заднем отделении нашего «ленд-ровера», и мы отправились, сопровождаемые грузовиком с лагерным оборудованием. На протяжении первого перегона Пиглет не издал ни единого звука, и мы уже решили, что, как это ни удивительно, но ведет он себя непривычно хорошо. Причина скоро стала ясна — его просто ужасно укачало со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Мы остановились, и, пока Дэвид отпаивал кабанчика водой, я сделала все, что в моих силах, чтобы вычистить и вымыть машину. Когда мы, наконец, отправились дальше, Пиглет занимал почетное место на переднем сиденье рядом с Дэвидом и чувствовал себя намного лучше. Дальше наше путешествие протекало спокойно до тех пор, пока мы не подъехали к переезду через железную дорогу у реки Цаво. Здесь выяснилось, что железнодорожники сняли мостки через путь. Другой дороги в эту часть парка не было, и мы решили сделать временный переезд, набрав камней и сложив их эстакадой по обеим сторонам пути. «Лендровер» легко перевалил на другую сторону. Однако расстояние между передними и задними колесами грузовика оказалось значительно большим, а сделанные нами откосы недостаточно длинными, чтобы он мог преодолеть насыпь и пути. Передние колеса прошли, по потом сразу же раздался скрежещущий звук, и грузовик прочно застрял на рельсах.

Дело оборачивалось плохо, и хотя движение по линии было малоинтенсивным, никто не мог сказать точно, когда должен пройти следующий поезд. Дэвид

спешно поднял заднюю ось на домкрате, а мы судорожно подбрасывали под колеса камни. Но каждый раз, как только грузовик трогался, камни летели во все стороны, а сам он оставался на месте. После первой неудачи мы закрепили на «лендровере» буксирный трос, вновь подложили под колеса камни и затаили дыхание, когда Дэвид включил лебедку. Снова полетели камни, «лендровер» с включенным на передние колеса приводом задрожал и стал подаваться назад. Мы были близки к панике. Пот лил ручьями по лицу Дэвида, и он снова и снова поднимал грузовик на домкрате, пытаясь оттащить его в безопасное место. К нашему ужасу, мы увидели бегущего железнодорожника, который криком предупреждал нас о том, что приближается поезд. Мне стало почему-то казаться, что все это происходит в каком-то страшном сне или не с нами. Однако вскоре мы услышали шум приближающегося поезда, хотя еще и не могли его видеть из-за поворота.

Одни из гостей бросился навстречу поезду, отчаянно размахивая парой красных джинсов, надеясь предупредить машиниста об угрозе столкновения. Дэвиду предстояло решить, что делать: отцепить «лендровер» и предоставить грузовик своей судьбе или сделать еще одну отчаянную попытку вытащить его. Если бы она не удалась, обреченными оказались бы обе машины, так как времени снять буксирный трос уже не было. Тут из-за поворота, словно огнедышащий дракон, испуская клубы дыма, показался поезд и стал быстро приближаться к нам. Дэвид решился. Он снова быстро приподнял грузовик на домкрате, мы набросали под колеса камни, а Дэвид кинулся к «лендроверу», прыгнул на сиденье и включил двигатель. Я закрыла лицо руками и взмолилась о чуде. Услышав рев двигателя «лендровера» и грохот поезда, я глянула сквозь пальцы и увидела, как колеса сначала провернулись, но затем

грузовик дрогнул и, наконец, перевалил через рельсы буквально за мгновение перед тем, как поезд прогрохотал мимо.

За нашими волнениями мы совсем забыли о Пиглете, которого перед этим высадили из машины и отпустили побегать. Оглянувшись, я заметила его невдалеке. Он рылся под кустом, словно ничего особенного не происходило.

Выпив крепкого черного кофе, мы отправились дальше. Примерно через милю неизвестно откуда появившийся носорог чуть было не налетел на машину, прежде чем мы его увидели. Дэвид мгновенно рванул «лендровер» в сторону, но я испуганно закричала. Мне стало стыдно, особенно когда Джилл спокойно заметила:

— Не надо так кричать, мамочка!

Эта часть парка знаменательна тем, что здесь живет множество носорогов, и пока мы доехали до лагеря — примерно двадцать миль, — то насчитали тридцать два экземпляра.

Наш вечерний обед был прерван плюющейся коброй, проскользнувшей под стол. Только мы опять сели за стол и принялись за еду, как из соседних кустов послышался устрашающий трубный звук, который заставил всех снова вскочить на ноги. Раздался топот ног, и мы бросились искать укрытие за стволом громадного баобаба, раскинувшегося невдалеке от палатки. В последующий момент мы увидели в кустах громадную фигуру. В тот же миг наш повар с невиданной для него ловкостью перепрыгнул через Дэвида и в одно мгновение взобрался на дерево до самой его середины. Тут из кустов появилось стадо слонов и промчалось совсем рядом с лагерем.

Не обращая внимания на всю эту суматоху, Пиглет безмятежно спал в нашей палатке под кроватью. Вообще за все время экспедиции он поражал нас своим

благодетельным поведением. Его перестало укачивать в автомобиле, и кабанчик решил, видимо, что он стал опытным путешественником. Тем не менее я почувствовала себя много легче, когда мы доставили его домой, и он вернулся к своей прежней жизни.

В последующие недели Пиглет стал расти удивительно быстро. Полосы на спине постепенно исчезли, и меня очень забавляла появившаяся у него способность выражать свое неудовольствие, вздыбливая гривку на холке. Он мог разглядывать вас холодным немигающим взглядом, но никогда не поднимал головы. При этом маленькие глазки кабанчика могли поворачиваться вверх, обнажая белки глаз.

Однажды вечером, когда Дэвид читал перед сном в постели, Пиглет был в особенно озорном настроении. Он носился по всей комнате, выискивая что-нибудь подходящее для того, чтобы свалить на пол. Наконец, кабанчик выбрал небольшую табуретку, с грохотом опрокинул ее и с довольным видом огляделся. Дэвид дотянулся до него и шлепнул. Расстроенный Пиглет убрался под кровать, но несколько минут спустя опять опрокинул табуретку и снова был наказан. Тогда он прекратил попытки выбраться из-под кровати и лежал там, возмущенно похрюкивая. Наконец, не в силах более терпеть подобное безобразие, он высунул голову, быстро огляделся, бросился к табуретке, наподдал ее так, что она подскочила в воздух, и, промчавшись стрелой по комнате, вернулся на свое место, не дожидаясь возмездия. Нет нужды говорить, что Пиглет вышел из этой борьбы победителем, а табуретка осталась лежать на полу.

Днем он, как привязанный, ходил за садовником и наблюдал профессиональным взглядом за его работой. Вскоре Пиглет продемонстрировал свои способности в этой области, перепахав газон, он выворачивал своим

пяточком целые пласты дерна. Он очень старался и не остановился до тех пор, пока вся площадка не оказалась тщательно перекопанной. Мы решили, что кабанчику пора понять непозволительность подобного поведения, но убедить его не смогли. Мы добились лишь того, что он стал внимательно следить за нами и, как только видел, что за ним никто не наблюдает, лихорадочно принимался за работу, стремясь использовать каждую минуту, нанося при этом максимум ущерба.

Так же невозможен становился он и в доме, где не упускал ни малейшей возможности доставить какую-нибудь неприятность. Так, Пиглет разбил мои самые лучшие вазы и получал величайшее наслаждение, стаскивая со стола скатерти, а вид вертикально стоящей мебели был для него просто непереносим. Все это заставило нас обсудить его судьбу и решить, что день кабанчик должен проводить в стойле у слонов, а ночь, вместо нашей спальни, — в пустующем курятнике.

Естественно, что Пиглет бурно запротестовал, когда его переводили в новое жилище, но мы были тверды, и через несколько дней он смирился. Нас несколько тревожил тот прием, который могли ему оказать Самсон и Фатума, но все тревоги оказались напрасными. Однажды утром, пока Самсон и Фатума приветствовали нас, мы незаметно выпустили кабанчика в загон. Он устоял на слона, в глазах появился стальной блеск, грива встала дыбом. Когда слоны обнаружили присутствие какого-то странного существа, они остановились и неуверенно попятились назад, поводя ушами и подняв вверх хоботы. Эти признаки слабости ободрили Пиглета, и он стал двигаться на них в полной готовности к бою. Тут нервы слонов не выдержали, и они отступили, громко трубя. Пиглет принял их капитуляцию как должное и начал копать в траве,

словно гонять слонов для него было самым привычным делом.

Пораженные таким неожиданным оборотом событий, мы решили не вмешиваться и оставили Пиглета на попечении зрителя за слонами, надеясь, что его подопечные скоро станут друзьями.

Самсон постепенно привык к поросенку, а Фатума наконец-то нашла в нем то, что ей было нужно — объект для своих материнских чувств. Она безоговорочно усыновила Пиглета и могла часами стоять над ним, ласково урча. Сперва тот был озадачен и принимал ее заботы весьма равнодушно. Но вскоре понял ситуацию и постарался использовать ее в своих интересах.

Что же касается их отношений с Самсоном, то Пиглет находил удовольствие в том, чтобы причинять ему всяческие неприятности. Он стрелой выскакивал из-под ног Фатумы, быстро кусал Самсона за ногу, мгновенно возвращался в свое безопасное укрытие и с любопытством наблюдал за развитием событий. Самсон, пылая жаждой мщения, злобно трубя, устремлялся за ним, но на защиту Пиглета становилась Фатума, не допускавшая расправы. Часто она и не подозревала о злобных шалостях своего приемыша, мирно пощипывала траву и думала, что Пиглет прячется у Самсона под брюхом. Как раз в этот момент Самсон начинал вопить от ярости. Это, естественно, приводило ее к мысли, что Пиглету угрожает опасность. Она приходила в неистовство, начинала, насторожив уши, крутить головой и готовиться к битве с любым врагом, осмелившимся угрожать ее сироте. Пиглет, конечно, получал от этой «игры» массу удовольствия.

Через несколько месяцев он нашел себе новый источник развлечений — гонять кур, принадлежавших одному клерку-африканцу. Как только Пиглета приводили вечером домой, в его глазах вспыхивал

бесовский огонек и он стрелой мчался по дорожке вниз, к дому клерка. В следующее мгновение там раздавалось громкое кудактанье, летели перья, и клерк с семейством бросались на выручку курам, изо всех сил стараясь выгнать Пиглета. Фатума, слыша эту суматоху, обнаруживала исчезновение Пиглета и вносила свою лепту в общий хаос, а тогда уже и Самсон начинал волноваться.

Существовал один надежный способ привести Пиглета в ярость. Он терпеть не мог, когда его толкали, а особую злость в нем возбуждали удары по пяточку. Однажды вечером, когда жена клерка, сидя на корточках, мыла посуду, там появился Пиглет и стал бегать вокруг, похрюкивая, в поисках каких-нибудь объедков. Женщина совершила ошибку, попытавшись оттолкнуть его. В отместку тот опрокинул ее и при этом зацепил руку своими острыми как бритва клыками. На крики сбежались все, кто был поблизости, включая Фатуму, которая бросилась к Пиглету и наподдала ему хоботом так, что тот отлетел в соседние кусты. Мы так и не смогли понять, стремилась ли она спасти жену клерка или же в сильном возбуждении, размахивая хоботом, случайно задела Пиглета.

После этого случая Дэвид решил больше не испытывать судьбу и разлучить слонов с Пиглетом. Кабанчик явно досаждал им, а это могло привести к несчастью. Поэтому Пиглета решили подарить Стиву Эллису, в то время главному смотрителю парка Найроби.

Кабанчика погрузили в большой ящик, на машине доставили к дому Стива и здесь выпустили. Когда Стива спросили, не хочет ли он взять поросенка, то тот несколько замялся. Тогда Дэвид наклонился и коварно почесал Пиглета по брюшку. Тот немедленно опрокинулся на спину, зажмурил глаза и соорудил

самую привлекательную в мире мордочку. Жена Эллиса была покорена.

— Он такой ласковый, — сказала она, — мы сможем пока держать его в огороде.

Дэвид дал газ и уехал, не дожидаясь, пока она переменит свое мнение. Последнее, что он увидел, это Пиглета, преследовавшего в саду громадного далматского дога.

Через несколько недель мы встретили Стива в Найроби и услышали продолжение истории Пиглета. Он быстро показал себя, славно «потрудившись» на огороде. Было решено отдать его живущему близ Найроби охотнику, которому здорово досаждала соседская овчарка. Собака беспокоила животных, содержащихся в клетках перед отправкой в различные зоопарки, лая на них и постоянно крутясь неподалеку. Пиглет быстро решил эту проблему. Он дал возмутителю спокойствия такой урок, что овчарка больше уже никогда не появлялась поблизости. Но и это не стало концом приключений Пиглета. В конце концов он попал в эдинбургский зоопарк. Вряд ли кто-либо из его посетителей подозревал, что эта привлекательная зверушка когда-то дружила со слонами!

Прощай, Фатума!

В Вон мы часто испытывали трудности с мясом, поскольку городок не имел своей бойни. Обычно нам доставляли его из Найроби поездом раз в неделю. Промучавшись некоторое время, мы решили, что неплохо бы иметь другой источник снабжения, и купили шесть хороших жирных овец.

Поскольку на ночь их нужно было запира́ть в безопасном месте, мы завели овец в пустой хлев рядом со стойлом Самсона. Когда слоны вечером вернулись домой, Самсой уже на расстоянии почувствовал посторонний запах и немедленно стал выказывать признаки неудовольствия. Лишь с большим трудом нам удалось завести его в стойло. Когда же, заглянув через перегородку, слон увидел своих соседей, то возмущению его не было предела, и выражал он его достаточно громко.

Мы ушли, полагая, что Самсон скоро привыкнет к своим безобидным соседям и все останется как было. Однако он не пожелал спать рядом с овцами, и среди ночи мы услышали оглушительный треск. Решив, что кто-то ломится в нашу оружейную, Дэвид схватил электрический фонарь и рванулся наружу. Поняв, что шум раздается в районе слоновника, Дэвид помчался туда. Загон имел такой вид, словно в него по меньшей мере попала бомба. Передняя стенка лежала на земле, а по сторонам были раскиданы кирпичи и камни. Самсон, который на этот раз полностью оправдал свое библейское имя, беспечно пасся неподалеку, явно удовлетворенный тем, что ему удалось избавиться от неприятного соседства.

На следующий день стойло пришлось восстанавливать да, кроме того, еще соорудить

отдельный загон для овец, причем по возможности дальше от слоновника. Вообще опыт с овцами не оправдал наших надежд, так как совсем рядом с домом двух овец среди белого дня задрал леопард.

Несколько месяцев спустя семейство наших слонов увеличилось еще на одного слоненка. Его поймали, когда он бесцельно бродил около водоема Кандери, расположенного в пяти милях от административного городка. Как только его доставили к нам, мы присоединили слоненка к остальным нашим приемышам. На его спине зияла ужасная рана, полученная, как видно, в борьбе со львом. Снова начались мучительные процедуры ежедневного вливания антибиотиков и перевязок. Новичка мы назвали Кандери. Самсон и Фатума дружелюбно приветствовали его, выражая свое удовольствие глухим урчанием.

На протяжении ряда месяцев Кандери относился к нам несколько настороженно, вероятнее всего потому, что первые несколько недель его приходилось ловить для того, чтобы обработать раны. Естественно, что при виде шприца он немедленно пытался скрыться с глаз.

Когда слоненка впервые привели к нам, он был в очень плохом состоянии, но вот его раны зажили, и Кандери стал быстро прибавлять в весе, брюхо его округлилось как бочка, и он стал совсем ручным.

К этому времени Самсон в плечах достигал восьми футов, и он гордо носил свои бивни, длина которых уже составляла пятнадцать с четвертью дюйма. Фатума была ростом повыше, но не столь крепкого телосложения; ее бивни, длиной всего в одиннадцать с четвертью дюйма, столь внушительного впечатления не производили.

Наше небольшое слоновье стадо привлекало внимание каждого посетителя парка. Как-то к нам подъехал автомобиль с восемью пассажирами. Они

очень хотели посмотреть на маленьких слонят. Самсон и Фатума в это время стояли под деревом на склоне холма, футах в ста от приезжих. Дэвид позвал их. Слоны быстро побежали вниз, явно рассчитывая на лакомство. Сперва на площадке воцарилась напряженная тишина, но через мгновение она сменилась отчаянной суматохой. Мужчины, женщины и дети, толкая друг друга, бросились к своему автомобилю, пытаясь укрыться в нем. Но вот Самсон и Фатума резко остановились перед Дэвидом и протянули хоботы в знак приветствия. Посетители были изумлены, но тем не менее решили восхищаться слонами, не покидая безопасного укрытия.

Вскоре после этого возле Арубы был обнаружен и пойман еще один покинутый слоненок, на сей раз самочка. Когда ее поймали, рост малышки составлял всего три фута и восемь дюймов. Ее назвали Аруба. Три наших слона сразу же охотно приняли Арубу в свое общество. Самсон произвел себя в «вожаки» стада. Мы очень быстро убедились, что каждый слон точно знал свое место. Вечерами с веранды мы могли наблюдать, как слоны возвращаются с реки: во главе неизменно шел Самсон, за ним — Фатума, Кандери и замыкала шествие маленькая Аруба. Как только представлялся случай, слоны по пути в стойла обязательно подходили к дому, и я давала каждому какое-нибудь лакомство. Самсон особенно любил плоды дерева теветия, растущего посреди газона. К сожалению, «любовь» слона проявлялась столь бурно, что он ломал ветки, и смотрителю приходилось прогонять его. Недовольный таким обращением, Самсон быстро нашел способ перехитрить сторожа — он останавливался, поворачивался кругом и пятился назад, пока не оказывался под деревом в таком положении, что мог рвать плоды. Он явно предпочитал подставлять под хлыст смотрителя вместо головы свою заднюю часть.

Нас так забавляла эта его уловка, что в конце концов мы сами рвали для него фрукты.

Последние дни перед началом сезона дождей в Восточном Цаво неизменно царили полный штиль и невероятная духота. Земля была измучена и сожжена засухой. Спекшаяся красная глина становилась крепче железа. Жара была просто палящей. Казалось, все замирало, когда начинали собираться черные грозовые облака. Даже насекомые и те словно немели в ожидании. Неожиданно небеса разверзались, и первые тяжелые капли дождя сливались в сплошной поток. Тогда жизнь как бы начиналась снова.

С большим интересом и удовольствием мы наблюдали, с каким восторгом слоны приветствовали дождь. Они трубили от восторга, носились вдоль домов и мастерских, пугая и обращая в бегство встречных, кружили вокруг автомобильной стоянки и гонялись друг за другом на просторной площадке, ниже нашего дома. После этого слоны тараном пробивались через кустарник, падали на колени и вгоняли воображаемого противника в землю.

Самсон во время подобного рода вакханалий особенно любил демонстрировать свое искусство валить деревья. В заключение все четверо в экстазе падали на землю и размазывали хоботами грязь по телу. Невыразимо приятно было наблюдать их счастливые игры. В последующие недели мы с удовольствием следили за тем, как они наслаждались свежей зеленой листвой, которую дожди вызывали к жизни.

Предшественные торжествующим криком лягушек потоки воды заполняли русло Вои, потом они выходили из берегов, заливая прибрежные водоемы и болота.

У наших слонов имелось одно излюбленное местечко у реки, где они купались каждый день. Вода в этой низинке держалась еще долго после того, как река

входила в берега. Но наибольшее удовольствие слоны получали, по всей видимости, тогда, когда вода в яме превращалась в жидкую грязь. Самсон обожал купание, и в середине дня его всегда можно было найти наполовину погруженным в эту восхитительную жижу; весь вид его выражал полнейшее блаженство. У слона была любимая игрушка — большой обломок ствола, который он всегда брал с собой на купание. Самсон толкал обломок взад и вперед по грязи, а иногда подбрасывал в воздух. Раздавался характерный чавкающий звук, который доставлял ему очевидное удовольствие и служил для других животных призывом принять участие в веселье.

Однажды утром в зарослях пониже дома наши приемыши встретили пасущихся диких слонов. Почуввав присутствие егеря, гости предпочли поспешно удалиться. Самсон же, Кандери и Аруба во главе с Фатумой припустились вслед за ними и вскоре скрылись из глаз. Егерь в панике бросился к главным воротам парка, чтобы сообщить о побеге своих подопечных, и все, кто был свободен, отправились в погоню.

До наступления ночи обнаружить слонов не удалось, и мы стали бояться, что они ушли совсем.

В 11 часов ночи весь отряд егерей разбудил Самсон. Он вернулся один и громко трубил от ярости. Все сотрудники заповедника прибежали приветствовать его возвращение домой. Потом слона отвели в стойло, но он был так сильно возбужден, что даже не подошел к кормушке.

На следующий день Самсон выглядел совсем несчастным и было заметно, как он переживает отсутствие трех своих друзей. Слон отказался идти в заросли. Опыт прошедшего дня явно не доставил ему удовольствия. Мы делали все, что в наших силах, чтобы утешить его, предлагали любимые им апельсины, но

настроение Самсона не улучшилось, и он весь день отрешенно простоял под деревом.

Вечером Дэвид повез нескольких своих друзей к скалам Муданда. На обратном пути в конце дня он повстречал стадо слонов, голов, примерно, в двадцать пять, которое паслось на открытой равнине неподалеку от дороги. Как только слоны увидели машины, они неторопливо пошли прочь и лишь три знакомые фигуры остались стоять на месте. То были наши беглецы, которые явно не видели причин для беспокойства, охватившего их диких собратьев. Дэвид вышел из машины и подзвал Фатуму. Она подбежала к нему, а следом за нею — Кандери и Аруба. Фатума, очевидно, была рада Дэvidу, по в то же время не хотела отставать и от своего дикого стада. Она старалась сделать все, что было в ее силах, чтобы побудить Дэвида последовать за нею. Пройдя несколько шагов по направлению к стаду, она остановилась и, обернувшись, посмотрела, следует ли он за нею. Увидев, что тот не двигается с места, вернулась, приласкала его хоботом, нежно заурчала и вновь повторила свою попытку.

Когда Фатума, наконец, осознала, что Дэвид не пойдет за ней, она остановилась, очевидно, не зная, что ей делать дальше. Она явно разрывалась между ним и своими сородичами, но тут диких слонов охватил испуг. Они бросились в заросли, и это заставило ее решиться. Фатума медленно подошла к Дэvidу и стала рядом.

Стемнело. Наши друзья отправились домой на «ленд-ровере», чтобы забрать егерей и с их помощью доставить гуляк домой. Дэвид же пошел пешком и следом за ним — три слона. Ночь приближалась, а помощь все не приходила. Случилось так, как случается всегда в экстренных случаях, — в баке кончилось горючее, а ключ от бензоколонки куда-то запрятали и долго не могли найти.

Шагая домой в темноте, Дэвид слышал странные звуки в зарослях. Его заинтересовала реакция на них наших сирот. Иногда они приходили в крайнее возбуждение и, подняв хоботы, с острым интересом изучали запах невидимого животного, но затем тут же успокаивались и неторопливо шагали своей тяжелой походкой рядом с Дэвидом. Потом он рассказывал, что тогда именно понял, насколько в темноте человек слабее и беспомощнее животных. Ведь удивительное чувство обоняния, которым природа одарила слонов, позволяет им точно определять все, что происходит вокруг.

Наконец, вся команда пришла домой. Самсон, не помня себя от радости, устроил им шумный прием.

Через несколько месяцев наши слоны снова сбежали. Поисковая группа скоро вернулась, сообщив неприятную новость: следы наших сирот затерялись.

Ранним утром следующего дня вернулся наш верный Самсон, приведя с собой Арубубу. Фатума и Кандери решили присоединиться к диким сородичам теперь уже навсегда. Особенно нам не хватало Фатумы — самой ласковой и нежной среди наших слонов и вообще общей любимицы.

Примерно через две недели после ее бегства Питер возвращался на машине из Итамбо. В шести милях от административного городка он увидел Фатуму и Кандери среди группы диких слонов. Когда стадо прошло, эти двое немного отстали от него. Питер позвал их, и они остановились. Он медленно пошел навстречу слонам, но, когда был уже в нескольких шагах от Фатумы, стадо спугнуло Кандери, который, не раздумывая, помчался вслед за ним. Фатума сначала заколебалась, но потом тоже пустилась догонять стадо. Больше мы ее не встречали, а если она и паслась в проходивших стадах, то уже не могли узнать.

Потеря Фатумы и Кандери очень огорчила нас, но мы понимали, что им необходимо вести естественный образ жизни, и были рады за них.

Катамула

Когда Дэвид однажды утром объявил, что на следующий день мы отправляемся в северный район парка, я очень обрадовалась. Там возникли некоторые разногласия по поводу пограничной линии между территорией парка и резервацией Камба, и должна была состояться встреча со старейшинами местного племени. Ожидали также и окружного начальника. Дэвид пообещал, что когда мы будем в этом районе, то непременно проведем ночь в только что отстроенном новом укрытии Катамулы. Я с нетерпением стала ожидать поездки.

Впервые мне предстояло организовать вне дома прием официальных гостей, в том числе такого важного лица, как окружной начальник. С помощью Дэвида я составила список всего необходимого для нашего роскошного путешествия. Подготовила я также и несколько вариантов подходящих к случаю меню, которые впоследствии, когда приходилось принимать и других почетных гостей, например, губернатора Питера Скотта и сэра Джулиана Хаксли, сослужили мне добрую службу.

Мы пересекли мощеную дорогу у Лугардс-Фоллс и на этот раз, вместо того чтобы направиться по прямой к Тиве, свернули в сторону и поехали вверх берегами Галаны и Ати.

У слияния Ати и Цаво мы увидели грифов, сидящих на деревьях на противоположном берегу. Свернув с дороги, чтобы узнать причину такого сбирища, мы стали свидетелями совершенно необычной сцены. На мелководье лежал мертвый носорог, и лев пытался вытащить его тушу на берег. Но одновременно с ним эту же тушу в реку тянули несколько крокодилов. В

отдалении на песчаной косе сидели еще четыре льва и с интересом следили за тем, кто кого перетянет. Шум машины испугнул льва, и он с неохотой, крадучись, удалился, оставив свой обед крокодилам. Я осталась ждать в машине, а Дэвид и объездчики, найдя брод, перешли на тот берег, чтобы выяснить причину смерти носорога и забрать его рога. Как удалось установить, носорог погиб уже несколько дней назад. Рог его отвалился и упал в воду. Искать его не имело смысла из-за обилия здесь крокодилов.

Мы двинулись дальше вверх по реке и ехали без приключений, пока Дэвид не остановил машину и не показал мне группу акаций, простерших к небу свои мертвые ветви. То были молчаливые свидетели пагубного свойства слонов обдирать с деревьев кору в засушливое время года. Под останками деревьев виднелась молодая поросль, борющаяся за право занять место родителей, причем некоторые акации, уже достигшие десяти или двенадцати футов высоты, имели весьма необычную форму. Нижние ветви так согнулись под тяжестью облепивших их маленьких коричневых птиц, что концами касались земли. На деревьях сидели тысячи красноклювых ткачиков квелера.

Такая форма ветвей не только давала тень птичкам, но и обеспечивала им укрытие от хищных пернатых днем и от наземных хищников — ночью. Более того, эта плотная юбка из ветвей была покрыта еще и двухдюймовыми шипами, а этого оказалось достаточно, чтобы даже самый решительный слон держался на расстоянии хобота от ствола дерева. Благодаря такой приспособляемости резко возрастали шансы дерева достигнуть пожилого возраста. Более внимательное обследование выявило еще одну интересную деталь — землю под деревьями покрывал слой птичьего помета толщиной не менее четырех дюймов. Очевидно, птицы пользовались этим насестом уже много лет подряд.

Вряд ли те, кому придется отдыхать в будущем, лет через двадцать, в тени этих деревьев на берегу реки, будут знать, что акации сохранились благодаря скромным маленьким ткачикам. Деревья были усеяны ими и щебет птиц сливался в оглушающий шум. При нашем приближении они взлетали, громко треща крыльями, и, словно темное дымное облако, уносились через реку.

Двигаясь дальше, мы видели, как стаи птиц резко пикировали вниз и зависали над самой поверхностью воды. Когда мы посмотрели в бинокль, сразу стало понятно, что так они пьют воду. Временами то там, то здесь неожиданно возникало смятение. Мы легко обнаружили его, причину — как только какая-либо птица оказывалась в пределах досягаемости страшных челюстей крокодилов, те пытались ее схватить.

Проехав двадцать миль, мы свернули на боковую дорогу. Начался подъем на плато Ятта. Местность здесь вся покрыта скалами. Чтобы проложить дорогу вверх по склону, мы с большим трудом подыскивали достаточно ровные участки, поднимали и удаляли громадные обломки скал. Как рассказывал Дэвид, иногда целый день уходил на то, чтобы справиться с одним валуном.

Осилив почти половину подъема, мы спугнули большое стадо буйволов и с удивлением наблюдали, с какой легкостью преодолевали они почти вертикальные склоны. Чудом не повредив себе ноги, животные перепрыгивали через громадные камни и поваленные деревья.

Когда мы выбрались наверх, Дэвид свернул с дороги и, подъехав к краю плато, остановился. Перед нами открылась одна из лучших панорам Африки. Равнина простиралась на сотни миль вокруг, а над горизонтом возвышалась снежная шапка горы Килиманджаро. Внизу, как бледно-голубая змея, извивалась лента реки, прокладывая свой долгий путь к морю. Заросли

переливались нежнейшими оттенками дымчатого, бледно-синего, розовато-лилового и фиолетового цветов. Там же, где была вода, эти краски приобретали легкий зеленый блеск. Я стояла очарованная и чувствовала себя потерявшейся среди этих просторов.

Ширина плато Ятта — всего одна миля, а далее снова начиналась очень трудная дорога, так что, пожалуй, здесь нельзя было найти даже квадратного фута земли, не покрытого валунами. Буш тут был очень густым и его во всех направлениях пересекали звериные тропы. Несколько раз мы слышали хорошо знакомое фыркание носорога, прокладывающего себе путь совсем недалеко от дороги. Вблизи водоема на открытой поляне мы заметили стадо красавиц канн, самых больших из африканских антилоп, и среди них одинокую антилопу-орикс, но это продолжалось лишь мгновение, в следующую секунду они исчезли за стеной буша.

Скоро мы снова начали петлять, но это уже была другая сторона плато, и перед нами вдруг возникли холм Итамбо и русло Тивы, окаймленное зелеными деревьями. Двигаясь вверх по реке, мы достигли, наконец, расположения нашего лагеря, известного под названием Гименен. Здесь нас ждал Питер. Палатки уже стояли в прохладной тени громадного тамаринда. Мы уселись под ним, чтобы выпить по чашке чая. Очевидно желая развлечь нас, Питер показал наверх и невозмутимо сообщил:

— А над нами висит питон, причем уже не один день.

Я запрокинула голову; действительно, высоко над нами, округив как канат ветви дерева, висела громадная змея. Присутствие этой рептилии, вообще говоря, обеспокоило меня, по мужчины хором заверили, что для страха нет никаких оснований. Змея, если ее оставить в покое, не потревожит нас. Несмотря на все

их попытки успокоить меня, я время от времени ловила себя на том, что посматриваю наверх.

Вскоре прибыл окружной начальник. Пока мужчины вели деловые разговоры, я занялась ужином. Дэвид сделал мне очень удобную походную плиту: квадратный железный ящик с дверцей и полкой внутри. Работала она великолепно. Насыпав сверху горячих углей, я могла печь хлеб и даже вполне успешно справлялась с кексами.

На следующий день мужчины уехали на встречу со старейшинами племени, а я, с опаской поглядывая на змею, осталась хлопотать в лагере.

После ленча палатки были сняты, погружены на грузовик, и мы отправились в Катамулу. По дороге нам встретилось множество слонов, видели мы и небольшую группу антилоп геренуков, которые, стоя на задних ногах, щипали листья деревьев, поваленных слонами. Три громадных слона долбили клыками ствол гигантского баобаба. Это дерево очень богато кальцием, и потому слоны его особенно любят. Почти каждый баобаб, встречавшийся нам, был поврежден ими, а некоторые дупла оказались так велики, что в них можно было свободно стоять. От многих деревьев остался только обгрызанный комель, вокруг которого была разбросана пережеванная древесина. Дэвид рассказывал мне, что наши патрули иногда находили трупы слонов, убитых упавшим на них баобабом.

Мы подъехали к Катамуле, когда вечернее небо стало алым. Лагерь был разбит на берегу реки под громадными деревьями, примерно в миле от укрытия. Несмотря на это, все старались говорить шепотом и производить как можно меньше шума, так как временами уже были слышны трубные звуки, доносившиеся со стороны укрытия.

Наскоро закусив, мы подъехали к укрытию и быстро забрались внутрь. В русле реки не было видно и

признаков жизни, и это понятно: шум нашей машины распугал всех обитателей здешних мест. Мы остались в укрытии, а водитель отвел «лендровер» обратно в лагерь.

Укрытие Питер соорудил великолепное. Цепочка аккуратных ступеней вела вниз к землянке, выкопанной на высоком берегу реки и обшитой пальмовыми стволами. Внутри землянки оставалось достаточно места для шести походных кроватей, а пол немного приподняли, так, чтобы, лежа в постели, можно было наблюдать за рекой. Другой ряд пологих ступеней вел к площадке, где расставили стулья. Головы сидящих только чуть-чуть возвышались над уровнем земли. Крыши здесь не было, и звезды над нами сверкали как бриллианты на фоне темно-синего неба. Берег реки обрывался почти вертикально, но кроме того, для обеспечения безопасности, по бокам и сзади укрытия выкопали еще дополнительные траншеи. Тем не менее Дэвид на всякий случай взял с собой и ружье, так как траншеи могли служить препятствием для слона или носорога, но не для льва.

Мы сели и, словно в театре, начали ждать представления. Луна, похожая на громадный оранжевый шар, припорошенный серой пылью, только начала подниматься, песок в ее бледном свете стал совсем белым, и помет, оставленный на песке тысячами животных, был теперь отлично виден. Поднялся легкий ветерок, зашевелились листья пальм. Этот ровный шум прерывался только криком сов и стрекотанием цикад. Зубчатые тени листьев пальм сплетались на песке в причудливый рисунок. В природе воцарились мир и спокойствие.

Я напряженно всматривалась, стараясь понять, что представляет собой темная масса на противоположном берегу реки — слонов или кусты? Будучи уверена, что тень движется, я сказала об этом Дэвиду, но он, подняв

свой ночной бинокль, отрицательно покачал головой. По его мнению, надо мной подшутил свет луны.

Неожиданно появилась еще одна черная тень, которая медленно и бесшумно поплыла по песку. На этот раз я не ошиблась, так как за ней последовали еще две другие, и, когда все они приблизились, то блики луны отразились на неправдоподобно белых в темноте бивнях. Затаив дыхание от восхищения, смотрели мы, как слоны проплывали мимо нас медленным величественным шагом, беззвучно, словно духи, парящие в воздухе.

Скоро они уже были прямо против нас, и мы могли хорошо видеть их. Вожак подошел к яме с водой и, прежде чем начать пить, расчистил песок хоботом. Шум тяжелого дыхания и плеск воды слились с другими шумами ночи. Когда ближайший к нам слон поднял голову, чтобы сунуть себе в пасть наполненный водой хобот, создалась полная иллюзия того, что он смотрит прямо на меня. Я сразу же почувствовала себя по сравнению с ним совсем ничтожной, хорошо понимая, что одним ударом своего громадного хобота слон может переломать мне все кости. Я невольно прикинула длину хобота и успокоилась только тогда, когда убедилась, что нахожусь вне пределов его досягаемости.

Чем дальше, тем больше и больше появлялось на реке теней. В течение часа тишина ночи постоянно нарушалась трубными звуками, урчанием и шумом. Ссоры возникали среди стада, состоящего не менее чем из пятидесяти слонов. Я еще раз убедилась, что обладатель больших бивней всегда пользуется преимуществом, и когда он приближается, то те, у кого бивни меньше, неизменно уступают ему путь. Целеустремленно, с полной уверенностью, неторопливо направляется он к самому лучшему месту для водопоя, уже, конечно, занятому другим крупным слонем. Они

быстро оглядывают друг друга, а затем меньший уступает. Особенно восхищала меня терпимость взрослых слонов к своему потомству. Они даже позволяли нескольким слонятам пить из одной ямы. Я думаю, что слоны наиболее вежливые представители животного мира.

Внезапно Дэвид поднялся и, крадучись, перешел к задней стенке укрытия. Я оглянулась и увидела, что прямо над нами на другой стороне рва возвышается фигура громадного слона. Он глядел на нас в упор, подняв голову и широко развернув уши. Дэвид поднял камешек и бросил в него. Слон вздрогнул, когда в него ударился камень, повернулся и с треском скрылся в буже. Это напугало других слонов. Оглянувшись, я увидела, как их громадные тени быстро исчезают в темноте берега. Теперь уже ничто не нарушало тишины, а все происшедшее казалось нереальным.

Через четверть часа с противоположного берега вниз к руслу реки неуклюже спустился носорог. Издавая скрипучие звуки, он бродил от одной ямы к другой, явно не в силах выбрать среди них лучшую. Однако прежде чем он успел принять решение, снизу от реки появился другой носорог. Заметив соперника, первый немедленно направился к ближайшей яме и стал с грозным видом ходить около нее, всем своим видом выражая решимость защитить свои права. Отдуваясь и фыркая, они бродили друг за другом возле ямы. Война нервов продолжалась около получаса. Когда носороги сталкивались, они издавали гневный рев, и я поражалась, какое разнообразие звуков эти животные могут производить. Наконец, пришелец развернулся и направился к другой яме. Было очевидно, что там он хочет задержаться на некоторое время, так как он лег и, поерзав, устроился поудобнее. Только после этого первый носорог начал разгребать ногами песок, расширяя свою яму. При этом он настороженно

оглядывался на соперника и временами угрожающе похрюкивал, словно требуя, чтобы тот не покидал своего места. Потом и он улегся в яму.

Какое-то время все оставалось спокойным, пока не появилось небольшое стадо слонов. Тогда оба носорога поднялись и принялись громко сопеть и фыркать, гневно поглядывая на проходящее стадо. Это были слонихи. Они с презрением обошли двух дурно воспитанных носорогов. Следующей сюда прибыла самка носорога с детенышем, который безо всякой цели, так просто бродил вокруг мамы, издавая жалобные звуки. Наконец, самка решила, что на реке нет более удобных ям, чем те, что уже заняты двумя носорогами. И снова мы стали свидетелями удивительного зрелища: животные ходили взад и вперед, стремясь напугать один другого. При этом хозяин ямы не мог даже опустить голову, чтобы напиться, опасаясь нападения сзади. Поэтому они так и стояли друг перед другом.

Между тем слоны, не обращая никакого внимания на всю эту суматоху, утолили жажду и, направившись вверх по реке, исчезли за поворотом. Водопой носорогов закончился забавно и поучительно: пока один из них ссорился с самкой, другой, не заметив, что к нему бесшумно приближается величественный слон с громадными клыками, решил рискнуть и напиться. Слон сделал широкий шаг вперед и быстро наклонил голову. Клыки его оказались под брюхом носорога. Затем слон буквально выдернул носорога из ямы так, что тот вылетел оттуда вверх ногами. Незадачливый носорог, убедившись, что он цел, быстро удалился с возмущенным хрюканьем.

Спор между самкой и ее противником, однако, разгорался. Скоро к ним присоединилось еще несколько носорогов. Каждый из них, конечно, желал занять только лучшую яму. Около полуночи мы оставили их, а

сами отправились спать, но препирательства носорогов прекратились лишь с первыми лучами солнца, и только тогда мы, наконец, смогли хоть ненадолго уснуть.

Это была моя первая ночь в охотничьем убежище. Мы потом часто возвращались туда, и каждое посещение доставляло массу удовольствия, но эта, первая ночь, навсегда останется у меня в памяти.

Ожидая прибытия «лендропера», который должен был доставить нас к завтраку в лагерь, мы отправились побродить по руслу реки. Все было таким же, как и вчера, когда мы прибыли сюда, и только свежий помет и новые следы доказывали, что события этой ночи не были сном. Теперь же с наступлением дня стали появляться другие животные — сначала голуби и рябки, а затем бабуины и робкие малые куду.

После завтрака мы свернули палатки и отправились в долгий путь обратно в Вои. Дэвид должен был спешить на важную встречу, и мы не могли терять ни минуты. И даже когда нам повстречалась львица с довольно большими львятами, лежавшая посреди дороги, мы не смогли задержаться, чтобы понаблюдать за ними. Когда мы приблизились, львица и один из ее детенышей отбежали на сотню футов в сторону, а два других продолжали идти по дороге. Нам ничего не оставалось, как следовать за ними, ожидая, когда они уступят путь. Местность здесь пересеченная, и мы не могли съехать с дороги.

Неожиданно Килонджи, сидевший на заднем сиденье, что-то предостерегающе крикнул. Я оглянулась и увидела львицу, которая с необычайной скоростью приближалась к машине. Дэвид мгновенно оценил положение и дал газ. На какой-то момент я с ужасом подумала, что он задавит львят, но нам удалось свернуть, и я только сумела увидеть мелькнувшие совсем рядом клыки и когти, когда львята кубарем летели в сторону. Тем временем львица уже

поравнялась с нашей открытой машиной. Взглянув вниз, я увидела ее морду — живое воплощение ярости на уровне моего колена. Решив, что она прыгнет внутрь машины, я инстинктивно упала на сиденье, но, к счастью, ее не хватило на это последнее усилие. Мы постепенно оставляли львицу позади, и вскоре она скрылась в облаке пыли.

— Того, что случилось, можно ждать всегда, когда окажешься между львицей и ее львятами, — заметил Дэвид.

Опасности нашей жизни

Почти каждый, с кем мне приходится встречаться, спрашивает, не чувствую ли я себя одинокой, живя вдали от цивилизации, спокойна ли я за детей и не боюсь ли увозить их так далеко в глушь, где нет настоящей медицинской помощи.

На первый вопрос ответить просто: я всегда была так занята, что мне никогда не хватало дня. Приходилось постоянно заботиться о наших диких осиротевших зверенышах. Ну, а работа в конторе, как это знает каждый, имеет свойство никогда не кончаться. Кроме того, следовало принимать официальных гостей, шить и одевать себя и ребят, а также наблюдать за садом. В работах по дому мне помогали двое слуг, но и на мою долю оставалось достаточно забот. На мне же, в основном, лежали и заботы о питании. Современной бытовой техники — стиральных машин и электрополотеров — у нас не было, и только совсем недавно мы смогли ощутить блага электрического освещения, приобретя с этой целью небольшой генератор с бензиновым движком. Нельзя забывать также, что у нас было двое детей, а в Вон, где вас подстерегают всяческие опасности, дети требовали постоянного присмотра.

Больше всего следовало опасаться укуса ядовитых змей. В парке их было великое множество и притом самых разнообразных. Чаще всего встречались плюющиеся кобры и гадюки. У себя в саду мы часто находили бумслэнгов — относительно менее опасных змей. Жили там и мамбы — змеи, близкие к кобрам, ведущие в основном древесный образ жизни, но они встречались редко. В доме всегда была противозмеинная сыворотка, но даже и она не помогла бы маленькому

ребенку, укушенному большой коброй. Смерть могла наступить в течение часа. Много раз нам приходилось убивать кобр прямо у себя дома. Как-то раз мы нашли змею под кроватью. В другой раз она забралась в шкаф. Неоднократно заползали они и на веранду. Плюющаяся кобра с удивительной точностью выстреливает свой яд на расстояние до шести футов. Как правило, она метит в глаза. Жертва испытывает жесточайшие муки и, если не принять немедленных мер, может наступить полная слепота. Правда, если наружные ткани не будут иметь повреждений, то яд в кровь не попадет. Плюющаяся кобра, однако, может и укусить так же, как это делает обычная ядовитая змея. Я старалась, чтобы мои дети с самого раннего возраста понимали опасность укуса любой змеи, но тем не менее не рисковала и не оставляла их играть в саду без наблюдения, опасаясь, что, встретив змею, они захотят взять ее в руки.

Джилл однажды только чудом удалось избежать смертельной опасности: она чуть было не наступила на плюющуюся кобру. Открывая дверь в птичник, девочка вдруг увидела, как змея поднялась у ее ноги, но, к счастью, не стала пускать в ход яд. Бедная Джилл от ужаса приросла к месту. Крик садовника, проходившего поблизости, заставил ее рвануться с места, а садовник, бросая с безопасного расстояния камни, пытался расправиться со змеей, которая скользнула под ограду и исчезла в густых зарослях.

В другой раз, срезая цветы в саду, я вдруг услышала тонкий шипящий звук и, взглянув вниз, увидела там гадюку. Если бы та не обнаружила свое присутствие, я бы непременно на нее наступила.

Скорпионы здесь не менее обычное явление и еще один источник беспокойства. Для взрослых они не представляют серьезной опасности, хотя укус скорпиона мучительно болезнен, но для детей, особенно маленьких, он может быть и смертельным.

Мне как-то говорили, что яд скорпиона сходен с ядом кобры, однако запаса его у этих насекомых во много раз меньше, чем у змей.

Не говоря об опасности, которую представляют собой змеи и скорпионы, всегда приходилось иметь в виду, что ребенок мог забрести в буш, где очень легко заблудиться или встретить опасного зверя. Вот почему оставить малыша надолго без наблюдения невозможно.

Климат Вои нельзя считать вредным для здоровья детей, однако эта местность всегда считалась опасной малярийной зоной. Свою печальную славу Вои приобрел во время первой мировой войны, так как многие располагавшиеся здесь солдаты пали жертвой этой болезни. Современные лекарства делают жизнь в Вон менее опасной, но тем не менее следует соблюдать осторожность и всегда принимать соответствующие предупредительные меры. Жара здесь временами бывает изнурительной для малышей, но мои дети переносили ее хорошо. По крайней мере простудные заболевания при жаре здесь неизвестны. Мы всегда имели запас всех необходимых медикаментов, но должна сознаться, что я очень беспокоилась, когда у кого-либо из детей поднималась температура, и, бывали случаи, сетовала на то, что нельзя пригласить врача.

Если работаешь с животными, то всегда приходится считаться с опасностью заразиться от них болезнями, почти неизвестными в Европе. Все млекопитающие, не исключая и человека, могут заразиться бешенством. Особенно подвержены этой болезни собаки. Вирус бешенства передается со слюной животного, которое на последней стадии заболевания теряет всякий страх и кусает каждого встречного.

Однажды егерь из Итамбо вел очередной сеанс радиосвязи. В это время через открытую дверь на него набросился шакал. Егерь прервал передачу и

предпринял отчаянные попытки выкинуть зверя. На его крики прибежал еще один егерь. Вдвоем им удалось убить шакала. Выйдя снова на связь, они сообщили Дэвиду о происшедшем. Тот сразу же понял, что шакал был бешеным и егерям следует оказать немедленную медицинскую помощь. Их спешно доставили в госпиталь, где пострадавшим две недели делали ежедневные уколы. Лечение это весьма неприятно, но с ним приходится мириться, — ведь если не предпринять немедленных мер, исход, как правило, смертелен.

Во время этих событий мы стояли лагерем в северной зоне парка. Я, естественно, очень беспокоилась, ибо в округе могли оказаться и другие больные животные. Поэтому, когда Дэвид уходил из лагеря по своим делам, я не выпускала из рук крепкой палки, чтобы быть готовой к обороне против шакалов или любых других мелких хищников, если они появятся поблизости.

Служащие парка были обязаны выяснять причины гибели диких зверей, когда это нельзя было узнать по виду трупов. Всегда имелась опасность заражения сибирской язвой — болезнью, которой подвержены все млекопитающие, не исключая и человека. Смерть от нее наступает в течение четырех дней. Заражение обычно происходит через порезы или ссадины, когда человек обследует труп животного, погибшего от этой болезни.

Однажды Дэвида вызвали обследовать труп слона, сдохшего по неизвестной причине. При вскрытии он обнаружил комки густой черной крови — обычный признак сибирской язвы. Взяв пробу крови, Дэвид прикрыл разрез кожей и приказал всем удалиться.

Пробы направили в ветеринарную лабораторию в Найроби, и результаты анализа должны были быть сообщены по радио. Однако еще до получения ответа Дэвид вдруг обнаружил на одном из пальцев нарыв — обычный симптом сибирской язвы. Мы послали спешный

запрос в Найроби. Велико же было наше облегчение, когда мы прочитали ответ: «Это не сибирская язва».

Однако у Дэвида все еще оставались некоторые сомнения. Появление нарыва сразу после вскрытия трупа было трудно считать простым совпадением. Потому мы отправились в Момбасу на консультацию к врачу. Он взял немного гноя из пораженного пальца и направил нас в госпиталь. Дэвид вел машину, а я бережно держала в руках пузырек с пробой. Но, войдя в здание госпиталя, я от волнения уронила пузырек на каменный пол. Мы спешно собрали содержимое и, преследуемые мыслью о бактериях сибирской язвы, разлетающихся по зданию, помчались в лабораторию, где сознались во всем. Следующие полчаса показались нам бесконечными. Мы с трепетом ожидали приговора. Можете себе представить, с каким облегчением мы услышали слова доктора о том, что признаков сибирской язвы не обнаружено. Если бы Дэвид ею действительно заболел, он бы давно уже умер.

Хиглети и Пикл

Мангусты — очень забавные зверьки. Дэвид был в восторге, когда однажды вечером наш обходчик принес ему нечто весьма похожее на крысу, оказавшееся, однако, при ближайшем рассмотрении крохотной полосатой мангустой. Так как в это время меня не было дома (я уезжала в Найроби), то кормить и выхаживать малыша в течение этих нескольких недель пришлось Дэvidу.

Когда зверька нашли в кустах, он горестно пищал. У самца мангусты, видимо, была сильно повреждена голова. Дэвид назвал зверька «Хикки». Так тогда называли тысячи мангуст в честь прославленного Рикки-Тикки-Тави Киплинга. Но потом его почему-то все стали называть Хиглети.

Когда принесли малыша, Дэвид готовился к выезду в западную часть парка. Он наспех подогрел молоко и накормил мангусту с помощью пипетки. Зверьку устроили в коробке уютное гнездышко, поместили в «лендровер», и партия отправилась в путь.

Ночь на первом привале была очень холодной, так как резкий, колючий ветер дул прямо с покрытых снегом склонов Килиманджаро. К рассвету Хиглети начал жалобно пищать. Дэвид на ощупь открыл коробку, стоявшую рядом с его походной койкой, и пошарил там рукой. Коснувшись дрожащего, холодного, как лед, тельца, свернувшегося в крохотный пушистый клубочек, Дэвид вытащил бедного зверька из коробки и положил к себе под одеяло. На груди у Дэвида малыш постепенно перестал дрожать и, согревшись, заснул. На следующий день зверек чувствовал себя намного лучше, но прошло еще несколько недель, прежде чем

он научился твердо стоять на ногах. Голова же его так и осталась слегка повернутой вбок.

Хиглети обладал сильным характером, был умен и, что свойственно всем мангустам, абсолютно бесстрашен. Когда он подрос, то стал больше и тяжелее хорька. Шерсть у него отросла; теперь она была густой и жесткой, серовато-коричневой с узкими черными поперечными полосами на спине. Хвост, на котором шерсть иногда вставала дыбом, становился похож на ежик для мытья бутылок. Так зверек обычно выражал свое неудовольствие.

Любопытству его не было границ. Присутствие Хиглети легко обнаруживалось по характерному для мангуст звуку «пи-ип», сравнить который можно разве что с птичьим щебетаньем. Умолкал он только во сне.

Стоило нам сесть за стол, как Хиглети был тут как тут. Он, как белка, садился на задние лапки и крутил черным носиком, наслаждаясь восхитительными запахами. Обычно дело кончалось тем, что он забирался ко мне на колени, клал передние лапы на стол и, периодически забывая правила хорошего тона, нетерпеливо протягивал то одну, то другую лапку, стремясь ухватить с тарелки какой-нибудь кусочек. Он обожал сыр и уже при одном появлении его на столе приходил в чрезвычайное возбуждение, повизгивал и ворчал от нетерпения. Он любил также такие совсем не похожие один на другой деликатесы, как плоды авокадо и папайи, но самым большим лакомством для Хиглети было сырое яйцо.

Держа яйцо передними лапами, он становился спиной к стенке и, чтобы разбить его, с силой бросал на пол как раз между задними лапами. Иногда, и это, конечно, была не очень добрая шутка, мы вместо яйца давали ему шарик для пинг-понга. И надо было видеть, как с каждой попыткой разбить его, в невероятно быстром темпе росли недоумение и гнев Хиглети, пока

нам не становилось его жаль, и мы не давали ему настоящее яйцо.

Каждое утро он считал своим долгом обследовать комнаты, тщательно осматривая все уголки и щели, царапая передними лапами любой привлекший его внимание предмет. Убедившись в том, что ничто не ускользнуло от его взгляда, он с той же целью спешил в сад. Хиглети был непревзойденным специалистом по добыванию червяков и гусениц. Обычно он шнырял взад и вперед по газону, опустив нос к земле, неожиданно останавливался и начинал быстро копать лапами. Усилия его неизменно заканчивались успехом, и зверек с явным удовольствием набрасывался на свою добычу.

Примерно в то же время мы начинали собирать средства в «фонд на предоставление воды диким зверям». Сбор проходил с удивительным успехом. Дело в том, что в восточном секторе Цаво с водой было всегда плохо, и в сухой сезон звери собирались к тем немногим водоемам, в которых оставалась вода, что, естественно, приводило к нехватке корма в этих районах.

Новые водоемы позволили бы расширить кормовую базу и преодолеть, если не ликвидировать совсем, трудности с питанием в районах рек. Поэтому мы были очень рады узнать, что из этого фонда выделили средства для бурения скважины близ Ндиандазы. Это могло сделать обширные пространства Восточного Цаво пригодными для обитания в сухой сезон.

Мы сразу отправились на место бурения и, конечно же, взяли с собой Хиглети. Буровая установка действовала, и, подъезжая к ней, мы еще издали услышали мерный стук двигателя.

Теперь мы знали, что мечта о постоянном источнике воды в Ндиандазе близка к осуществлению. Лагерь разбили неподалеку от места работы, и до конца дня Хиглети был поглощен знакомством с новыми местами.

Здесь же в Ндиандазе находились и объездчики сектора Ракоуб со своими верблюдами. Дело в том, что несколько месяцев назад мы в виде эксперимента приобрели четырех верблюдов для доставки воды и припасов нашим патрулям. Предполагалось, что это позволит нам более эффективно бороться с браконьерами. Верблюды были с норовом, довольно злобные, но меня всегда забавляла та неуклюжая грация, с которой они опускались на землю, подставляя спину под груз, при этом стонали и громко ревели.

Неудобство работы с верблюдами (помимо их скверного характера) состояло еще и в том, что то Дэвиду, то Питеру регулярно выпадала незавидная работа — делать верблюдам инъекции против трипаносомоза — смертельной болезни, переносчик которой — муха цеце. И дело было не только в том, что при инъекции животные оглушительно ревели, выражая свой протест, но и в том, что вливание приходилось делать в яремную вену, а сопротивление животных делало эту и без того трудную задачу весьма сложной.

Верблюдов держали неподалеку от лагеря в загородке из колючего кустарника. Хиглети обнаружил их очень скоро и был так заинтригован, что просто не мог от них оторваться. Каждое утро он мчался к загородке, чтобы еще раз посмотреть на верблюдов, а затем большую часть дня проводил за колючей изгородью, с неослабным вниманием наблюдая за обитателями загона.

Однажды утром Дэвид сказал, что хочет мне кое-что показать. Мы подошли к большой акации, росшей у буровой установки. В ее дупле свила себе гнездо птица-носорог. В тот момент она находилась «дома».

Интересно, что как только самка птицы-носорога отложит в дупле определенное количество яиц, самец заделывает вход и, таким образом, замуровывает в нем

свою супругу, оставляя лишь узкую щель, через которую ее кормит. В своем заключении самка теряет оперенье и становится совсем голой. Теперь жизнь ее целиком и полностью зависит от заботы супруга.

Шум нашей буровой привел самца в полную растерянность. Он так перепугался, что перестал носить корм самке. Мы видели, как в отчаянии он метался неподалеку, стараясь изо всех сил набраться мужества, чтобы приблизиться к гнезду.

В первые дни нам пришлось взять на себя его обязанности кормильца: через отверстие в гнезде мы подкладывали сочных кузнечиков, которых самка поглощала с превеликой жадностью. Спустя несколько дней самец, видимо, понял, что ему ничто не угрожает, и, несмотря на оглушительный грохот установки, снова вернулся к своим обязанностям.

Наш лагерь простоял в Ндиандазе около трех педель. За это время птицы, среди которых было множество блестящих скворцов, совсем освоились. Возле столовой мы поставили небольшой тазик для купания и каждый день подкармливали птиц хлебными крошками. Скворцы бесстрашно прыгали возле палатки и пронзительно покрикивали на Хиглети. Часами любовалась я их удивительно нарядным опереньем, переливавшимся под лучами солнца всеми цветами радуги. С большим интересом наблюдали мы также за небольшими группами газелей Гранта. Они так привыкли к нам, что паслись рядом и без всякой боязни щипали траву возле акаций.

Наконец, на глубине ста семидесяти футов мы обнаружили воду. Весь лагерь ликовал. Когда первый черпак с водой поднялся из глубины на поверхность, мы попробовали ее и стали с нетерпением ждать результатов. К сожалению, запасы воды оказались не слишком велики. Все же, хотя воды нашли и меньше, чем ожидали, это было лучше, чем ничего.

Вечером мы услышали странный звук, явно произведенный каким-то животным; было похоже, что где-то далеко произошел взрыв. Никому из нас слышать ничего подобного раньше не приходилось. К Дэвиду подбежал взволнованный смотритель из племени самбуру и объяснил, что мы слышали крик дрофы, а это верный признак ливневых дождей, которые начнутся дня через два-три. Он сообщил нам также, что его соплеменники, заслышав подобного рода крик среди сухого сезона, сгоняют свои стада туда, где кричала птица. Дрофы никогда не ошибаются, и племя знает, что через два-три дня скотина будет пастись на свежей траве. Дэвид никак не мог представить себе, что птица может издавать столь странные звуки. Оказалось, однако, что обходчик прав. Тем не менее небо оставалось таким же ясным, как и за несколько месяцев до услышанного нами крика. Для сезона дождей было еще рано, и мы не могли довериться, что скоро начнется ливень. Прошло еще два дня. Неизвестно откуда надвинулись черные тучи, стало душно, все стихло. Через несколько часов оглушительные удары грома возвестили о начале ливня. Упали первые тяжелые капли, поднимая крошечные фонтанчики пыли, а через несколько минут разразилась настоящая буря. Мы очутились в центре тропической грозы. Из-под полога палатки было видно, с какой жадностью впитывала воду иссохшая земля. Но вскоре она настолько пропиталась влагой, что во все стороны побежали ручейки. Свежий запах влажной земли радовал, он вселял в нас бодрость и хорошее настроение.

Дождь шел почти всю ночь, а на утро мы проснулись от веселого щебета множества птиц. Вся земля оказалась покрытой сброшенными крыльями летающих термитов. Неожиданное появление миллионов этих насекомых горячо приветствовалось не только птицами, но и многими другими животными. В то утро перед

лагерем царило невиданное оживление. Птицы сновали взад и вперед по площадке, торопясь заглотнуть побольше насекомых, пока те еще не успели зарыться в землю, а некоторые хватали их прямо на лету. Хиглети не мог не принять участия в этом пиршестве. Он избрал стратегически выгодную позицию у выхода из ближайшего термитника, где он мог ловить насекомых, как только они выползали на свет.

Дэвид решил, что нам не стоит подвергать себя риску оказаться отрезанными от дома, если Тива выйдет из берегов, и мы, с опозданием вняв предупреждению дрофы, свернули лагерь. Скважину мы назвали «Элгубу» — по названию птицы, имя которой придумали местные жители из племени самбуру.

К этому времени Хиглети стал совсем взрослым и весьма независимым. Его походы становились все более длительными, все чаще я ловила мангусту у главных ворот. Сначала я сомневалась в способности зверька самостоятельно вернуться домой и сажала его с собой на машину. Но вскоре поняла, что недооценивала инстинкт мангусты — Хиглети прекрасно знал дорогу.

Время от времени мы мыли Хиглети и одновременно чистили его коробку. Этого он очень не любил, всеми силами старался помешать нам, то прыгая в коробку, то выскакивая обратно. Когда его подстилку расстлали на лужайке для просушки, он подбегал и начинал кататься на ней, словно стараясь вернуть ей прежний запах.

Как-то раз мы отправились на несколько дней к берегам Ати. Хиглети не было с нами — во время сборов он как раз отправился в один из своих походов, и мы не смогли его найти. Оставив одному из слуг подробные указания по уходу за мангустой, мы понадеялись, что зверек не будет очень скучать те несколько дней, которые должно было длиться наше отсутствие.

На следующее утро к нам присоединился Саймон Тревор, помощник директора Западного Цаво. Выйдя из машины, он преподнес мне красивую коробку, из которой донесся знакомый звук. Оказалось, что он привез подругу для Хиглети. Мы были страшно обрадованы и сразу же открыли коробку. Оттуда выпрыгнула очаровательная маленькая мангуста, настроенная очень дружелюбно. Мы назвали ее Пикл, и я решила, что отпрыска нашей пары, если, конечно, таковой появится, мы назовем Тикл.

Пикл быстро освоилась в лагере, она лазала по всем палаткам, заглядывала во все ящики и копала во всех хотя бы мало-мальски что-то обещающих щелях. Мангуста оказалась очень ласковым и привязчивым созданием и скоро стала моей любимицей. Она наслаждалась, когда ее ласкали, и мурлыкала, как котенок, закрывая глаза от удовольствия.

Когда пришло время возвращения в Вои, мы посадили Пикл в ее коробку и тронулись в дорогу. В неописуемом восторге от нашего приезда Хиглети забрался в машину прежде, чем мы успели оттуда выйти. Очень скоро его внимание переключилось на стоявшую подле меня коробку. Он начал яростно царапать ее, хвост зверька раздулся, словно ежик для мытья бутылок, а голос стал резким и пронзительным. С трудом мы выпроводили его из машины и отнесли коробку в гостиную. Однако и там Хиглети пытался забраться ко мне на колени, чтобы поближе разглядеть коробку.

Я начала серьезно сомневаться в его добрых намерениях и подумывать о том, как бы он не устроил Пикл хорошую взбучку. Тем не менее познакомить их было надо, и Дэвид медленно приоткрыл коробку. Пикл пулей выскочила оттуда и, обеспечивая свою безопасность, забилась под низкое кресло. Хиглети с блеском в глазах, не предвещавшим ничего хорошего,

бросился за ней. К счастью, он не смог пролезть под кресло и начал бегать вокруг под аккомпанемент раздававшихся оттуда сердитых криков.

Я не могла больше вынести этой сцены и ушла, предоставив Дэвиду наблюдать за тем, как мангусты будут знакомиться. Прошло не меньше часа, прежде чем я решила вернуться. Боясь увидеть растерзанное тельце Пикл, я осторожно приоткрыла дверь и огляделась.

Что бы вы думали! Дэвид сидел в своем кресле и читал книгу, а Хиглети и Пикл кружились друг около друга. Было видно, что отношения между ними налаживаются. Они еще немножко побаивались друг друга, но к вечеру совсем привыкли.

С тех пор они с удовольствием проводили время вместе, и Хиглети с гордостью показывал Пикл все свои любимые места. Позднее, когда общество Пикл потеряло прелесть новизны, любопытство Хиглети стало снова толкать его на дальние походы. Частенько он не возвращался на ночь, а иногда даже пропадал по нескольку дней. Мы знали, что он всегда способен постоять за себя, осторожен и чутко реагирует на опасность появления орлов и ястребов — своих злейших врагов. Однако мы очень забеспокоились, когда заметили, что Хиглети всеми силами пытается сманить Пикл в свои походы. Мы считали, что она еще слишком молода и неопытна для таких приключений. Хиглети приглашал Пикл следовать за собой, отбегая на несколько шагов и издавая призывные крики, затем он останавливался и оглядывался, чтобы убедиться, следует ли за ним его подруга. Если она игнорировала приглашение, то зверек толкал ее носом и снова повторял свои маневры.

Некоторое время Пикл отказывалась следовать призывам Хиглети и предпочитала оставаться со мной,

но он был так настойчив, что как-то раз она не устояла и пошла с ним.

Я очень за нее волновалась. Мне казалось, что если Пикл каждый раз будет уходить с Хиглети, то рано или поздно наступит трагический конец. Мы уже пришли к выводу, что Хиглети достаточно самостоятелен, чтобы прокормиться на воле, и его тяга к приключениям совершенно естественна для самца. А Пикл, как мы полагали, если ее избавить от влияния Хиглети, будет совершенно счастлива дома, хотя бы до тех пор, пока не настанет время искать себе пару. Гак, не без долгих колебаний мы твердо решили, что лучше всего вернуть Хиглети к жизни на воле.

Множество его собратьев обитало на берегах Вои. Здесь мы и решили выпустить мангусту, надеясь, что зверек присоединится к ним. Место, казалось, выбрали идеальное: здесь было вдоволь еды и воды, а также хороших укрытий. Короче говоря, подлинный рай для мангусты.

Вечером, чувствуя себя Иудой, я посадила Хиглети в его коробку, и мы отправились к Вои. Здесь я вынула его и опустила на землю рядом с машиной. Он выглядел удивленным и некоторое время искоса с подозрением поглядывал на нас, но потом занялся обследованием какой-то интересной норы в траве. Пока Хиглети был занят своим делом, мы тронулись. Последнее, что удалось увидеть, заворачивая за угол, был Хиглети, удивленно смотрящий вслед машине.

Дома нас мучали угрызения совести, и мы с трудом могли разговаривать друг с другом.

— Я чувствую себя последним подлецом, — признался мне Дэвид.

Последовавшее затем молчание показало, что он не одинок. Ко мне подошла Пикл, вспрыгнула на колени и растянулась, мурлыкая от удовольствия. Машинально поглаживая ее, я пыталась убедить себя, что мы

поступили правильно. Но это мало помогало: я по-прежнему чувствовала себя глубоко несчастной. Хиглети жил у нас почти целый год, за это время он буквально стал членом семьи, и я, конечно, понимала, что нам будет очень его не хватать.

Час спустя мы все еще сидели на веранде. Настроение все ухудшалось. Бедный Хиглети, думала я, каково-то ему сейчас одному на свете даже без своей коробки и подстилки, которые он так любил.

Вдруг раздался шум. Оглянувшись, мы увидели на ступеньках лестницы... Хиглети. Хвост его топорщился, а на мордочке была написана явная обида. С чувством огромного облегчения я бросилась к нему и хотела взять на руки, желая показать, что он опять дома. Однако зверек, куснув меня за ногу, явно дал понять, что не желает иметь со мной ничего общего. Я снова почувствовала себя виноватой: ведь это я посадила его в коробку и увезла. Хиглети был так оскорблен, что даже Пикл не удостоил вниманием. Он отказался от еды и надменно проследовал в свою коробку.

Как мы ни унижались перед ним в последующие дни, стараясь искупить свою вину, он оставался непреклонным. Было видно, как глубоко потрясло Хиглети наше предательство. Все же время взяло свое, постепенно зверек смягчился и снова стал таким, как прежде.

Мангуст принято считать истребителями змей, и мы часто задавали себе вопрос, как поведет себя наша пара, встретив пресмыкающееся. Как-то раз нам представилась возможность увидеть это. Однажды к нам заехал один из наших друзей, занимавшийся змеями. В багажнике своей машины он разместил по разным ящикам нескольких представителей различных видов пресмыкающихся. Открыв багажник, он с гордостью показал нам великолепный экземпляр молодого питона. Здесь же на стоянке автомашин наш

друг опустил змею на землю, чтобы все могли ею полюбоваться. И тут, к ужасу владельца, на сцене появился Хиглети. Он приближался очень осторожно, инстинктивно чувствуя, что с этим незнакомцем шутки плохи. Змея, завидев мангусту, бросилась на нее с быстротой молнии. Бедный Хиглети, застигнутый врасплох, высоко подпрыгнул и шлепнулся прямо в цветочную клумбу. Потом он окончательно осрамил нас, сделав вид, что ему нет никакого дела до этой паршивой змеи. Хиглети притворился, что у него есть масса других, гораздо более интересных дел. Ничто не могло принудить его приблизиться к змее.

Как раз в это время Дэннис Кэрни, который некоторое время участвовал в нашей кампании по борьбе с браконьерством, поступил на службу в департамент охоты. Управление по делам национальных парков направило его в Восточный Цаво на должность помощника смотрителя по транспортным средствам и механизмам.

Как-то утром Дэвиду сообщили, что в тюремном лагере Маньяни (примерно в сорока милях от нас) в загон для телят забрался лев; выбраться оттуда он не может и в лагере страшный переполох. Дэвид взял с собой Дэнниса, и они отправились на место происшествия. Оказалось, что в одной из секций телятника вместе с телятами заперли девятимесячную львицу, как-то ухитрившуюся ночью забраться туда. К утру ей стало так плохо, что она уже не могла стоять на ногах.

Накинув зверю на голову брезент, Дэвид и Дэннис вытащили львицу из загона. Маленькая львица совсем не сопротивлялась. Внимательный осмотр показал, что привело ее в такое печальное состояние: морда страшно распухла, а из носа торчала игла дикобраза. Ее тут же без труда удалили, а львицу поместили в клетку, стоявшую в кузове «лендровера», и привезли в Вои. Я

быстро смешала молоко с глюкозой, и маленькая львица жадно вылакала эту питательную смесь. Уже через полчаса она настолько окрепла, что смогла встать. Мы хорошо накормили ее мясом и затерли в старом курятнике, где когда-то жил Пиглет.

Хиглети и Пикл с огромным интересом следили за всеми нашими действиями. Львица их очаровала. Они не смогли сдержать своего любопытства, все время бегали вокруг клетки, обмениваясь взволнованными замечаниями, и иногда присаживались на задние лапы, чтобы получше рассмотреть зверя.

На следующий день львица была уже на пути к полному выздоровлению. Когда мы заглянули в зарешеченное окно, она громко зарычала и бросилась на нас. Мы поспешно отступили. Теперь львица казалась намного больше ростом, чем представлялось сначала.

Возле курятника Дэвид соорудил еще и ограду из металлических решеток, чтобы выздоравливающее животное могло выходить наружу и греться на солнышке. Звон и грохот, сопровождавшие эту работу, звучал как аккомпанемент грозному рычанию, доносившемуся из курятника.

Кормить нового приемаща пришлось мне. Это потребовало весьма крепких нервов. Сначала львицу надо было заманить в противоположный от двери угол клетки, что осуществлялось довольно просто — ей что-нибудь бросали туда. После того как внимание львицы сосредоточивалось на приманке, я быстро открывала дверцу, бросала кусок мяса и захлопывала ее, пока зверь мчался в мою сторону. Хотя нас и разделяла металлическая преграда, требовалось немало усилий, чтобы сохранить самообладание и не отпрянуть, когда на стенку клетки с рычанием кидался этот живой клубок ярости.

Мы назвали львицу Амбер. Дня через два-три она стала поспокойнее: лежала совсем тихо в то время, когда я сидела у решетки.

Любопытство наших мангуст росло с каждым днем. Хиглети никогда не надоедало наблюдать за Амбер.

Каждое утро он первым делом мчался к клетке, чтобы еще раз взглянуть на нее. Амбер бросалась к решетке, возмущенная дерзостью крошечного существа. Хиглети уже знал, какой прием его ожидает. Поэтому он начинал копать в воображаемой норке, делая вид, что не подозревает о присутствии львицы. На самом же деле одним глазом Хиглети всегда следил за ней. Все это в конце концов надоедало Амбер, и она ложилась прямо у решетки. Хиглети тем временем подбирался к львице все ближе и ближе, притворяясь, что занят совсем другим делом, до тех пор, пока, наконец, не оказывался на безопасном расстоянии от львицы, но совсем близко от решетки. Эта его настойчивость так забавляла меня, что я довольно часто наблюдала за животными. Однажды Хиглети, уверенный в собственной непогрешимости, расхрабрился и подошел совсем близко. По ту сторону лежала Амбер и, казалось, крепко спала. И надо же случиться такому, что именно в этот момент Хиглети действительно наткнулся на какое-то насекомое и так увлекся, вытаскивая его из ямки, что совсем позабыл про львицу. Амбер быстрее молнии вскочила и с ужасающим рыком кинулась на решетку. Застигнутый врасплох несчастный Хиглети, видимо, решил, что ему пришел конец. Ноги его сработали мгновенно, подбросив в воздух фута на два.

Природа наделила хищников поразительной способностью восстанавливать свои силы: за каких-то шесть недель Амбер совершенно преобразилась.

Теперь, когда львица совсем поправилась, надо было решать ее судьбу. В Цаво природа не так

благосклонна к хищникам, как в других парках, где много травоядных животных. Нам казалось, что здесь Амбер не выжить. Было решено выпустить ее в Национальном парке Найроби.

Стив Эллис пообещал нам поселить Амбер там, где есть такие же, как она, почти взрослые львы. Клетку с нашей львицей погрузили в машину, отправляющуюся в Найроби, и мы пожелали Амбер счастья.

Позже мы узнали, что, когда Стив выпустил ее неподалеку от семейства львов, расположившегося на отдых после удачной охоты, Амбер решительно завладела всей добычей. Однажды львица случайно пересекла границу Национального парка, и это послужило причиной ее трагической гибели. Она убила несколько домашних уток, за что Амбер застрелили в двадцати милях от Лимуру.

Теперь у Хиглети снова было много свободного времени, и он возобновил свои походы в заросли. Его часто сопровождала Пикл, ставшая почти взрослой мангустой. Когда они уходили, я очень беспокоилась, особенно за Пикл, которая все еще не имела такого опыта, как Хиглети.

Однажды ранним утром обе мангусты ушли. К вечеру, когда они не вернулись, меня охватило необъяснимое предчувствие беды. На машине я отправилась на поиски. У главных ворот мне сказали, что совсем недавно мангуст видели здесь, и всего каких-то полчаса назад они свернули на боковую дорогу. Я проехала по ней около мили. Вдруг какое-то движение привлекло мое внимание к обочине дороги: на земле крупный орел клевал маленького зверька. Я остановила машину. Стоило мне приблизиться, как орел взмыл в воздух, не выпуская, однако, из когтей своей добычи — я узнала маленькую Пикл. Спотыкаясь, я продиралась сквозь заросли за птицей, кричала, хлопала в ладоши, надеясь, что орел испугается и

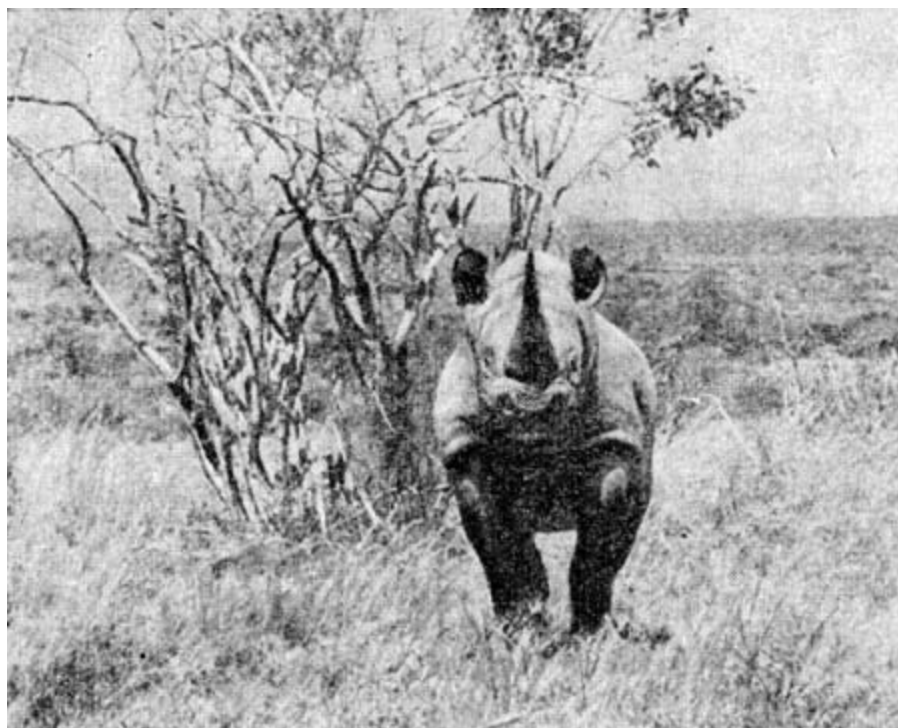
бросит зверька, но он улетал все дальше и дальше. Вскоре орел совсем исчез из виду. Опустившись на землю, я заплакала. И тут почувствовала, что кто-то трется о мою спину. Это оказался Хиглети. Вид у него был явно виноватый.

Трагическая гибель Пикл долго не давала мне покоя. Несколько утешало то, что смерть наступила, по-видимому, мгновенно. Хиглети, вероятно, был сильно напуган и какое-то время тоже находился в подавленном состоянии. Он сидел дома, а если куда и выходил, то все время поглядывал на небо. Но страсть к путешествиям постепенно вновь овладела им, и Хиглети стал исчезать из дома, пропадая иногда по нескольку дней. Однажды он пропал совсем, и мне пришлось примириться с мыслью, что Хиглети ушел навсегда.

Наш дом казался пустым без знакомого топота лапок и привычных звуков «пи-ип». Долго горевали мы о мангустах. Это были удивительно забавные маленькие создания.

Руфус

Дэннис Кэрни с женой поселились в доме, в котором мы жили с Биллом, когда я в первый раз приехала в Восточный Цаво. Как-то утром потрясенные слуги Дэнниса обнаружили у самого его дома новорожденного детеныша носорога. Они сразу же вызвали Дэнниса. Все очень боялись, что придет мамаша и потребует свое дитя обратно. Правда, никаких признаков ее пребывания в окрестностях не обнаружили. Поисковая партия позже нашла место, где она произвела на свет детеныша, — оно находилось как раз за домом Кэрни. По всей видимости, на рассвете, когда появились люди, спешащие по своим делам, самка-носорог перепугалась, увидев, что оказалась близ жилища человека, и поспешила скрыться, бросив новорожденного.

Сироту назвали Руфусом, и целый год за ним ухаживали Дэннис и его жена. Но к концу года построенный для него навес за домом оказался носорогу слишком низок. В 1961 году Руфуса перевели к трем молодым буйволам, брошенным своими родителями. Это были Бастер, Сузанна и Мириам, также выкормленные Дэннисом.

Прибавление семейства заставило сделать некоторую перестановку: Самсона и Аруббу пришлось перевести в новый загон с оградой из шести- и десятидюймовых забетонированных труб. С внешней стороны загона была установлена железная решетка, защищавшая его обитателей от львов.

Обычно слоны относятся ко всему незнакомому с недоверием. Первое время они смотрели на Руфуса и буйволов с большим подозрением, но постепенно полное безразличие Руфуса успокоило их, и уже через неделю наше маленькое стадо, состоящее из столь непохожих друг на друга животных, изумляло и восхищало посетителей парка.

Руфус был совершенно неотразим, хотя и корыстолюбив. Он оказался ужасным сладкоежкой и больше всего на свете обожал шоколад. Руфус мог подолгу стоять с закрытыми глазами, издавая чмокающие звуки, наслаждаясь шоколадом еще много времени после того, как исчезли его последние крупички. Он радовался оказываемому ему вниманию и обществу людей, поскольку от них всегда можно было ожидать какого-нибудь лакомства.

Людей Руфус предпочитал другим нашим воспитанникам. Он любил проводить долгие часы в мастерской у Дэнниса, медленно пережевывая приготовленную для него охапку люцерны. Иногда его охватывало желание проникнуть в дом. Тогда он поднимался по ступеням на веранду и просовывал голову в дверь гостиной, объявляя о своем появлении.

Такие визиты обычно были выгодны Руфусу, ибо выманить его с веранды помогали лишь сладости или фрукты.

Из всех известных мне животных Руфус был самым послушным и спокойным, и дети могли без опаски кататься на нем и делать с ним все что угодно.

Хотя мы все очень любили общество Руфуса, Дэвид настаивал, чтобы он ради собственного блага возможно больше времени проводил в компании других животных. Руфус должен жить на подножном корму. Тогда, если настанет время и он пожелает присоединиться к своим диким собратьям, то сможет существовать в естественных условиях. Поэтому мы, как могли, заставляли Руфуса самого искать себе пищу. Какое-то время мы давали ему на ночь люцерну, но затем постепенно стали заменять ее ветками нравившегося ему кустарника — до тех пор, пока Руфус не перешел целиком на подножный корм.

Руфус, как и свойственно всем носорогам, имел постоянные места для отправления своих естественных нужд. Было очень забавно наблюдать за ним, когда он торопливой рысцой направлялся в ближайший личный туалет. Окончив свои дела, носорог всегда старательно разбрасывал помет задними ногами. Я часто задавалась вопросом, зачем он это делает: ведь в основе инстинктивной деятельности любого животного всегда лежит какая-то целесообразность.

Самсон, рост которого к этому времени уже достигал семи футов, был, конечно, бесспорным вожаком наших воспитанников.

Пользуясь общим уважением, он всегда вел себя с большим достоинством, еще более укреплявшим его авторитет. С Руфусом особенно сдружилась Аруба. Она

любила стоять над ним, готовая защищать его так же, как это делала Фатума по отношению к Пиглет.

Три наших буйвола сильно разнились по темпераменту. Сузанна и Мириам держались обособленно, а Бастер, напротив, отличался дружелюбным нравом, хотя и любил показать свою силу в шуточных стычках.

Дэвида много лет мучила проблема, как сохранить растительность, уничтожаемую слонами, особенно большие деревья. К чему приведет сокращение зеленых массивов в природе парка? Как это скажется на его обитателях? С уничтожением деревьев кустарник лишается защиты от солнца. Будет ли достаточно осадков, чтобы успели вырасти новые травы, или же нас ожидает наступление пустыни? Слоны, если у них есть выбор, предпочитают есть траву. Вполне возможно, что, сводя кустарник и создавая вместо него травянистую равнину, они просто обеспечивают себе лучшее пропитание. Кроме того, нас беспокоило, что гибель деревьев приведет к степным пожарам. К чему в итоге ведут эти изменения, положительны они или отрицательны? Ответа на эти вопросы мы не знали и обратились за советом к специалистам-ученым.

При любых изменениях, происходящих в природе, кто-нибудь проиграет. В Цаво пострадали носороги, которые, как оказалось, не смогли приспособиться к новым условиям существования. Хуже всего стало носорогам, населявшим район Ати, а именно здесь их водилось больше, чем где-либо.

Наши воспитанники, а особенно два слона и Руфус, должны были оказаться неоценимыми помощниками в исследованиях, поскольку изучение их поведения и режима питания позволило бы лучше понять проблемы, связанные с изменениями характера растительности.

Прежде всего мы полагали, что увеличение смертности носорогов вызвано какой-то болезнью.

Чтобы проверить это, необходимы были пробы крови и другие данные для анализа. Хотя животных умирало довольно много, добыть свежий труп оказалось далеко не просто. Пересеченная местность, множество грифов, предъявляющих свои права на погибших животных, огромные пространства и быстрое разложение трупов при высокой температуре воздуха — все это очень сильно мешало работе, хотя к нам и прибыла группа ветеринаров, что дало возможность обследовать погибших носорогов на месте.

Результаты нескольких вскрытий не позволили выделить какую-либо общую для всех животных болезнь, однако было установлено, что все они страдали острой анемией. Наблюдение за вскрытиями было занятие не из приятных, но необходимость его очевидна. Больше всего меня поразило огромное количество паразитов, обитавших на носорогах. И хотя мне говорили, что большинство насекомых привычны для носорогов, не приносят им вреда и не чинят никаких неудобств, я была потрясена тем, что живое существо может стать убежищем для огромного количества «постояльцев».

За тот год лишь в этом районе погибло около восьмидесяти носорогов, и только наступивший сезон дождей временно снял остроту положения. К сожалению, все эти беды оказались лишь предвестниками катастрофы, разразившейся в следующем году.

Пока шли исследования, Дэвиду часто приходилось выезжать в Найроби на всевозможные совещания. Иногда я сопровождала его и в одной из этих поездок приобрела двух несколько необычных, но очень интересных воспитанников.

Олд Спайс

В Найроби я случайно встретила одного знакомого из департамента охоты. Он попросил меня подойти к его машине, где, как он сказал, у него есть что-то такое, что меня наверняка заинтересует. Горя любопытством, я заглянула на заднее сиденье. Оттуда, из закрытой корзинки, доносились звуки, очень напоминающие мяуканье котят. Приподняв крышку корзинки, я увидела двух крохотных детенышей виверры, более всего похожих на миниатюрных пушистых медвежат с мордочками енотов и черненькими гуттаперчевыми носиками. Зверьки были конфискованы у какого-то местного жителя, который нес их продавать.

Понадобилось несколько часов, чтобы убедить теперешнего владельца зверьков отдать мне малышей. Наконец он сдался, и я торжественно отнесла их к нашей машине, где и представила Дэвиду.

Поскольку нам предстоял неблизкий путь (до дома было около двухсот миль), я зашла в первый же магазин и купила немного порошкового молока. Бутылочки, из которых кормили малышей, я, естественно, прихватила вместе со зверьками. Вскоре мы отправились в путь. Получив свои бутылочки, зверьки начали жадно сосать, не выпуская их ни на секунду из своих маленьких черных лапок. Хорошенько поев, они свернулись клубочками на дне корзины и мгновенно крепко уснули.

На протяжении всего долгого пути мы с Дэвидом ломали головы над тем, как назвать наших новых подопечных и, наконец, припомнив, что мускус, содержащийся в железах виверр, широко используется в качестве основы для духов, остановились на именах Олд Спайс и Шанель ^[5].

Шанель отличалась от Олд Спайс меньшим ростом и более пушистой шубкой. Зверьки быстро подрастали. Через некоторое время они с удовольствием стали бегать, когда их выпускали из корзинки. Игривые, ласковые создания, они мурлыкали, совсем как обычные домашние котята, но их лапы были больше похожи на собачьи, так как когти у виверр не втягиваются. Кроме мяуканья они издавали еще и низкие клохчущие звуки, что помогало им никогда не терять друг друга из виду, даже в самых густых зарослях травы на клумбах.

В естественных условиях виверры ведут ночной образ жизни. Вот и наши котята, такие сонные днем, становились очень активными как только наступала ночь. Вечерами, перед сном, мы с огромным удовольствием наблюдали за их играми: они гонялись друг за другом, устраивали засады у кресел и дивана. Всегда полная энергии Шанель была более шаловлива, чем ее застенчивый брат.

Как-то вечером я выпустила зверьков из корзинки, и они занялись своей любимой игрой в кошки-мышки среди цветочных клумб. Мне необходимо было передать записку на пост у главных ворот, и я решила оставить малышей одних. Села в машину и уехала. Отсутствовала я не более пяти минут, но, вернувшись, сразу заметила, что с Шанель что-то случилось. Она то кружилась на месте, то каталась по земле, рычала и кусалась. Из рта у нее шла пена. Я бросилась к виверре, чтобы взять ее на руки, но она попыталась укусить меня за ногу. Только в последний момент я успела схватить зверька за шиворот. Внимательно осмотрев его тельце, я не заметила никаких повреждений. Шанель часто и трудно дышала, и, что самое страшное, глаза ее были совершенно неподвижны. Решив поначалу, что у Шанель просто судороги, я осторожно обмыла ей мордочку холодной водой и, завернув в шерстяное одеяльце, уложила в

корзинку. Может быть, ее укусила змея? Осмотр клумбы не дал никаких результатов.

Олд Спайс в это время жалобно мяукал. Я подняла его, погладила, уложила в другую корзину и снова занялась бедной Шанель.

Она уже потеряла сознание, и все ее маленькое мокрое от пота тельце так и сотрясалось от конвульсий. Дыхание становилось все более прерывистым. Началась агония. Я подняла зверька и, крепко прижав к груди, старалась сделать все, чтобы облегчить его страдания, моля о чуде. Я была одна в доме. Дэвида вызвали еще днем, чтобы заняться раненым слоном, которого подстрелили на соседней плантации сизаля, после чего слон скрылся на территории парка. Я страстно хотела, чтобы Дэвид поскорее вернулся домой.

Наконец послышался шум подъезжающей машины. Вошел Дэвид, и я рассказала ему о случившемся, о том, как вела себя Шанель, когда я вернулась. Дэвид пробормотал:

— Не нравится мне все это!

Видимо, он решил, что Шанель впала в бешенство. Дэвид взял малышку у меня из рук. Теперь она лежала неподвижно, как мертвая. Сердце еле билось, а острые белые зубы были оскалены. Мы поняли, что она умирает.

— Это могла быть кобра, — сказал Дэвид.

Мы решили сделать последнюю попытку спасти зверьку жизнь, впрыснув ему противоядие. Я быстро приготовила все необходимое, и Дэвид ввел виверре внутримышечно довольно большую дозу вакцины, поскольку, чем меньше жертва укуса, тем, естественно, выше концентрация яда.

Примерно через полчаса Шанель пришла в себя, пошевелилась и слабо мяукнула. Я снова взяла ее на руки и возблагодарила бога за то, что зверьку, несомненно, стало немного лучше. Я провела с

виверрой большую часть ночи, время от времени стараясь заставить ее выпить хоть немного молока. Хотя у Шанель был еще один приступ, к утру ей стало заметно лучше — она могла даже стоять. Нас весьма ободрили хорошие симптомы, и мы решили, что Шанель уже на пути к полному выздоровлению, но в полдень она неожиданно потеряла сознание и умерла у меня на руках.

Дэвид так и не понял, в чем причина странной болезни Шанель. Мы еще раз внимательно перечитали все, относящееся к бешенству, и, рассуждая о причинах ее гибели, пришли к выводу, что не можем исключить этот вариант. Мы обратились за советом к доктору в Вои, но он также не смог сказать нам ничего определенного и порекомендовал отправить трупик Шанель в Найроби на исследование, что мы и сделали. Большим облегчением для нас был отрицательный ответ.

Еще много дней после смерти Шанель Спайс ходил как пришибленный: он был по-настоящему несчастен. И это понятно, ведь до сих пор они не разлучались ни на минуту. Его долгий, непрерывный вой просто разрывал нам сердца, но я ничего не могла придумать, чтобы отвлечь его от тоски по сестре. Время, однако, залечивает все. Спайс в конце концов примирился с потерей сестры и успокоился.

Став взрослым, Олд Спайс превратился в великолепное животное размером со среднюю собаку, с короткими, круглыми и белыми по краям ушами, черными глазами и белой мордочкой. Тело его покрывала жесткая темносерая шерсть с разбросанными то тут, то там черными пятнами; хвост был длинный, острый и разрисован черными поперечными полосами. Особенно поражала его черная грива, идущая вдоль хребта, которая становилась

дыбом, если Спайс почему-либо тревожился или сердился.

Очень скоро он начал демонстрировать присущую всему племени виверр скрытность и днем, чтобы поспать, забивался в густые заросли кларсдендрона в дальнем конце сада. Теперь ему разрешалось свободно бродить по ночам, но с первыми лучами солнца Спайс начинал проявлять беспокойство и скрывался в густом кустарнике. Там он и засыпал до самых сумерек, до тех пор пока я не выходила и не звала его. Через несколько минут в кустах раздавалось шуршание листьев и появлялся зевающий Спайс с совершенно сонными глазами. Он был очень привязан ко мне, несколько меньше к Дэвиду, робок и даже пуглив по отношению ко всем остальным. Свою любовь Спайс демонстрировал, тыкаясь мне в руку носом; при этом он бешено работал передними лапами до тех пор, пока не начинало казаться, что рука у меня вся искромсана.

Ночью Спайс становился сплошным сгустком энергии и, вскакивая на кровать, пытался заставить нас принять участие в его играх. Мы, очевидно, казались ему ленивыми и довольно скучными субъектами, ибо спали тогда, когда он был наиболее активен. Дверь спальни мы всегда оставляли приоткрытой, так что Спайс мог по желанию свободно входить и выходить, но прежде чем удалиться на день в свой кустарник, он наносил нам прощальный визит и, желая доброй ночи, забирался на короткое время в постель.

Когда зверек жил в доме, нам не составляло никакого труда приучить его к аккуратности. Пока Спайс был маленьким, он, как и любой котенок, пользовался ящиком с песком, а позже, когда начал проводить большую часть времени на воле, сам подбирал себе необходимые местечки.

Спайс был неприхотлив и любил все, что ели мы сами. Больше всего ему нравились цветная капуста, сыр

и бананы. Однако зверек с удовольствием ел также мясо, любые фрукты, хлеб с маслом и яйца. В дополнение к этому столу он сам ловил ящериц и жуков, не брезгуя и птицами. Если в ночных поездках кто-нибудь случайно подбивал птицу, то ее всегда торжественно преподносили Спайсу.

Пищу зверьку я обычно оставляла на ночь в большой тарелке, которую ставила на камни. К утру она была пуста.

У Спайса была одна слабость — он обожал любые сильные запахи, особенно лосьона «Олд Спайс», которым Дэвид пользовался после бритья; этот запах доводил виверру просто до экстаза. Всякий раз, когда Дэвид отвинчивал пробку, Спайс начинал прыгать около него, безуспешно пытаясь добраться до источника чарующего запаха. Иногда за хорошее поведение он награждался каплей лосьона, которую стряхивали на его шубку. К несчастью, у зверька отсутствовала способность различать приятные и неприятные с нашей точки зрения запахи. Иногда он появлялся ночью благоухающий дикими цветами и свежей зеленой травой, а в другой раз приносил с собой такой невыносимый аромат, что вынуждал меня вставать с постели и отмывать его от той гадости, в которой он валялся в ту ночь.

Засуха

К концу сухого сезона 1961 года положение носорогов в районе Ати снова стало бедственным. Из результатов вскрытия, проведенных в предыдущем году, мы знали, что основная причина падежа объяснялась недостатком пищи в этом районе. Дожди шли редко, кустарник дал слабые побеги. Каждый кустик был объеден почти до самой земли, так что оставался лишь пенек. Недостаток воды в парке вынудил стада слонов держаться у реки, отчего растительность, естественно, страдала еще больше. Каждый день наши патрули приносили удручающие известия об умирающих носорогах. Эти данные глубоко огорчали нас, ибо черные носороги быстро исчезают в Африке, а парк Цаво оставался одним из последних их убежищ.

По какой-то не очень понятной причине многие считают носорога непривлекательным, опасным и совершенно несимпатичным животным. На самом деле его следует гораздо больше жалеть, чем бояться. Природа обидела носорога, наградив очень слабым зрением. В местах, где на него разрешена охота, носорог живет в обстановке постоянного страха перед врагом, который может подкрасться к нему невидимым. Становится понятным, почему он яростно бросается в атаку на каждый подозрительный звук. Это самозащита, а не агрессия. В неволе носороги всегда ведут себя спокойно и дружелюбно и даже взрослые особи легко поддаются дрессировке.

Донесения о бедственном положении носорогов в районе Ати заставили Дэвида принять решение выехать на место, чтобы определить, что можно сделать для их спасения. Конечно, мы взяли с собой Спайса и, как

только лагерь на берегу реки был разбит, натыкали около нашей палатки веток, решив, что они послужат для него спальней. Затем открыли корзинку и пригласили Спайса в его дом, но зверек, бросив быстрый взгляд на плоды наших трудов, не пожелал здесь обосноваться, неторопливо направился в противоположную сторону и скрылся в кустах у реки. Когда наступили сумерки, я сходила за ним и принесла обратно в лагерь. Сперва Спайс вел себя беспокойно на новом месте, но вскоре утихомирился, с аппетитом съел свой ужин и занялся обследованием окрестностей.

Рано утром следующего дня я опять пришла за ним, решив убедиться, что он вернулся на то же место. Увидев зверька спокойно спящим после ночного похода, я вернулась в лагерь и занялась делами.

В этот день мы проехали вдоль реки на машине и своими глазами увидели ту трагедию, о которой докладывали объездчики. Положение носорогов в этом районе было действительно тяжелым, доклады не преувеличивали его. Мы встретили нескольких шатающихся от слабости и покрытых черными пятнами носорогов, а позже наткнулись на одного из них, который уже не мог стоять, и лежал под палящим солнцем. Сил у него хватало только на то, чтобы тихо фыркать, и он лишь слабо дернул головой при нашем приближении. Мы нарезали веток и попытались накормить его, но носорог уже потерял всякую волю к жизни и вскоре испустил дух.

В другой раз мы с болью наблюдали, как старый носорог пытался собрать силы, чтобы взобраться на берег после водопоя. Каждый шаг требовал от него таких усилий, что, выбравшись, наконец, наверх, он был уже не в состоянии двигаться.

Еще дальше нам попался детеныш носорога. Он печально стоял возле тупа матери, время от времени тыкал ее в бок, явно недоумевая, почему не получает

ответа. Егеря быстро окружили малыша, который, невзирая на маленький рост и очевидную беспомощность, мужественно отказался покинуть мать и, нагнув голову, бесстрашно встретил тех, кого считал своими врагами. Благородное поведение малыша глубоко тронуло меня, и я пожелала ему от всего сердца спасения. Хорошо было бы вырастить его, но внимательный взгляд на тщедушное тельце заставил меня осознать, что надежды здесь очень мало. К несчастью, мое предвидение оправдалось. Мы взяли маленького носорога в лагерь, и, хотя сделали все, чтобы спасти его, он умер в ту же ночь.

Еще одного носорога мы нашли лежащим на берегу реки в крайней степени истощения, причем стая грифов терзала его живого. Носорог был настолько слаб, что не мог отогнать их и молча терпел эту страшную муку. Пуля прекратила его страдания.

Каждый день приносил все новые и новые свидетельства ужасающих лишений, которые приходилось переносить этим несчастным животным. Один случай особенно расстроил нас — погибла хорошо всем нам известная старая самка, носившая пару необычно длинных рогов. Пытаясь дотянуться до зеленых листьев на ветке, вытянувшейся над самым берегом, она потеряла равновесие и упала с обрыва вниз на кучу плавника. Ее ноги оказались крепко зажатыми между двумя бревнами, а голова — всего лишь в нескольких футах от воды. По всей видимости, самка находилась в таком положении много часов, если не дней, и можно представить себе, какую пытку она терпела, умирая мучительной смертью от жажды, когда холодная вода текла совсем рядом.

Когда мы нашли ее, самка носорога была еще жива. Пока Дэвид и егеря, работая топорами, пытались освободить ее, я опустила мой свитер в реку и выжала воду на ее совершенно сухие губы. Она сделала

несколько слабых глотков, но мы и здесь опоздали — с тяжелым вздохом животное испустило дух через несколько минут. Мне оставалось лишь надеяться, что я хоть чуть-чуть облегчила последние мгновения ее жизни.

Мы были убеждены, что если срочно не доставить какой-нибудь корм, то немногие носороги переживут засуху. Мы раскладывали люцерну и сено вдоль троп, по которым носороги ходили у реки, но к нашему великому огорчению корм так и остался нетронутым. На каменистых склонах холмов, в местах, недоступных для носорогов, остались целыми сочные кустарники. Мы срезали их и клали вместо люцерны, но отчасти из-за запаха, оставленного человеком, отчасти из-за того, что под лучами палящего солнца кустарники быстро увядали и высыхали, носороги их почти не трогали.

Итак, оставалась единственная надежда — попробовать качать из реки воду и подавать ее к отдельным участкам зарослей, создавая тем самым условия для роста кустарника и предоставляя носорогам возможность продержаться до дождей. По счастью, в Фонде поддержки диких животных оказалось достаточно денег, чтобы купить четыре передвижные насосные установки с комплектами легких алюминиевых труб. Все это оборудование было спешно доставлено к нам в лагерь, и мы немедленно начали орошать выбранные для этой цели участки. Все наши отряды разбились на смены, и насосные установки без перерыва работали день и ночь.

Какими бы мизерными ни казались наши усилия по сравнению с масштабами беды, они давали по крайней мере то удовлетворение, что позволили спасти хотя бы часть носорогов. В удивительно короткое время перекачивание тысяч галлонов воды в час принесло свои результаты: на деревьях и кустах появились зеленые побеги, казавшиеся особенно свежими

благодаря покрывающим их каплям. Постепенно в местах полива возникли маленькие оазисы, и мы были полностью вознаграждены, когда увидели там цепочки следов носорогов. Сюда собирались и другие животные, которые также предпочитали полакомиться свежей листвой — импалы, геренуки и водяные козлы стали постоянными посетителями оазисов.

В это трудное время огромную, неоценимую помощь оказали нам доктор Гловер и доктор Фрэзер Дарлинг, которые, несмотря на крайнюю занятость, нашли время приехать к нам, чтобы увидеть все собственными глазами и дать ряд ценных советов. В большом долгу мы также и перед Ноэлем Саймоном за его пристальное внимание к нашим нуждам. Мы также благодарны судьбе, пославшей нам Руфуса, — он дал нам возможность облегчить судьбу диких носорогов.

Внезапно в этом районе разразилась буря. За несколько дней кустарник покрылся свежей листвой, а внутренние водоемы наполнила обильная влага. Носороги смогли покинуть опустошенные берега реки и перебраться в глубь страны, на лучшие пастбища; падеж резко сократился.

К этому времени уже имелись твердые планы ликвидации тяжелого положения в Цаво. Был утвержден проект перекачки воды из реки на плато Ятта с тем, чтобы оттуда она самоходом поступала в естественные водоемы. Началось строительство головного сооружения. Мы были уверены, что это позволит на время сухого сезона превратить обширный участок парка в отличное пастбище, уменьшит плотность животных в речной зоне и восстановит растительность.

Строительство шло с большим напряжением. Мы должны были завершить все работы до начала сезона дождей, которые, как правило, приводили к наводнениям. При свете электрических ламп, питаемых

от аккумуляторов наших грузовиков, люди работали круглые сутки, пробивая траншею в скалистом русле реки, которое должна была перегородить бетонная плотина с заделанными в нее заборными трубами. Очень сложно было отвести воды от места работ. Две из наших четырех помп день и ночь откачивали воду, просачивавшуюся сквозь мешки с песком, из которых была сооружена перемычка. На помощь к нам из Западного Цаво прибыл Саймон Тревор. Они с Дэвидом все время пропадали на строительстве, с трудом выбирая минутку, чтобы перекусить в лагере.

Бессонные ночи и полные тяжелого труда дни стали сказываться на Дэвиде и Треворе. Однако они успели закончить плотину за два дня до начала паводка. Если бы они не сделали этого, вода перелилась бы через гребень плотины. Их теперь волновало только одно — как бы бетон поскорее затвердел, чтобы вся их работа не пропала даром.

Начался паводок. Меня беспокоил Спайс, который до сих пор ночевал на самом берегу на куче тростника. Сонного его мог унести разлившийся поток. Но Спайс, видимо, сам осознал такую возможность и перебрался в кусты, подальше от реки. Я попыталась найти его новое логово, но он не очень-то любил, когда вторгались в его личную жизнь. Мне все же удалось увидеть Спайса, по он исчез в густом подлеске, окаймлявшем овраг. Тогда я оставила его в покое и ушла в лагерь.

Вечером, однако, я вернулась на место, где видела утром Спайса, и позвала его. Ответа не последовало, и я поняла, что после моего ухода Спайс сменил квартиру. Он явно предпочитал хранить место своего ночлега втайне и как только чувствовал, что мы догадываемся о его местопребывании, немедленно менял его. Мы уважали его право на личную жизнь и не делали попыток найти убежища. Терпеливо ждали в

лагере по вечерам. Ведь обычно в это время зверек возвращался и, приветствуя нас, терся о ноги.

Как-то вечером, когда мы все тихо сидели у лагерного костра, Спайс решил проверить, как высоко он сможет забраться на большую акацию, раскинувшуюся над рекой. Когда он начал громко мяукать, рискованно раскачиваясь на самом конце одной из веток, я решила, что зверек попал в беду и не может спуститься вниз. Дэвид, который полагал, что Спайс просто бахвалится, поворчав, все же полез на дерево, продираясь сквозь длинные и острые колючки. Наконец он добрался до Спайса и благополучно доставил его на землю. Но тут Спайс немедленно вспрыгнул на дерево и через секунду оказался на той же самой ветке и в той же позе. Дэвид уже не хотел повторять эту весьма болезненную для него операцию и ждал до тех пор, пока она не станет действительно необходимой. Он оказался прав, ибо когда внимание Спайса привлек большой жук в траве под деревом, зверек с удивительной ловкостью развернулся и спрыгнул, чтобы познакомиться с ним.

Дожди в верховьях реки шли уже несколько недель подряд, а у нас, если не считать одной случайной грозы, принесшей два дюйма осадков, было по-прежнему сухо. Можно понять нашу радость, когда ночью мы услышали, как первые крупные капли упали на землю. Костер зашипел. Небо над нами стало черным, как чернила, и звезды заволокло мглой. Мы укрылись в палатке, и тут же дождь полил как из ведра, забарабанив по брезенту. Огонь в костре продержался недолго, и вскоре последний дымок пропал во мраке ночи. Дэвид включил приемник в тот момент, когда передали сообщение о ливневых дождях в районе Найроби, о том, что железнодорожный мост через Ати снесен и ожидается продолжение дождей. В лагере с нами в это время жили Питер и Саймон. Мы немедленно открыли живейшую

дискуссию на тему, стоит ли перенести лагерь на более высокое место. Питер и я голосовали против, уверенные в том, что паводок не представит опасности для лагеря. Тем более, что мысль о свертывании палаток посреди ночи, да еще в дождь, была малоприятной. Тем не менее Дэвид решил иначе. Мы погрузились в «лендровер» и перебрались к подножию плато Ятта.

Ночь провели беспокойно. Постельное белье было все сырое, а вещи валялись в совершеннейшем беспорядке. Люди бродили по лагерю, тщетно пытаюсь при слабом свете фонаря отыскать свое имущество среди груды тюков, наваленных в общей палатке. Тем временем дождь перешел в устойчивый ливень. Кроме того, я очень беспокоилась о Спайсе, которого мы так и не сумели разыскать при переезде. Я представила себе, как он вернулся в покинутый лагерь и стоит у потухшего костра, жалобно мяукая. Правда, я надеялась, что ему поможет обоняние, и ждала его с минуты на минуту. В эту ночь я не спала. Наконец дождливый рассвет осветил небо, а Спайса еще не было.

Река оглушающе ревела, словно океанский прибой, яростно обрушивающийся на берег. Я выглянула наружу и увидела, что река превратилась в мощный шоколадного цвета крутящийся поток. Место нашего прежнего лагеря было полностью затоплено. Земля вся насквозь пропиталась влагой, но зато в одну ночь буш покрылся зеленью, пенис птиц наполнило воздух и капли воды блестели на каждой травинке. Воздух посвежел и был необычайно чист. Чувство покоя овладело мной, когда я глядела на мир, обмытый дождем после долгих месяцев засухи.

Я решила поискать у реки следы Спайса. Когда я стала натягивать платье, то почувствовала резкую, острую боль, словно меня укололи раскаленной иглой, за первым уколом последовало еще два. Я отчаянно

закричала и постаралась возможно быстрее сбросить платье. Когда Дэвид примчался мне на помощь, я увидела бледно-желтого скорпиона с поднятым хвостом, готового к новой атаке. Дэвид сбросил его на землю и раздавил. Боль была острой, железы в паху набухли и стали ныть, язык онемел и распух. Несколько часов мне было совсем плохо.

До сих пор мне удавалось избегать укусов скорпионов. Мы постоянно следили, чтобы одежда не лежала на земле, вытряхивали по утрам обувь, прежде чем надеть ее. На этот раз, в связи с хаосом, вызванным ночным переездом, мы оставили одежду на земле, а скорпион, когда дождь затопил его нору, стал искать убежища в нашей палатке. Дэвид сказал, что скорпион наверняка был не один, и оказался прав. Мы осмотрели палатку и, действительно, обнаружили еще трех скорпионов.

Вечером мы отправились к месту старого лагеря, чтобы отыскать Спайса. Мы звали его по имени, прищелкивали языком, но наши голоса терялись в реве реки. Свет фонаря обнаруживал множество светящихся пар глаз, но каждый раз это оказывались либо мангуста, либо генетта^[6]. Поискав около часу, расстроенные, мы медленно поплелись назад. И тут я услышала топот ножек по дороге, и вот, пожалуйста, появился Олд Спайс! Он был вне себя от радости, что снова нашел нас, и, не переставая мурлыкать, тыкался носом в ладони, пока Дэвид и я по очереди несли его.

Мы пришли со зверьком в лагерь и познакомили его с новым домом. На следующий вечер он как обычно встретил нас.

Теперь, когда пошли дожди, у Спайса прибавилось много забот. Надо было исследовать столько новых луж. А сколько насекомых разных форм и размеров ждали, чтобы Спайс их попробовал. Он был так занят, что его

ночные визиты в нашу палатку стали гораздо реже, но зверек всегда находил время забежать и пожелать нам доброй ночи перед рассветом. Только тогда он отправлялся к себе домой, в заросли.

Как прекрасны здешние цветы! Каждый день распускались все новые. Здесь были «снежинки», отличающиеся нежным запахом, какие-то растения, больше всего похожие на незабудки, дикие лилии, африканские фиалки и множество других, не менее красивых цветов. Ежедневно я приносила в лагерь свежий букет и ставила вазу на столе, чтобы все могли ими любоваться.

Дэвид все еще был занят строительством насосной станции для проекта «Ятта»; к его счастью, на северном берегу реки оказался достаточный запас цемента, чтобы продолжить работу. Зажатые между реками — Тивой на севере и Галаной на юге, мы оказались полностью отрезанными от внешнего мира. С нами было около шестидесяти рабочих-африканцев, поэтому мы беспокоились и каждый вечер слушали по радио сводку погоды. Признаков прекращения дождей в верховьях реки не наблюдалось и стало очевидным, что мы застряли тут надолго. Дэвиду пришлось прервать строительство насосной станции и заняться сооружением аэродрома вблизи лагеря, чтобы в случае необходимости мы могли принять спасательную партию.

Совсем рядом с лагерем, в ущелье плато Ятта, известном под названием Табангунджи, была огромная скала на вершине которой лежали нагромождения мелкой гальки. Появилась она так. В начале века воинственные масаи совершали через это ущелье набеги на своих менее сильных соседей. По обычаю, каждый воин, проходя мимо скалы, бросал камешек. То же самое делали они, возвращаясь. На другой стороне дороги Дэвид показал мне несколько могильных

холмиков из обломков скал. Это были могилы воинов, павших здесь в бою.

Я представила себе, как по ущелью движется длинная колонна воинов, гордо несущих свои копья и яркие щиты. Их тела расписаны охрой и украшены страусовыми перьями. Так же отчетливо видела я, как через несколько дней они возвращались назад, гордые победой, гоня перед собой мычащие стада скота. Я представила поднимающуюся облаком пыль и слышала крики мужчин, подхваченные эхом. Возможно, именно здесь их ожидала засада, и печальные могилы по краю дороги были местом последнего успокоения тех, кто погиб в бою за обладание бесценным скотом, символом богатства, основой всей их жизни.

В наши дни на смену боевым кличам воинов пришел топот слона, изредка проходящего мимо древних могил вниз, к реке. Только скала, свидетель прошлого, все еще стоит здесь, как и прежде.

Наводнение

Хотя ливневые дожди и спасли носорогов, наводнение нанесло большой ущерб прибрежной растительности. В ряде мест русло реки сместилось на сотню футов и более в сторону. Течение на большой территории вырвало с корнем тополя, акации и пальмы-дум и унесло далеко вниз. Временами сквозь рев реки то тут, то там слышался треск сокрушаемых гигантских деревьев, их столетние стволы падали в поток и увеличивали и без того громадную массу влекомых рекою обломков. Погибло множество бабуинов, укрывавшихся ночью на деревьях. Мы видели трупы носорогов и других крупных животных, мелькавшие в бурных волнах этого потока.

Нам необходимо было установить постоянный контакт с южным берегом, чтобы обеспечить доставку через реку продуктов, горючего и других необходимых припасов. К счастью, Дэвид вспомнил, что около десяти лет назад, в районе Мелка Файя, в расчете на подобную аварийную ситуацию, через реку была сооружена тросовая переправа. Мы решили воспользоваться ею и пополнить наши быстро иссякающие запасы продовольствия. По радио дали команду Дэннису, который все еще находился в Вой, чтобы он доставил к Мелка Файе небольшую гребную лодку, обычно стоявшую у плотины Аруба. Мы хотели воспользоваться тросом, чтобы переправить лодку на нашу сторону.

Первая переправа прошла успешно, и три бочки бензина благополучно достигли нашего берега. Тогда лодкой решил воспользоваться Дэннис. Когда он проделал примерно четверть пути, трос лопнул, а Дэнниса бросило на дно лодки, которую закрутило и понесло вниз. Мы наблюдали за ним, но помочь не

могли. Дэннис принял правильное решение: покинул лодку и с трудом добрался до берега. Лодка запуталась в ветвях затонувшего дерева, но рабочим удалось в конце концов достать ее.

Хотя ничего страшного не случилось, но единственная связь с южным берегом была теперь прервана. Мы с огорчением наблюдали, как лодку положили на грузовик и рабочие отбыли с ней по направлению к Вои.

Последующие дни наши мужчины безуспешно ломали головы над тем, каким образом можно было бы протянуть еще один трос над бушующей рекой. Армейская авиация могла, если потребует, доставить нам припасы, но мы решили обратиться к ее помощи только в самом крайнем случае. У летчиков и без нас хватало забот — они обеспечивали доставку предметов первой необходимости тысячам жителей, которых наводнение лишило крова. По сравнению с их задачами наши трудности казались ничтожными. Но это было справедливо, пока среди рабочих-африканцев не вспыхнула эпидемия дизентерии. С каждым днем больных становилось все больше и запасы медикаментов быстро таяли. Тогда нам пришлось обратиться к армии за помощью. Авиаторы сбросили необходимые лекарства, и постепенно мы поставили на ноги всех больных, только Дэвид и Джилл еще несколько дней находились в тяжелом состоянии.

Мы много думали над проблемой переброски троса на другой берег. Поступило предложение зацепить его за плот с выносным килем и пустить вниз по крутой излучине реки, полагая, что течение прибьет трос к противоположному берегу. Мы пытались проделать это, но течение оказалось сильнее и плот, хотя и всего на несколько футов, не достиг цели.

В конце концов все надежды были возложены на моторную лодку Питера, которую он держал на морском

берегу в Малинди. Мы узнали, что один из самолетов, направляясь в Малинди, пролетит над районом нашего лагеря. Договорились, что Питер сможет на нем улететь, чтобы забрать свою лодку и доставить ее к берегу, напротив лагеря.

Теперь мы не спускали глаз с реки. Временами она казалась относительно спокойной, но вдруг, видимо из-за движения песка на дне, над рекой вставали громадные волны, каким-то чудом держались несколько минут и снова исчезали так же быстро, как и появлялись. Я страшилась мысли о том, что произойдет с Питером в его хрупкой лодчонке, если на него обрушится такая чудовищная волна. Я надеялась лишь на сорок пять лошадиных сил мотора.

Наконец на южном берегу появился грузовик и с него сгрузили долгожданную лодку. С Питером прибыл и Чарльз Мур, помощник смотрителя Западного Цаво. Вскоре у них разгорелась оживленная беседа. Судя по жестам и взглядам, которые они бросали на реку, было видно, что волны вызывают беспокойство и у них. Тем временем лодку спустили в заводь у берега и несколько рабочих удерживали ее на месте.

Вскоре Питер надел спасательный жилет, и мы поняли, что он хочет переправиться первым. Питер уселся в лодку; сквозь шум реки слышался рокот мотора. Когда лодка вышла на стремнину, я с облегчением заметила, что она успешно борется с потоком. Питер осторожно направил ее носом против течения и стал медленно приближаться к нашему берегу. Здесь десятки рук приняли лодку и помогли Питеру. Его встретили радостные крики рабочих, которым смелый поступок Питера придал новые силы.

Убедившись, что лодка способна справиться с рекой, Питер решил вернуться обратно и доставить нам лекарства и почту. Саймон отправился с ним. Они уже проделали половину пути, как вдруг мотор заглох и

лодку, потерявшую управление, понесло вниз по течению. Саймон делал отчаянные попытки запустить двигатель, и мы пережили тревожные минуты, пока не услышали шум мотора и не убедились, что лодка выровнялась.

Когда лодка достигла противоположного берега, мы увидели, как Питер и Саймон тревожно склонились над двигателем, но немного погодя они загрузили в лодку несколько свертков и направились в обратный путь. В кипящем потоке их суденышко казалось слабым и хрупким. Был момент, когда грозная волна поставила его почти вертикально, в следующую минуту лодка нырнула вниз и, когда ее нос снова погрузился в воду, то в воздухе показался бешено вращающийся винт. Переправа все же закончилась успешно, и нам доставили первые письма за шесть педель. Вскоре волнение на реке усилилось. Волны поднимались все выше, и Дэвид решил, что установку тросовой переправы следует отложить до более благоприятного времени. Мы попрощались с Питером, которому предстояло еще раз вступить в борьбу с потоком и переправиться на тот берег. Когда он достиг середины реки, его во второй раз постигла беда. Огромная волна, неизвестно как и откуда возникшая, резко наклонила лодку, и Питер упал в воду. Мы все бросились вниз по берегу, спотыкаясь и скользя на плавнике, стараясь не отстать от Питера, голова которого то появлялась, то скрывалась среди волн. Как предусмотрительно надел он спасательный жилет! Мощный поток тащил Питера больше мили, прежде чем ему, совершенно измученному и наглотавшемуся воды, удалось выбраться на берег.

А в это время лодка с работающим на полную мощность мотором, словно глиссер, мчалась по волнам; в конце концов ее выбросило на берег. К счастью, она попала на единственный песчаный участок среди

многих миль скалистого берега. Чарльз бросился к ней и выключил двигатель.

Теперь лодка была на одном берегу, а ее владелец на другом. Мы не знали, что предпринять, и тут с тревогой заметили, что Чарльз готовится сесть в лодку. Он никогда прежде не управлял моторкой, и решение переправиться через реку в подобных условиях казалось безумием. Оставалось только надеяться на лучшее. Дроссельный механизм был поврежден и не предоставлял возможности дать полный газ, так что лодка вряд ли смогла бы удержаться против течения. Дэвид и Питер пытались давать советы, но рев реки заглушал их голоса. Чарльз в ответ только пожимал плечами и, всем своим видом выражая несогласие с советами, продолжал прокладывать свой путь среди волн. Нам казалось, что переправа длилась вечность. Наконец лодка ткнулась в берег, и мы бросились поздравлять Чарльза с успехом.

На следующее утро река была относительно спокойной, и, починив лодку, мы решили попытаться навести трос. Один его конец прочно закрепили за мощное дерево, а другой привязали к специальной рукоятке, которую должен был держать пассажир в лодке. Питер включил мотор и направил лодку к противоположному берегу, Саймон же прилагал всю свою силу, чтобы удержать трос в руках. Его лицо исказилось от напряжения, сопротивление троса увеличивалось с каждым метром. Мы уже думали, что ему удастся его удержать, как вдруг, когда лодка уже почти достигла берега, рукоять вырвалась из рук Саймона.

Две следующие попытки также окончились неудачно, и мы уже начинали отчаиваться, но в четвертый раз Саймону удалось все же удержать трос до того момента, как лодка коснулась берега. Тут уже десятки рук пришли к нему на помощь. Мы победили

поток и установили связь с цивилизованным миром. Теперь можно было переправлять грузы туда и обратно при помощи плоскодонной лодки из Арубубы, которая скользила по главному тросу, когда ее веревками перетягивали с одного берега на другой. Однако это был далеко не безопасный вид транспорта, ибо наводнение продолжалось и лодка могла легко перевернуться на высоком гребне волны. Дэвид не решился воспользоваться ею, чтобы переправить рабочих-африканцев на базу в Вои. Большинство из них не умело плавать, и всякое могло случиться, если бы их сбросило в воду. Поэтому мы ждали, пока вода не спадет. Зато строительные материалы и горючее поступали теперь бесперебойно. Можно было продолжать работы по орошению плато Ятта до тех пор, пока не удастся перебраться на другой берег.

За это время Олд Спайс почти совсем вырос, проявлял все большую независимость и иногда не появлялся в лагере по нескольку суток. Он стал чрезвычайно скрытным, начал бояться посторонних, и если в лагере появлялся кто-либо помимо нас, он или не приходил совсем, или темной ночью украдкой нырял в нашу палатку, когда все уже спали глубоким сном.

Поведение Спайса было естественным для животного, ведущего ночной образ жизни, и зверек знал, что никто, кроме нас, не сможет разделить его общество.

Грегори Пек

Возле рабочего городка рос величественный баобаб, дававший приют громкоголосой колонии буйволовых ткачей. От рассвета и до заката в этом маленьком поселке кипела жизнь. Птицы улетали, прилетали и кружились вокруг своих неряшливых гнезд, без устали пытаясь удовлетворить ненасытный аппетит потомства. Крики сотен маленьких пушистых птенцов, требовавших к себе внимания, создавали неумолчный шум. Энергия и терпение родителей восхищали нас. А скоро я сама совершенно точно узнала, сколько труда требуется, чтобы вырастить птенца буйволова ткача.

Как-то утром, когда мы уже кончали завтракать, в лагерь пришел Саймон, державший в руке маленького взъерошенного птенца.

— Вот тебе еще один сирота, Даф, — сказал он, передавая мне пронзительно кричащего малыша.

Он, видимо, вывалился из какого-то гнезда, так как Саймон нашел птенца под баобабом. Когда я взглянула на маленькую дрожащую птицу, лежащую у меня на ладони, то мне — сама уж не знаю почему — захотелось назвать ее «Грегори Пек»^[7], хотя она далеко не была красавицей.

Естественно, что первым делом надо было попытаться удовлетворить ненасытный аппетит ткача. Чтобы сделать это, мне пришлось преодолеть свое отвращение к гусеницам и кузнечикам. Пронзительный квакающий крик нашего нового воспитанника раздавался во всех уголках лагеря. Вооружившись палкой и консервной банкой, мы с Джилл отправились добывать ему завтрак. Быстро поймав около двадцати кузнечиков, я успокоилась и по неопытности решила, что для столь маленького существа установленного

нами дневного рациона будет вполне достаточно. Я протянула одного кузнечика Грегори Пеку, он задрожал в предвкушении пищи, раскрыл клюв — надо признать, довольно большой для его роста — и показал широченное горло. Я положила кузнечика ему в клюв, ткачик конвульсивно глотнул, кузнечик исчез, а Грегори уже открыл клюв для следующего. Тот исчез с такой же быстротой, потом еще один и еще и еще — все они мгновенно проваливались в какую-то бездонную яму. «Дневной рацион» был уничтожен за пять минут. Несколько ошарашенные, мы с Джилл опять отправились за кузнечиками; с этого момента ловля насекомых стала нашим основным занятием. Аппетит у Грегори Пека был феноменальным, и, чтобы насытить его, требовался целый рабочий день. Я просто не могла себе представить, куда он девал все это невероятное количество кузнечиков.

Предлагая Грегори кузнечика или гусеницу, я называла его по имени, и уже через два дня он стал отвечать громким писком, несясь вприпрыжку ко входу в палатку.

Через четыре дня Саймон принес нам еще одного птенца-ткача, обнаружив его под тем же самым баобабом, что и Грегори. Должна признаться, что нового воспитанника я брала далеко не с таким энтузиазмом, как первого. Для удовлетворения двух таких appetитов требовалось удвоить количество кузнечиков, и я просто не знала, как мне удастся справиться с этой работой. Было незамедлительно начато самое настоящее массовое уничтожение кузнечиков. Однако, хотя я и достигла в искусстве ловить кузнечиков невероятных вершин, количество насекомых в округе не уменьшалось, и мы ухитрились добывать для прожорливых питомцев достаточно пищи.

Нового приемыша мы назвали «Буффало^[8] Билл», хотя с самого начала было видно, что он не столь бесстрашен, как Грегори, и довольно застенчив.

Дни шли за днями. Наши малыши росли буквально на глазах, и, наконец, однажды утром Буффало Билл сделал попытку перелететь из одного конца палатки в другой. Полчаса напряженных тренировок, и вот, радостно зачирикав, он поднялся в воздух, вылетел из палатки и тяжело опустился на росший невдалеке низкий куст. Сидел он на нем неуверенно, отчаянно взмахивая крыльями, чтобы сохранить равновесие. Я выскочила следом и, чтобы вернуть ткача обратно, стала соблазнять сочным кузнечиком, медленно подбираясь к нему и протягивая руку. Но ткач опять взлетел, поднялся довольно высоко и на этот раз очень профессионально сел на вершину высокой акации у берега реки. Я звала его, пока окончательно не охрипла, но он не стал меня слушать, и через двадцать минут мы в последний раз увидели, как он полетел, пока не превратился в пятнышко и не пропал где-то вдали. Сможет ли он прокормиться, с грустью подумала я, позаботиться о себе и соединится ли со своими сородичами? Что с ним случилось, мы так никогда и не узнали и утешали себя тем, что еще один шанс выжить ему был все же дан. Ведь если бы мы не подобрали ткача, он неминуемо был бы съеден каким-нибудь ночным хищником, возможно даже нашим Олд Спайсом.

Я была уверена, что через некоторое время улетит и Грегори. И действительно вскоре с печалью убедилась, что он тренируется в искусстве полета. Я знала, что мне будет очень не хватать его — к этому времени ткач стал совсем ручным и часто вспрыгивал мне на руку. Грегори очень любил, когда его носили; обычно он устраивался на моем плече. С огромным интересом и увлечением ткач принимал участие в охоте на кузнечиков. Когда я

шла, он прыгал рядом, но стоило обнаружить кузнечика, как ткач приходил в крайнее возбуждение — весь трепетал и вытягивал шею по направлению к насекомому.

Однажды утром, когда я несла его на руке, Грегори Пек вдруг стал взмахивать крыльями, а затем спикировал с руки и, взмыв вверх, уселся на той же акации, которую раньше облюбовал Буффало Билл. Прикрыв от солнца глаза, я едва могла различить его силуэт на самой вершине дерева. Я позвала ткача несколько раз, и каждый раз он отвечал мне своим обычным писком, но тем не менее спуститься вниз не желал. Я уже стала терять всякую надежду на благополучный исход, но как раз в этот момент Грегори слетел с дерева и не очень уверенно опустился мне прямо на плечо. Выглядел он довольным собой. В награду Грегори немедленно получил самого жирного кузнечика, какой только оказался в банке, и проглотил его с обычным удовольствием.

Не было никаких сомнений, что Грегори чрезвычайно гордился своим достижением и в течение этого дня несколько раз хвастался им, взлетая на дерево и возвращаясь по моему зову. Всеобщее внимание и похвалы, сопровождавшие эти опыты, льстили ему необычайно. Мы, со своей стороны, очень радовались тому, что ткач предпочел остаться с нами, — ведь к тому времени он уже стал членом семьи.

Буйволовые ткачи всегда живут стаями, и потому Грегори постоянно искал какого-нибудь общества. Находясь в компании людей, ткач считал себя счастливейшим из существ. Поэтому немислимо и жестоко было бы оставлять его одного в лагере всякий раз, когда мы выезжали куда-либо. Еще большей жестокостью было бы запираить его на целый день в клетку. К клетке Грегори чувствовал величайшее отвращение и в припадке ярости наверняка поранил бы

себя, бросаясь на прутья. Понимая все это, мы решили приучить его к машине, чтобы он мог сопровождать нас в поездках.

Когда Дэвид объявил о своем намерении отправиться к реке Тиве, чтобы выяснить размеры ущерба, принесенного наводнением, мы решили, используя случай, взять с собой и Грегори. Я поймала его и усадила в клетку, поставив ее на переднее сиденье рядом с собой. Грегори был страшно возмущен таким обращением и, пока машина не тронулась, испускал пронзительные душераздирающие крики. Почувствовав движение, он забился в угол, распушил перья и мрачно молчал весь оставшийся путь.

Дождь существенно преобразил весь край, травы за эти несколько дней выросли по пояс, и создалось впечатление, что мы едем по колоссящему полю. Даже дорогу было трудно различить. Кроме того, нам приходилось довольно часто останавливаться и очищать радиатор от травы, — набиваясь в ячейки, она ухудшала охлаждение, и вода быстро закипала.

В пути нам попались несколько носорогов; все они выглядели вполне здоровыми. После того как мы еще недавно с болью наблюдали, с каким трудом они передвигались во время наводнения, было очень приятно видеть, как животные бежали в сторону от дороги бодрой, пружинистой рысью и с независимо поднятыми хвостами.

Наводнение здесь, по всей видимости, было таким же величественным, как и на Галане; вырванные с корнем громадные деревья лежали по обеим сторонам реки среди больших куч плавника, а брод полностью заблокировали наносы песка, достигавшие иногда величины небольшого дома. Глядя на это опустошение, мы просто ужаснулись. Стоило бросить взгляд на реку, как стало ясно, что наше укрытие в Катамуле полностью разрушено наводнением. Мысль о том, что

сооружение, потребовавшее для своей постройки месяцы напряженного труда, оказалось сметенным в одно мгновение, угнетала нас. Не утешало и то, что к разочарованиям в Цаво нам было не привыкать.

Я выпустила Грегори из клетки; он сразу же взлетел и, устроившись на дереве, стоящем в стороне от дороги, начал прихорашиваться.

Я долго наблюдала за ним, а потом на минутку отвлеклась, чтобы исследовать осиное гнездо. Когда я опять взглянула в сторону Грегори, он уже исчез! Волнуясь, я стала громко звать его по имени и была очень обрадована, услышав ответный писк из-за реки.

Подошел Дэвид и сказал, что готов двигаться дальше. Я уже проклинала себя за то, что выпустила Грегори из клетки: было ясно, что заманить его обратно не удастся. Дэвид предложил сесть в машину и медленно отъехать от места пашен стоянки. Эта уловка блестяще сработала. Не успели мы тронуться, как появился взволнованный Грегори и стал энергично махать крыльями возле окна, явно не желая здесь оставаться. Мы остановились; он сразу же влетел в машину и уселся на плече у Дэвида. Когда я попыталась вернуть его в клетку, ткач ясно показал, что категорически возражает против такого, пусть даже временного, лишения свободы, и, осуждающе вскрикнув, клюнул меня в палец.

Конечно, он выиграл и во время всего путешествия домой довольно рискованно балансировал на голове у Дэвида или у него на плече, взмахивая крыльями для соблюдения равновесия каждый раз, как мы попадали в колдобину. Грегори откровенно радовался такому способу передвижения и с огромным интересом рассматривал все, попадавшееся нам на пути. Особенно занимали его птицы, взлетающие с дороги при нашем приближении.

После столь успешного опыта Грегори стал закаленным путешественником и категорически настаивал, чтобы его брали с собой, куда бы мы ни направлялись. Правда, иногда «опытного путешественника» выдувало из кабины машины, мы должны были останавливаться и несколько минут ожидать его. Стоило нам сделать привал, чтобы перекусить, как он взлетал на какое-нибудь дерево рядом и начинал прихорашиваться, не спуская вместе с тем внимательного взгляда с травы под деревом — кузнечики были его слабостью. Во время одной из таких остановок мы по недосмотру оказались рядом с деревом, служившим прибежищем для целой колонии птиц-ткачей. Это было серьезным испытанием, так как мы не знали как будет реагировать Грегори на себе подобных. Присоединится ли он к своим собратьям или предпочтет остаться с нами? К нашему удивлению, шум, поднятый сородичами Грегори, совершенно не взволновал его; более того, все это время он держался от них в стороне, как бы осуждая за вульгарное поведение. Как только мы кончили завтракать, я позвала Грегори, и он влетел в машину, с видимым удовольствием ожидая продолжения путешествия.

К этому времени у нашего ткача выработались довольно определенные и устойчивые привычки в отношении приязни и неприязни. Так, он считал непростительным оскорблением, когда кто-либо проводил перед ним пальцем по земле. В ответ на такую дерзость Грегори взъерошивал перья, вытягивал шею и, наклоняя голову к земле, устрашающе щелкал клювом, нацеливаясь на оскорбляющий его палец. Если вовремя не убрать руку, Грегори может довольно больно ущипнуть ее. Когда ему удавалось что-либо подобное, ткач выпрямлялся, хлопал крыльями, совсем как петух перед тем, как закукарекать, причем делал

это медленно и весьма торжественно, раздражаясь хриплым триумфальным кудахтаньем.

У Грегори имелось собственное, оригинальное толкование песни птицы-ткача; с нашей точки зрения подражание весьма бледное и далеко не музыкальное. Честно говоря, это был просто ужасный набор кудахтанья, гоготанья и пронзительных криков. Однако ткач был чрезвычайно горд своей песней и каждое утро наслаждался ею, сидя на крыше нашей палатки.

Примерно через три месяца вода в реке стала, наконец, убывать. Когда она почти достигла нормального уровня, Дэвид решил попытаться перебраться на ту сторону по дамбе у Лугардс-Фоллс, если, конечно, она еще была цела. До рождества оставалось совсем немного, и я волновалась всякий раз, как вспоминала о том, что мне предстояло сделать дома. Кроме своих мы ожидали еще многочисленных гостей, а никаких праздничных приготовлений я еще и не начинала. К тому же, в этом году Джилл должна была впервые отправиться в школу-пансионат и нужно было успеть приготовить для нее школьную форму к началу занятий.

Мы поднялись рано утром, чтобы проверить, можно ли переправиться через реку у Лугардс-Фоллс. Грегори, естественно, отправился вместе с нами, усевшись, как всегда, на голове Дэвида. День был просто чудесный — ясный и тихий. Стада импал^[9] грациозными прыжками убегали от дороги, когда мы к ним приближались, а какой-то глупый страус, никак не понимая, что нам надо уступить дорогу, долго бежал впереди. Я решила даже, что он бросится в водопад. Глядя на эту смешную птицу, Грегори веселился от души, но шутки шутками, а страус развил скорость до сорока миль в час. Наконец мы кое-как проскочили мимо, и тут я буквально залюбовалась его голубыми ногами. У нас, в Восточном

Цаво, водились только сомалийские страусы, а не масайские, у которых ноги ярко-красные.

Когда мы приблизились к дамбе, то обнаружили, что все подъезды к ней размыты и между нами и полосой бетона зияет глубокая расщелина. Кое-как перебравшись на самую плотину — все еще, кстати сказать, покрытую на несколько футов водой, — Дэвид прошел вдоль нее, осторожно прощупывая весь путь ногой. Теперь он получил некоторое представление о размерах нанесенного ущерба. Насколько удалось выяснить, сама дамба была повреждена лишь в двух местах, но проехать по ней на машине оказалось совершенно невозможным. Дамба нуждалась в серьезных, дорогостоящих ремонтных работах, и выполнить их можно было, только дождавшись полного спада воды. Другого выхода, кроме рискованной переправы на лодках, не оставалось.

Мы возвратились в лагерь в подавленном настроении, а вечером совсем приуныли, так как по радио передали, что в районе Найроби опять прошли сильные дожди. На уровне воды в реке такой дождь сказывается через два дня. Переправляться через реку надо было завтра, в противном случае рождество пришлось бы встречать в лагере.

Еще одним источником беспокойства стала наша виверра. Олд Спайс в последнее время взял обыкновение являться в лагерь лишь раз в четыре ночи, а мы видели его в прошлую ночь. Трудно было надеяться на то, что он появится и сегодня, и нас беспокоило, не придется ли оставить его здесь. Мы знали, что Спайс сумеет сам позаботиться о себе и что в этом районе виверра может чувствовать себя как дома. Однако мне казалось, что зверьку было бы лучше вернуться к естественной жизни в Вои, где ему всегда могли помочь. Поэтому я и решила попытаться отыскать его.

С наступлением сумерек мы с Дэвидом долго ходили в кустарнике, время от времени окликаая Спайса. Мы прошлись вдоль лощин, где он мог охотиться, вдоль реки, а затем, выйдя к равнине и сделав тем самым большой круг, вернулись обратно в лагерь. Я чувствовала, что зверек слышал нас, и оставалось только ждать, захочет ли он отозваться на наш зов. На всякий случай я все же приготовила клетку, хотя и знала, что рассчитывать на понимание Спайса означало бы ожидать от него слишком многого.

Обед в этот последний вечер в лагере, который три месяца был нашим домом, проходил спокойно, как вдруг я почувствовала, как кто-то потерся о мою ногу. Это был Олд Спайс, пустившийся в путь, как только услышал нас, и незаметно проскользнувший под стол. Сейчас он испытующе смотрел на меня, как будто хотел сказать: «Ну, так что же вам от меня нужно?». Я подняла зверька, приласкала и в награду за послушание угостила особенно вкусным мясом.

Примерно через час Спайс начал проявлять беспокойство и явно порывался уйти опять в буш, поэтому пришлось посадить его в клетку. Бедный Спайс отчаянно протестовал и громко жаловался на нас всю ночь, так что поспать-то нам в общем и не пришлось.

На следующее утро я запаковала самое необходимое — весь остальной багаж должен был ждать, пока машины смогут переправиться через дамбу. Грегори был пойман и к его великому удовольствию также посажен в клетку.

Мы направились к месту переправы.

Когда пришла очередь переправляться, мы с Джилл надели спасательные жилеты и, держа в руках клетки с Грегори и Спайсом, забрались в лодку. Я была очень рада, что мы без приключений добрались до южного берега реки: меня все время мучила одна мысль — как

наши любимцы выберутся из клеток, если лодка перевернется.

Снова дома

Как только мы выехали на дорогу, Грегори был выпущен из клетки. Выйдя на волю, он сразу же чрезвычайно заинтересовался другой клеткой, откуда раздавался отчаянный вой, поскольку Олд Спайс не получал никакого удовольствия от поездки.

Ко времени возвращения домой Спайс дошел до крайней степени возбуждения, и я была очень рада, что могла освободить его. Выскочив из клетки, он немедленно нырнул в густую и высокую траву, выросшую ниже террасы, и я едва заметила его еще раз, когда он перебежал из травы в буш. Все происшедшее было для него, конечно, большим испытанием, и я не была уверена в том, что он вспомнит эти места после столь долгого отсутствия и вернется когда-нибудь в наш дом.

Быстренько оглядев прекрасный, как и всегда после дождей, сад, я взяла Грегори из машины и понесла его знакомиться с домом. Больше всего я боялась, чтобы он не влетел в закрытое окно, как это делают иногда ласточки, и не разбился. Но все страхи были напрасными. Я просто недооценивала ум Грегори. Домом он страшно заинтересовался и облетел его весь, комнату за комнатой, внимательно исследуя каждый блестящий предмет. Он присаживался на абажуры и с удовольствием вылетал и влетал в комнаты через окна, ни разу не задев при этом стекло. Если какая-либо из дверей оказывалась закрытой, он влетал в комнату через другую, а когда портьеры были задернуты, садился на пол или на подоконник, пролезал снизу и выскакивал с победным писком с другой стороны.

Исследовав дом сверху донизу, Грегори отправился в здание управления заповедником, влетев туда через

открытую дверь, и уселся на плече Дэвида. Письма, лежавшие на столе, произвели на него совершенно неотразимое впечатление. Молниеносным движением подхватив одно из них клювом, он подбросил письмо. Надо было видеть радость Грегори, когда оно, покачиваясь и планируя, опускалось на пол. Естественно, что вся корреспонденция немедленно оказалась там же, а следом за письмами последовали и карандаши. Чтобы сохранить хоть какое-то подобие порядка, Дэвиду пришлось просто выставить ткача вон.

Следующий заход Грегори сделал в мастерские и в гараж, обнаружив, что и то и другое помещение полностью отвечает его вкусам. Здесь он мог, например, усесться рядом с дизелем, обеспечивающим электроэнергией весь поселок, и на самой пронзительной ноте пытаться перекричать оглушающий шум машины.

Естественно, к концу дня Грегори, окончательно измотавшись, засыпал. Когда мы повесили его клетку на окне в спальне, он немедленно забрался туда и заснул, сунув голову под крыло. В клетке был сделан насест, но ткач предпочитал сидеть на полу и категорически настаивал на том, чтобы дверца клетки всегда была открыта.

Устроив Грегори, мы стали с надеждой ждать виверру. И вот сразу же после обеда наш любимец, бесшумно ступая, прокрался через веранду в спальню, а оттуда — в гостиную, где, после того как любовно потерся о наши ноги — так он здоровался с нами, — направился к камину за едой. Прошло три месяца, но он не забыл свой старый маршрут.

Грегори Пек всегда просыпался с первым лучом солнца. Он подходил к дверце клетки, оглядывался по сторонам, пикировал на постель и легонько дергал нас клювом за веки, убеждаясь, что мы действительно проснулись. После этого он подлетал к окну и исчезал.

Но как только приходило время взяться за работу, Грегори уже оказывался на месте и первым готов был принять в ней участие. Обычно его можно было найти там, где раздавался наибольший шум. Во время перерыва на ленч он возвращался домой, занимал прочную позицию около хлебницы и начинал отрывать громадные куски из самой середины буханки. Продолжалось это до тех пор, пока в хлебе не образовывалась дыра. Если ему представлялась такая возможность, он хватал пищу прямо с тарелок, и не раз подхваченное им яйцо всмятку оказывалось на полу в неизбежной луже. Несмотря на свою миниатюрность, он был удивительно силен и очень любил это демонстрировать. Грегори получал какое-то садистское наслаждение, когда сбрасывал различные предметы с камина. Однажды он даже скинул с верхней полки шкафа мою восьмимиллиметровую кинокамеру. Отремонтировать ее удалось, но она никогда уже не снимала так, как прежде. Еще одним, очень большим соблазном были вазы с цветами, стоявшие в гостиной. Грегори терпеливо ждал, и, когда я забывала о нем хоть на минутку, тогда он молнией влетал в комнату и, вытаскивая цветок за цветком, буквально устилал ими пол. Если я внезапно появлялась, Грегори издавал виноватый писк и старался ускользнуть с глаз долой. Моя пуховка тоже ценилась им необыкновенно высоко — Грегори никогда не упускал случая стянуть ее с туалетного столика и умчаться через окно, не выпуская добычу из клюва. Как и Пиглет, Грегори самыми сладкими считал для себя запретные плоды. Если ему что-то не разрешалось трогать, он с непоколебимой решимостью добивался своей цели. Так, невозможно было оставлять где попало сигареты — Грегори обязательно их находил, клевал и трепал до тех пор, пока они становились непригодными для курения.

Грегори очень интересовали все наши воспитанники, и он проводил с ними много времени. Особенно привлекательным казался ему Руфус. Если вокруг Руфуса собиралась группа посетителей, то Грегори поражал всех, спокойно усаживаясь с независимым видом носорогу на ухо. С ним, этим ухом, Грегори устраивал настоящие битвы, задавая ему беспощадную трепку и долбя клювом, и чем настойчивей Руфус пытался стряхнуть Грегори, тем упорней становился последний.

Вскоре Грегори стал проявлять большой интерес к строительству гнезд. В этом отношении он был просто одержимым: складывал ветки и палки в самых невероятных местах, что-то лопотал и в то же время передвигал их клювом в разные стороны, пока результаты окончательно не удовлетворяли его. Когда Грегори занимался этим важным делом, он становился совершенно нетерпимым к какому-либо вмешательству извне и начинал гневно щелкать клювом, хлопать крыльями и свирепо сверлить пришельца своими маленькими блестящими глазками.

Иногда Грегори сооружал три или четыре гнезда сразу в доме, конторе, «лендровере» или бетономешалке. Корзинка для цветов, которую я обычно держала на веранде, также была его излюбленной стройплощадкой. Я часто находила ее забитой палочками, листьями, бутылочными пробками и бумагой. Интересно было наблюдать за Грегори, когда он пытался рвать цветы, чтобы украсить ими свои гнезда. Он крепко захватывал стебель клювом и с силой тянул назад. Стебель пружинил, распрямлялся, и Грегори, вцепившийся в него, как пиявка, взлетал вверх. С каждой попыткой Грегори злился все больше и больше. Так продолжалось до тех пор, пока я, сжавшись над ткачом, не помогала ему.

Несмотря на огромное старание, которое Грегори вкладывал в свое строительство, его архитектурные способности могли вогнать в краску любую уважающую себя птицу-ткача. Однажды мы решили показать ему, как это делается. Дэвид забрал старое гнездо ткача из брошенной птицами колонии и принес его домой. Мы стали вешать его на дерево на лужайке. Грегори в это время прямо выходил из себя от возбуждения. Он так и крутился вокруг, кудахтая от радости, и мы были уверены, что наш ткач наверняка чему-нибудь научится. Но, увы! Скоро стало очевидным, что его воображение было воспламенено не конструктивными особенностями гнезда, а материалом, из которого оно было сделано. Грегори затратил массу времени на то, чтобы разобрать гнездо. С увлечением выдергивая из него колючки и веточки, он впихивал их... в свои собственные архитектурные шедевры.

Нам так и не удалось научить Грегори вести себя прилично в комнатах, поэтому мне постоянно приходилось ходить по дому с тряпкой и совком, убирая его «поцелуи», как мы называли помет, который он повсюду оставлял.

За первые недели своего пребывания в Вои Грегори получил несколько серьезных уроков в школе жизни: дважды за ним гнался ястреб, и только скорость, с которой ткачик нырнул в кусты, спасла ему жизнь. Когда я подошла, чтобы забрать его, ткач весь дрожал; обычная беззаботность вернулась к нему очень нескоро. Умудренный опытом, он стал внимательно прислушиваться к тем сигналам тревоги, которые подавали дикие птицы, и при первых их звуках немедленно прятался в доме или в самых густых кустах.

Прожив несколько месяцев дома, Грегори начал проявлять непонятное беспокойство перед сном. Выглядело это странно, но складывалось такое впечатление, что его собственная клетка уже не

казалась ему достаточно удобной для ночлега. Несколько раз он ночевал на абажуре в комнате у Джилл, после чего перебрался в мою кладовку, но ни то ни другое его так и не устроило. Мы соорудили ткачу насест в углу комнаты, но он даже не удостоил его своим вниманием.

И вот однажды вечером мы нигде не могли его найти. Я обошла весь дом, ходила в контору, звала и звала Грегори, но мои призывы так и остались без ответа.

Первый раз Грегори не вернулся домой, и я провела очень тяжелую ночь, представляя себе самое страшное, что могло с ним случиться. Как только забрезжил рассвет, я распахнула окно и позвала ткача. К моему огромному облегчению, я услышала ответное чириканье, раздавшееся с дерева напротив, и сразу же вслед за ним влетел в окно Грегори. Выглядел он, правда, несколько взъерошенным, но зато был цел и невредим.

Когда Грегори сел мне на руку, я пробормотала все те глупые и нежные слова, которые помнила. Ткач уставился на меня своими маленькими черными глазами, обдумал все, что я ему сказала, и ответил громким хриплым кудахтаньем, показавшимся мне в этот момент прекраснейшей музыкой.

Вечером, в надежде узнать, где он устроился на ночь, мы не спускали с ткача глаз. Когда наступили сумерки и Грегори вылетел из окна, вслед за ним выскочили мы с Дэвидом. К нашему удивлению, он уселся на траву за кухней, а потом просто исчез с глаз. Мы были в полном недоумении, но решили подождать еще, до полной темноты, чтобы быть вполне уверенными, что он не переменит место. Час спустя мы нашли ткача сидящим на земле под спутанным клубком травы и крепко-крепко спящим! Легкая и лакомая добыча для змеи, виверры и вообще кого угодно. Мы

осторожно подняли Грегори и посадили его в собственную клетку, где ткач устроился очень хорошо и без всяких возражений. После этого вечера отход ко сну стал для Грегори обычным ритуалом, и, хотя он категорически отказывался сам залетать к себе в клетку на ночь, ткачу чрезвычайно нравилось, когда с наступлением темноты его, как ребенка, укладывали туда спать.

Я так и не смогла понять, почему он вел себя так эксцентрично, предпочитая сидеть на земле, а не на дереве, как это делают все остальные ткачи, — но ведь Грегори и не был обыкновенной птицей.

Грегори всегда безукоризненно соблюдал режим рабочего дня и требовал, чтобы именно он был центральной фигурой, какие бы события ни происходили. Строя гнездо на бетономешалке, ткач азартно пищал, причем настолько громко, чтобы все его слышали. Время от времени он имел обыкновение нырять в открытую дверь мастерской за стружками. Всякий шум приводил его в восторг, и, когда мы начали строить у центрального въезда новую линию домов для объездчиков (довольно далеко от нашего дома), Грегори каждый день летал туда с явной целью убедиться, что на стройке все в порядке. У конторы он появлялся всегда ровно в семь утра, к выезду грузовика, развозившего рабочих-африканцев, усаживался на кабину и так ехал, взмахивая для сохранения равновесия крыльями, к великой потехе всех, кто за ним наблюдал. Если по какой-то причине Грегори запаздывал, то он летел к главному въезду и перехватывал грузовик там.

К перерыву на ленч Грегори, измученный и покрытый смазочным маслом, возвращался на грузовике, но как только часы били два, он вылетал в окно, чтобы не пропустить обед. Он был настолько занят, что я начала беспокоиться: ведь у ткача

совершенно не оставалось времени для охоты за кузнечиками — его собственной пищей! Я знала, что он голоден, и стала снова наполнять консервную банку Грегори кузнечиками, оставляя ее на веранде, чтобы он всегда мог закусить.

Величайшее очарование Грегори состояло в полном отсутствии комплекса неполноценности. Он считал себя главнее всех птиц и равным всем другим существам и, кроме того, не терпел, когда над ним смеялись. Если в дом приходил кто-нибудь незнакомый, Грегори обязательно появлялся, чтобы осмотреть его. Становясь против гостя, он задирает голову и с чувством превосходства глядел на него. Если же, как это часто случалось, гость начинал над ним смеяться, Грегори издавал гневный писк и взлетал ему на голову. По всей видимости, Грегори считал, что именно таким образом он может доказать, кто здесь главнее. Чем отчаяннее гость старался стряхнуть его с головы, тем упорнее Грегори стремился остаться там. Наказывая насмешника, он добавлял еще «поцелуй», что было довольно неприятно, особенно в тех случаях, когда прическа оказывалась уж очень сложной.

Как раз в это время мы решили восстановить в парке поголовье леопардов, пополняя его отловленными в заселенных областях (дело в том, что браконьеры особенно интенсивно охотились именно на леопардов, и их у нас осталось совсем немного). Пойманных животных сажали в деревянную клетку и в сопровождении вооруженного охранника отправляли к нам.

Я обычно ходила посмотреть, как этих необычайно красивых зверей выпускают на свободу. Некоторые случаи были довольно впечатляющими. Так, однажды в благодарность за то, что его выпустили из клетки, леопард бросился на кабину грузовика, в котором мы сидели, и, яростно рыча, начал бить по стеклам и

царапать их когтями. Стекла были, конечно, подняты, и мы находились в безопасности, но ощущение оказалось не из самых приятных.

Грегори обычно настаивал на своем присутствии во время освобождения леопарда, и мы безуспешно удерживали его от соблазна взлететь на верх клетки, откуда ткач с интересом наблюдал за злобно рычащим зверем. Я много раз думала, что эта история кончится печально, особенно, когда леопард прыгал, стараясь достать Грегори лапой. У нашего ткача, как я уже говорила, совершенно отсутствовало чувство страха и поэтому было практически невозможно удерживать его от всякого рода рискованных приключений: только к ястребам он, по-видимому, еще питал какое-то уважение.

Когда Грегори жил у нас, у меня подобралась несколько необычная коллекция и других птиц. Так, я держала тогда Оливера Твиста — птенца стрижа, выпавшего из гнезда на железнодорожной станции. Я выходила его, и он жил у нас, пока однажды не набрался смелости взлететь. Стремительно, как настоящий взрослый стриж, Оливер взмыл в небо, и больше мы его не видели. Жил у нас Абдулла, птенец бюль-бюля, судьба которого сложилась не так счастливо. Во время своего первого полета он попал в когти ястреба. Услышав пронзительный писк птенца, я сразу же выскочила наружу, но сделать уже ничего не могла. Жил у меня и маленький пушистый сорокопуд по имени Паффин. Его, правда, полностью затмил Грегори, что, впрочем, не мешало Паффину жить счастливо. Мне подарил его Парке, который в то время работал главным егерем района, расположенного вдоль восточной границы заповедника. Паффин был совершенно очаровательным маленьким птенчиком, преимущественно черного цвета с ослепительно белой грудкой и забавной манерой поднимать дыбом белые

перья на спинке, образуя некоторое подобие мантии. Обычно он делал это тогда, когда хотел спать или когда ему становилось холодно. В остальных случаях белые перья на спине были незаметны. Паффин — мягкое и застенчивое существо — полностью подавил Грегори, негодовавшего уже по поводу, самого факта существования птенчика и смотревшего на него, как на самое низкое из всех стоящих ниже его существ.

Неделю или две, пока Паффин не усвоил свое имя и не стал отвечать на него робким писком, я держала его в клетке. Когда настало время предоставить ему свободу, мы открыли дверцу клетки, и птенец немедленно вылетел наружу, в сад, где и уселся на дерево. Я позвала его, показывая одновременно кузнечика, зажатого в поднятой вверх руке. Паффин немного подумал и, слетев вниз, без всяких колебаний выхватил кузнечика из моих руку, а, когда был голоден, прилетал, устраивался на перилах веранды и ждал там, чтобы я его накормила.

Паффин не был домашней птицей, возможно потому, что дом считался территорией Грегори. Ночью он спал на дереве, стоящем на лужайке; причем всегда устраивался под густой веткой и, когда засыпал, топорщил перья, а когда просыпался — сразу же летел на веранду и сообщал об этом своим особым, пронзительным писком. Я выходила и кормила его. Радость Паффина при виде меня была безграничной, я нежно гладила его по спинке. Крылья у него трепетали от удовольствия.

Паффин был однолюбом и, кроме меня, ни на кого не обращал внимания. Он все время следил за мной, заглядывал в окна и, если ему казалось, что я иду к задней двери, быстро облетал дом и ожидал меня там. По утрам, когда я рвала в саду цветы, он кружил вокруг и весь трепетал от радости, как только я поворачивалась к нему.

Паффин принимал пищу только из моих рук, что было не очень удобно, и я подумала, что следовало бы попытаться приучить его брать кузнечиков у садовника. С тех пор, стоило мне куда-нибудь выйти, я оставляла для Паффина пищу наколотой на колючки живой изгороди, хорошо укрытую от всевидящего ока Грегори, так что Паффин мог перекусить в любой момент в случае, если почувствует голод.

На первых порах он отказывался брать кузнечиков у садовника, но уже через несколько дней голод преодолел робость. Я почувствовала значительное облегчение, когда Паффин перестал полностью зависеть от меня, и я смогла отлучаться из дома с легким сердцем.

Прежде мы не замечали в саду других пушистых сорокопутов. Паффин же нашел себе подружку и настолько увлекся ею, что постепенно начал все больше и больше дичать. Вскоре он совсем перестал прилетать за пищей. Паффин продолжал жить в саду и иногда, когда я там гуляла, чирикал на дереве рядом, как бы вспоминая о моей роли в его жизни.

В свое рабочее время Грегори Пек трудился столь самозабвенно, что несколько раз был близок к гибели. Так, однажды он вернулся крайне удрученным и без хвоста, а в другой раз упал в горшок с зеленой краской и, перекусившись, мог бы в течение месяца свести с ума любого орнитолога. Очень часто он появлялся вечно перепачканный различными маслами и смазками, а однажды прилетел таким грязным, что мы отмывали его шампунем. Грегори так отчаянно протестовал против этой операции и выглядел таким несчастным и покорным после нее, что мы, боясь нанести ему непоправимую моральную травму, больше никогда не мыли его. Чтобы Грегори простил нас, потребовалось очень много кузнечиков.

В сухой сезон 1962 года у нас было очень плохо с водой. Ее уровень настолько понизился, что насос уже не смог качать, и пока мы отыскивали другой источник водоснабжения, воду привозили из Вои на специальной машине. Грегори расценил это как новое и страшно увлекательное занятие и эти две изматывающие недели провел, разъезжая туда и обратно, балансируя на крыле кабины грузовика. Наше положение с водой облегчилось, когда пошли дожди, и я перестала беспокоиться за Грегори, так как он за эти поездки совершенно изматывался. Теперь он мог позволить себе немного передохнуть и перейти к менее напряженной деятельности, например к ловле кузнечиков, к поддразниванию других наших воспитанников или к простым прогулкам на машине.

Красная головка

Любовь Грегори к нам и преданность, которую он постоянно выказывал, послужили хорошим примером и для других птиц, обитавших в саду. Они стали более доверчивыми и постепенно превращались почти в ручных. Многие из них оказались впоследствии нашими большими друзьями. Например, Джаспер — белобровая кукушка. Звуки, напоминающие бульканье воды в бутылке, — одно из первых приветствий, которое мы слышали от него каждое утро. Стоило позвать Джаспера, как он быстро бежал ко мне, чтобы узнать, какое лакомство приготовлено ему сегодня. Для Джаспера мы обычно держали на лугу чашку с молоком и хлебом, которая привлекала также множество маленьких бюль-бюлей, прыгающих вокруг и терпеливо ожидающих, когда Джаспер насытится.

Нашим общим любимцем стал Красная головка — красноголовый ткачик, поселившийся в нашем саду с 1959 года. В засушливые месяцы Красная головка, правда, несколько терял в своем внешнем виде, но зато, когда начинались дожди, он появлялся во всем великолепии. Его обычным занятием было строительство очередного гнезда на большом дереве на лугу.

На этом дереве всегда висело по крайней мере три его гнезда, при этом для себя он, как правило, оставлял самое новое и самое лучшее. Другое доставалось его супруге. Самое старое гнездо он бросал на произвол судьбы, и там обычно поселялась пара воробьев.

Искусство, с которым Красная головка строил свои гнезда, было поистине поразительно. Нужные ему по толщине и длине ветки он находил прямо на дереве и там же обрывал с них листья быстрыми короткими

клевками. Затем отламывал ветку, после чего торжественно доставлял ее к строящемуся в данное время гнезду и тщательно вплетал. Готовое гнездо имело вид плетеного шара со свисающей вниз длинной горловиной — искусно сделанным коридорообразным входом.

Супруга Красной головки — маленькая деликатная серенькая птичка с очаровательными красными полосками на каждом крылышке. Она во всем подчинялась своему господину, и хотя проявляла величайший интерес к каждому новому дому, ей запрещалось даже приближаться к нему. Если же в великом энтузиазме птичка случайно подлетала к гнезду слишком близко, супруг гневно отгонял ее прочь. И тем не менее — стоило ему отвернуться хоть на минутку, как она влетала в гнездо и быстро осматривала его. Впрочем, супруга хорошо знала, что будет жестоко наказана, если Красная головка вернется раньше, чем ожидалось, и поймает ее «на месте преступления». Когда новое гнездо считалось почти законченным, ей разрешалось принять, правда самое малое, участие во внутренней отделке: приносить листья и другой подходящий материал.

Когда появлялся выводок, Красная головка и его супруга были заняты кормлением птенцов с рассвета и до заката. Я им очень сочувствовала, ведь мне тоже пришлось много повозиться с Грегори Пеком. Задача эта действительно тяжелая! Как только кто-либо из птиц-родителей касался горловины гнезда, оттуда появлялось несколько уже открытых маленьких ртов. Слегка постукивая по гнезду, мы добивались такого же эффекта. Вместе с тем за все эти годы мы ни разу не видели ни одного молодого красноголовика, после того как они покидали родительское гнездо. В один прекрасный день все птенцы загадочно исчезали и в саду оставалась только родительская пара.

Оперившиеся птенцы окончательно рвали все контакты с родителями и улетали, чтобы найти где-то свое место в жизни.

Около самого нашего дома в хорошо скрытом пушистом гнезде жила пара маленьких черных нектарниц. Нектарницы и Красная головка дружили и в случае опасности даже приходили на выручку друг другу. Особенно хорошо определяли нектарницы присутствие змей в саду. Обнаружив пресмыкающееся, нектарницы кружились вокруг него и, возбужденно щебеча, оповещали всех птиц об опасности.

Красная головка — птица с характером. Он быстро принимает решение. Услышав тревожный сигнал, Красная головка немедленно летит к опасному месту и принимает руководство операцией на себя. Обладая огромным мужеством, он, не раздумывая, бросается на врага, пролетая над змеей так низко, что последняя занимает оборонительную позицию и переходит к отступлению. Очень часто Красная головка пользовался нашей помощью, подлетая либо ко мне, либо к Дэвиду, а затем возвращаясь и делая круг над змеей, чтобы показать нам, где она. Все это время был слышен его сигнал опасности — высокий, пронзительный писк.

Как-то днем, когда я отдыхала, Красная головка появился в окне в особенно возбужденном состоянии. Понимая, что случилось что-то неладное, я выскочила наружу и увидела, как тревожно вьется он над своим гнездом. И тут я заметила кольца змеи, уже забравшейся в птичий домик. Я громко позвала. Дэвида, выскочившего к нам с большой палкой. Он сильно ударил по гнезду, змея стрелой выскочила оттуда и скользнула вдоль ветки.

К огромной радости Красной головки и маленькой черной нектарницы, напряженно наблюдавших за поединком, Дэвид убил крупного бумсланга. Если бы мы не успели, тот быстро покончил бы с птенцами. К

несчастью, расправляясь со змеей, Дэвид сбил одно из гнезд на землю. Покончив с бумслангом, он поднял гнездо и крепко привязал его проволокой к ветке. Пока шла работа, Красная головка летал вокруг и довольно критически взирал на неловкие узлы, которые вязал Дэвид. Стоило нам отойти, как он добавил несколько своих. Окончательным результатом Красная головка, видимо, остался доволен, так как следующую ночь он как обычно ночевал в своем гнезде.

Через два дня еще один бумсланг забрался в одно из гнезд Красной головки. И опять птица искала у меня помощи. Я подросла как раз вовремя, так как змея, обнаружив гнездо пустым, уже вылезла из него, подбираясь к птенцам. Я крикнула садовника, схватила палку, которую мы всегда держали на такой случай под рукой, и бросила ее в змею. Каким-то образом я ухитрилась попасть в нее. Змея сорвалась с дерева и с глухим стуком ударилась у моих ног. Я отпрыгнула назад, потому что пришедшее в ярость пресмыкающееся изготовилось к битве. Садовник помог мне справиться со змеей, и я уложила ее мертвую на дорожке для того, чтобы Красная головка и его маленький черный дружок могли ее видеть. Они несколько раз низко пролетели над ней, пока совершенно не удостоверились в том, что их страшный враг действительно мертв.

В другой раз я вдруг увидела, как супруга Красной головки с отчаянной отвагой атакует длинную зеленую змею, затаившуюся в пальме, росшей ниже террасы. Змея так хорошо там замаскировалась, что, если б не ткач, я бы никогда ее не обнаружила. Яростно бросаясь на змею, птица иногда даже клевала ее. При этом небольшая стайка бюль-бюлей ободряюще попискивала с безопасного расстояния. Я не могла не восхититься мужеством птицы.

Как-то вечером, когда мы уже ложились спать, к нашему величайшему удивлению, в окно влетел Красная головка. Он сделал несколько кругов по комнате и уселся на коврик. Естественно, мы предположили, что его что-то обеспокоило, взяли электрический фонарь и вышли наружу.

Мы обследовали все дерево, но никого не обнаружили, а госпожа Красная головка мирно спала в своем собственном гнезде. Мы поймали Красную головку. Он крайне невоспитанно и притом пребольно клюнул Дэвида в палец, пока мы несли его в собственное гнездо, где ткач мгновенно успокоился. Почему Красная головка решил внезапно среди ночи покинуть гнездо, так и осталось для меня загадкой. Я, например, думаю, что ему снились какие-то кошмары. Как ни странно, но он повторил то же самое через несколько недель. Правда, в этом случае он настоял на том, чтобы остаться ночевать и в комнате — трижды в ту ночь мы относили его в гнездо, и каждый раз он прилетал обратно.

В начале этого года госпожа Красная головка едва-едва избежала гибели. К счастью, мне вовремя удалось вмешаться и спасти ее. Меня разбудил отчаянный писк. Выскочив наружу, я увидела, как Олд Спайс взбирается по гнезду в поисках входа. Как только я появилась, он соскользнул с дерева и растворился в темноте, а бедная птица буквально вывалилась из гнезда и также исчезла. Я побежала в дом, разбудила Дэвида и рассказала ему обо всем. Больше всего я боялась, что Олд Спайс мог поранить птицу своими когтями, когда царапал гнездо, — ведь его стенки были такими тонкими! Мы провели несколько тревожных часов, пока, наконец, не начался рассвет. С облегчением и радостью мы увидели супругу Красной головки живой, здоровой и выглядевшей несколько не хуже, чем до этого опасного приключения.

Красные головки до сих пор с нами, и мы считаем их членами семьи. Они также считают нас своими друзьями и обращаются за помощью, если им грозит беда.

Воспитанник, которого мы потеряли

К концу 1962 года рост Самсона достиг семи футов, а его весьма внушительные бивни — полтора футов длины. Руфус гордо поглядывал на свой рог — четыре с половиной дюйма это совсем немало! Наша виверра стала еще более самостоятельной, мы видели ее теперь только два раза в месяц. Иногда по утрам пища, которую мы для нее оставляли, исчезала. Следовательно, виверра приходила, но не желала будить нас. К этому времени уже не оставалось никаких сомнений, что у Арубы бивней не будет. Она /вообще отличалась довольно странным характером: очень дружелюбно относилась к нам, но проявляла раздражительность по отношению к незнакомым людям, и в общем-то ей нельзя было особенно доверять. Иногда, когда Аруба думала, что вы не смотрите на нее, она не могла устоять от соблазна сбить вас с ног, а несколько раз намеренно и довольно больно прижимала меня к решетке загона.

Из всех наших воспитанников посетители парка больше всех любили Руфуса, который, как это ни странно, был наиболее послушным. Окруженный обожателями, он чувствовал себя самым счастливым существом на свете и заметно предпочитал общество людей зверям, даже нашим воспитанникам, с которыми вместе вырос. Руфус никогда не упускал случая сбежать от своего служителя. Когда это ему удавалось, он галопом мчался к дому и забирался на веранду.

Посетители, приезжавшие, чтобы увидеть Руфуса, обычно привозили для него какое-нибудь лакомство, причем далеко не всегда то, что должно нравиться

носорогу. Руфус не устраивал никаких сцен по этому поводу и всегда признательно облизывался. Я видела, например, как он ел варенные вкрутую яйца, жареную индюшку и пирожки с очень острым соусом кэрри — и все это с необыкновенно довольным выражением.

В противоположность Руфусу Бастер не отличался хорошими манерами. Обнаружив как-то, что есть люди, которые его боятся, он находил дьявольскую радость в том, чтобы напутать их и заставить спасаться отчаянным бегством. Однажды, когда он щипал траву около дома, я шла к конторе. Перепутав меня с кем-то, Бастер, угрожающе потрясая рогами, стремительно бросился в атаку. Собрав все свое мужество, я продолжала идти как ни в чем не бывало. Буквально в нескольких шагах от меня он резко затормозил, подняв клубы пыли. Выглядел он при этом удивленно и разочарованно. Узнав меня, Бастер принял кроткий вид, развернулся и затрусил обратно, вверх по холму. У него появилась еще одна дурная привычка — Бастер цеплял снизу рогами брюки посетителя и резко дергал головой вверх.

Приблизительно в это же время наша семья выросла — к ней прибавился еще один малыш-буйвол, получивший имя Брутус. Объявился он у нас следующим образом. Служитель, ведавший кормлением наших воспитанников, в один из дней как обычно отправился с ними к реке. Там он сел под дерево и стал наблюдать за своими подопечными. Дальше все было очень просто: из кустов вышел буйволенок и без каких-либо сомнений и колебаний направился прямо к нему. Брутус попал к нам упитанным и ухоженным бычком, и мы так и не смогли догадаться, почему мать его бросила. Он был совсем еще малышкой: не составило большого труда приучить его сосать молоко из бутылки.

Однако через некоторое время кормление Брутуса оказалось довольно-таки малоприятным делом: он с

таким нетерпением бросался к молоку, что невольно начинал бодаться. Попадало тут и мне и бутылке; к концу кормления я всегда оказывалась с ног до головы облитой молоком. Тогда я решила приучить его пить молоко из ведерка. Несколько дней он настаивал, чтобы мой палец заменял ему соску, поэтому мне приходилось держать руку в ведерке, ниже уровня молока, пока Брутус яростно сосал. Постепенно я стала убирать палец изо рта буйволёнка, и он научился сосать молоко без моей помощи. Единственная трудность теперь состояла в том, чтобы донести до него ведерко с молоком, так как Брутус в порыве энтузиазма мог опрокинуть или даже помять его... Поскольку он обычно устраивал засаду около задней двери, я была вынуждена прибегать к разного рода уверткам и обходным маневрам.

Грегори Пек быстро подружился с Брутусом и вскоре привык сидеть у него на спине. Когда Брутус пил, Грегори вспрыгивал на край ведерка и с интересом наблюдал, как быстро исчезает молоко. Иногда он настолько увлекался, что даже падал в ведерко, и его приходилось спасать.

По вечерам Брутус приходил в игривое настроение. Он начинал носиться взад и вперед по саду, взбрыкивая и лягаясь, внезапно останавливался и с неменьшей энергией несся опять. Очень любил он устраивать битвы со шлангом для полива. Брутус становился на колени и в шутливой ярости старался расплющить шланг лбом; при этом он так вращал белками глаз, что вид у него становился действительно злобным. Грегори это представление нравилось, так же как и нам. Сидя на перилах веранды, он пронзительным криком выражал свое одобрение при каждой новой атаке. А потом, когда Брутус, совершенно вымотанный столь энергичными упражнениями, падал в изнеможении на землю, Грегори слетал с веранды, садился ему на

голову и издавал торжествующее кудахтанье, показывая, что главным все равно остается он.

К этому времени Грегори прожил у нас уже почти год и его наряд — черные перья, пестрая грудка и необыкновенно красивый красный клюв — стали почти такими, как у взрослой птицы. Мы с облегчением вздохнули, когда его перья стали чернеть. Это означало, что Грегори самец, у самочек этого вида перья имеют тусклокоричневый цвет. Для нас просто дикой казалась мысль о том, что Грегори Пек — «она»!

Как ни странно это звучит, но самой большой опасностью для Грегори было его слепое доверие к людям. Он мог совершенно спокойно влететь в машину к незнакомому человеку и усесться к нему «а плечо. Чаще всего владелец машины начинал в ужасе махать руками и старался прогнать Грегори, но один из посетителей как-то попытался увезти его. На наше счастье, Дэвид увидел, как Грегори влетел в машину, и вовремя успел освободить его.

Когда Грегори исполнился год, неотложное дело потребовало нашего присутствия в Момбасе, расположенной в сотне миль от Вой. Дело было достаточно серьезным: во время схватки один из наших объездчиков выстрелил в браконьера. Объездчика арестовали и обвинили в убийстве. Несколько позже обвинение сформулировали как непредумышленное убийство и, когда процесс начался, наше присутствие в Вои оказалось просто обязательным. Мы решили разбить лагерь на окраине Момбасы, но сразу же возникла проблема, что делать с Грегори? Брать его с собой значило просто испытывать судьбу — в густонаселенном районе ткач обязательно влетел бы в проходящую мимо машину или повозку, а такое приключение могло оказаться для него печальным. Поэтому, тщательно все взвесив, мы решили оставить Грегори дома. Предчувствие у меня было самое дурное,

ведь Грегори еще никогда не оставался предоставленным полностью самому себе. Я попросила Дэнниса Кэрни присмотреть за ним и обязательно отправлять птицу каждую ночь в клетку. Слуг мы тоже проинструктировали. Сделали, казалось бы, все что возможно, но все равно чувствовали себя предателями, когда незамеченными выскользнули из дома. Когда мы проходили мимо мастерских, я увидела Грегори, поглощенного строительством очередного гнезда, которое сооружалось в тисках для выгибания труб. Ткач запихивал туда пруты и, чуть отойдя в сторону, критически оценивал результаты очередного этапа строительства. Какое-то нехорошее предчувствие овладело мной. Мне показалось, что я вижу Грегори в последний раз, но я сумела овладеть собой и прогнать эту ужасную мысль.

Как и предполагалось, по прибытии в Момбасу мы стали лагерем на самой окраине, вблизи моря, там, где тень от деревьев казалась достаточно густой. Связь с главной конторой Вои поддерживалась по радио, и ежедневно в восемь утра я нетерпеливо ждала новостей о Грегори. Нам сообщили, что все благополучно, и мы уже начали потихоньку собираться домой. Но йот однажды утром Дэннис радировал, что в предыдущую ночь он, вернувшись поздно домой, никак не мог найти Грегори. Сердце у меня екнуло. Дэвид успокаивал меня, уверяя, что Грегори найдется, но сам слабо в это верил. Я знала, что он расстроен не меньше меня.

В тот же день после полудня дело об объездчике благополучно закончилось. С рассветом следующего дня мы отправились домой в Вои. В пути все молчали. Грегори занимал все наши мысли; вспоминались его 'смешные выходки, необычайная яркость характера, делавшего ткача нам особенно близким.

Когда мы, наконец, приехали, Грегори не встретил нас, как обычно, около гаража. Едва Дэвид остановился у дома, я выскочила из машины и вбежала на веранду. Одного взгляда, брошенного на слуг, оказалось достаточно — Грегори не вернулся.

Наш ткач исчез в воскресенье, и, хотя слуги, да в общем-то и все сотрудники центральной усадьбы, обыскали его любимые места и убежища, никаких следов обнаружить не удалось. Я могла себе представить, как все случилось. Убедившись, что гараж и мастерские пусты, Грегори, в отчаянных поисках общества людей с обычным для него абсолютным доверием к человеку, забрался в машину к какому-нибудь не слишком обремененному совестью посетителю, приехавшему посмотреть на наших воспитанников, и был увезен из Вои, как это однажды уже чуть было не случилось.

Я еще долго надеялась, что Грегори все-таки объявится. Вслушиваясь в привычные повседневные звуки, я часто ловила себя на том, что пытаюсь различить знакомое кудахтанье. Ходила я и вокруг холма, на котором стоит наш дом, звала его по имени, но отвечало мне только замиравшее вдали эхо. Пробовала я себя уверить и в том, что Грегори, возможно, вернулся к своим родичам-ткачам, но это было слабым утешением: мы слишком хорошо знали, что он никогда не обращал ни малейшего внимания на себе подобных. Дни проходили за днями, недели за неделями, и, наконец, мы поняли, что потеряли Грегори навсегда. Единственно, о чем я молила судьбу, чтобы Грегори» Пек, который, по определению одной местной газеты, «располагал всем домом, садом и окрестностями по своему желанию», не окончил свои дни в клетке, запертый, как какая-нибудь канарейка. Сделать так — значило бы подвергнуть его наиболее жестокой из всех мыслимых пыток.

В природе трагедии довольно обычны, но случай, свидетелем которому я стала через несколько месяцев, произвел на меня особенно тяжелое впечатление, наверное, потому, что касался он одного из родственников Грегори. Проезжая как-то мимо колонии птиц-ткачей, мы увидели, как молодой нитон заглатывал одного из ткачей-родителей. Хвост жертвы был еще виден, но мы появились слишком поздно и не могли ничего предпринять. Вспугнутая змея извергла уже мертвую птицу и скрылась.

В этот год мы потеряли не только Грегори, но и Олд Спайса. В новогодний вечер он нанес нам последний визит. Мы все сидели в гостиной, провожая старый год, когда Спайс протрусил ко мне. Мы не видели его уже несколько недель и страшно обрадовались, что именно эту ночь он выбрал для своего визита. Спайс должен был разделить с нами праздник, и я спешно приготовила достойное его угощение. Здесь виверра еще раз поразила нас, неожиданно проявив любовь к спиртному и приложившись к каждому стакану. В эту ночь Спайс провел с нами несколько часов, активно участвуя во встрече Нового года. Когда мы отправились спать, он улегся рядом со мной и, потыкавшись в ладонь, громко замурлыкал. Я заснула, а он соскользнул с кровати и ушел в ночь.

Спайс больше никогда не приходил. Через несколько месяцев, возвращаясь как-то ночью домой, мы наткнулись на него на нижней дороге. Я стала тихонько подходить к нему, но Спайс ушел, правда неуверенно, оглядываясь через плечо, но все-таки ушел.

Олд Спайс был преданным и ласковым воспитанником и никогда не пытался никого укусить, даже если что-то его пугало. Последнее вовсе не маловажно, так как виверры опасные хищники. Раны от укусов Спайса могли быть очень неприятными. Мы

скучали без нашего любимца, но в то же время были и счастливы за него: ведь Спайс ушел к естественной жизни, к свободе.

Тикл

Мы испытывали определенные трудности при подборе подходящих людей для ухода за нашими питомцами. Всегда можно узнать, если к животным относятся неправильно: они начинают нервничать в присутствии служителей, становятся непослушными и даже агрессивными. В этих случаях мы немедленно заменяли неподходящего человека, не дожидаясь, пока он причинит непоправимый вред.

После долгих поисков мы нашли мужчину по имени Сике, из племени туркан, на деле доказавшего, что он идеально подходит для роли служителя. Сике ничего не боялся и очень любил животных, за которыми ухаживал. Он всегда хорошо чувствовал, что нужно его подопечным, и охотно отводил их туда, где они могли найти для себя изобилие пищи. Хотя Сике всегда имел при себе небольшой хлыстик, он почти никогда им не пользовался. Наиболее теплые чувства наш служитель питал к Самсону.

Поскольку слон и буйвол всегда стремились уходить довольно далеко, то мы, чтобы не потерять кого-либо из подопечных, решили подобрать Сике помощника. Найти подходящего оказалось не просто, так как далеко не все наши работники могли справиться с Бастером и Руфусом, временами становившимися крайне упрямыми. Как раз в это время мы приняли на работу молодого африканца Монголо, поручив ему чистить стойла животных и готовить им пищу на ночь. Он сам попросился на эту работу, и хотя мы сомневались, что Монголо справится, решили все же испробовать его. Монголо очень быстро сумел подружиться с Руфусом, и мы с удовольствием наблюдали, как они играли, направляясь по утрам на реку.

Жизнь шла своим чередом. Как-то раз мы узнали, что Эйлин Кэрни ищет, где бы пристроить детеныша принадлежавшей ей ручной карликовой мангусты. Я была рада принять маленькую самочку и назвала ее «Тикл».

Хотя Тикл и родилась в неволе, ею никто не занимался, и она была по-настоящему дикой. Поскольку выпустить мангусту из клетки, пока у нее не изменится характер, оказалось невозможным, весь первый день пришлось ее приручать. Я посадила Тикл в маленький вольер и, предусмотрительно надев на руки толстые кожаные перчатки Питера, вошла к мангусте. На протянутой ладони лежали маленькие кусочки мяса, нища настолько соблазнительная, что через некоторое время, поднабравшись мужества, Тикл осторожно приблизилась ко мне и, предостерегающе ворча, схватила любимое лакомство. Через два часа я решила, что пора брать ее на руки. Когда Тикл подошла на близкое расстояние, я схватила ее. Пока мангуста яростно сопротивлялась, вцепившись в перчатку зубами, я говорила ей успокаивающие слова, поглаживая спинку и горлышко. Через несколько минут Тикл стала принимать ласку, легла, повернула ко мне головку и зажмурила глазки. Я медленно освободила ее, но мангуста осталась лежать на коленях. Потом она спрыгнула, но никуда не ушла от меня. О чем-то довольно чирикавая, она стала затем валяться по траве так же, как это когда-то делали Хиглети и Пикл. Когда я протянула к ней руку, чтобы погладить, мангуста предостерегающе запищала, но тем не менее позволила мне эту вольность. К концу дня Тикл стала совсем ручной, и я спокойно могла брать ее на руки и держать, не боясь укусов. Кожаные перчатки негодились, и я, чувствуя некоторую гордость, вошла в дом, держа Тикл на руках.

В последующие недели наша мангуста превратилась в очаровательное маленькое существо с весьма независимым характером. Однако, куда бы я ни шла, она бежала за мной, словно привязанная. Самыми лучшими были для Тикл те минуты, когда после обеда я могла прилечь на кровать и поиграть с ней. Как только мангуста видела, что я иду в спальню, она бросалась вперед и одним прыжком взлетала ко мне. Повозившись, она обычно устраивалась возле меня на спинке, подняв все четыре лапки и довольно урча.

Особым вниманием Тикл пользовалась половая щетка. Как только кто-нибудь из слуг начинал подметать пол, она бросалась на щетку, вцеплялась в нее мертвой хваткой зубами и когтями и висела, как пиявка. Когда щетку приподнимали, то мангуста просто болталась на ней, не ослабляя хватки. Естественно, что эта «милая привычка» Тикл мешала нормальной уборке комнат и мангусту приходилось выставлять вон. Сначала она крутилась около дверей, затем, совсем как белка, становилась на задние лапки и через стекло пристально глядела на захватывающее для нее зрелище —двигающуюся щетку. Через какое-то время все это становилось для Тикл совершенно невыносимым. Тогда она срывалась с места и бегала кругами вокруг дома в поисках любой щелки, любой дырочки, которые позволили бы ей прорваться внутрь. Закончив основную уборку, мы позволяли ей подраться со щеткой. Тикл никогда не уставала от этой игры и бывала полностью захвачена ею. Если щеткой не пользовались, мангуста могла часами лежать поблизости, совсем как собака у мячика, страстно желая, чтобы кто-нибудь пришел и поиграл с ней.

Пытливость и любопытство — вот характерные черты Тикл. Тут она не знала границ, впрочем, как и вообще все мангустаны. Наши воспитанники ее весьма привлекали. Вечерами, когда они возвращались домой,

Тикл дежурила около загонов, с живейшим интересом наблюдая за каждым движением животных. У нее совершенно отсутствовало чувство страха, и я всегда беспокоилась, чтобы ее как-нибудь не раздавили. Однако тщетно было бы пытаться заставить ее держаться на безопасной дистанции. И вот однажды вечером, к моему ужасу, один из служителей принес Тикл, совершенно безжизненно лежавшую на его ладони. Я схватила маленькое тельце, стремясь обнаружить хоть какие-нибудь признаки жизни. К моему огромному облегчению, сердечко ее слабо билось. Я смочила мордочку Тикл холодной водой, и она постепенно пришла в себя. Как я и ожидала, ее случайно ударил копытом один из буйволов. Можно было предполагать самое худшее, но, к счастью, через два или три дня все обошлось.

Я надеялась, что этот случай послужит Тикл уроком, но, как оказалось, ее любовь к нашим великорослым воспитанникам только возросла. Несмотря ни на что, Тикл каждый вечер продолжала ходить им навстречу и приветствовать при возвращении домой.

Через некоторое время она избрала объектом своего обожания Самсона, каждый вечер регулярно забиралась к нему в загон и любовалась слоном, причем на мордочке у нее так и было написано восхищение и преклонение. Эта не совсем обычная привязанность стала со временем настолько сильной, что Тикл даже отказалась возвращаться ночевать домой и выбрала себе в качестве спальни одну из труб изгороди загона. Теперь, как только я пыталась поймать ее, мангуста ныряла в свою трубу, а через несколько минут осторожно выглядывала, проверяя, ушла ли я. Поскольку Тикл получала огромное удовольствие только от того, что видела Самсона, мы позволили ей ночевать в драгоценной трубе. Самсон терпеливо выносил присутствие Тикл. Очень забавно было

наблюдать их вместе: ее, ростом в три дюйма, и его, достигшего семи футов и четырех дюймов. Тикл приходила домой только тогда, когда все ее друзья уходили кормиться. В это время она уделяла немного внимания и мне. Тикл ни разу не пропустила возвращения воспитанников: точно в пять она уже сидела у загонов.

Мы не были в отпуске уже около двух лет, и Дэвид решил, что перерыв в работе просто необходим. Мы выбрали Англию и уехали туда на все полагавшиеся три месяца. В дом перебрался Питер, и я была спокойна за Тикл — она осталась в хороших руках. В своих письмах Питер часто писал о ней: сообщал, что ее привязанность к Самсону не ослабевает и что она, как и прежде, проводит столько времени, сколько это возможно, любуясь, как Самсон утоляет голод в загоне.

Когда мы, наконец, высадились в Момбасе и с нетерпением ждали встречи со своей любимицей, нас встретила трагическая весть — за два дня до нашего приезда Тикл попала под копыта одного из буйволов. Смерть была мгновенной. Я всегда боялась, что это случится. Меня утешало только то, что она совсем не мучилась. Когда мы вошли в дом, он показался нам каким-то пустым без знакомых звуков «пи-ип», которые так много значили для меня.

Вскоре после нашего возвращения Дэннис Кэрни решил перейти работать в Национальный парк Найроби. Дэвид, естественно, рекомендовал его. Нам было жаль терять такого хорошего товарища и специалиста. Его уход вызвал ряд перемещений: Питер перебрался из Итамбо в дом Кэрни, а помощника смотрителя, африканца Хасана Саида, перевели в Итамбо.

В это время на Дэвида оказывали сильное давление — он должен был согласиться на перевод Руфуса и буйволов в парк Найроби для обозрения посетителями на площадке молодняка. До сих пор

Руфус рос так близко к природе, как только было возможно, и всегда кормился на воле. Мы опасались за него, ведь, если отправить его в парк, Руфус вряд ли когда-либо вернется к образу жизни предков. Вероятнее всего он закончит свои дни в каком-нибудь заморском зоопарке. Руфус очень любил общество людей и, возможно, был бы счастлив с ними. Однако мы считали, что, став взрослым, Руфус должен будет сам решить свою судьбу — или остаться среди людей, там, где пространства ничем не ограничены, а пищи вдоволь, или уйти к своим диким родственникам. Кроме того, наблюдая за Руфусом, мы узнали, чем питаются носороги, следили за быстротой роста и изучили их привычки в условиях, близких к природе. Ну, и конечно же, он был нашим общим любимцем. Потерять носорога для нас было бы просто невыносимо. К счастью, нам позволили оставить Руфуса, и он стал жить там, где родился. Буйволам же не так повезло. Было решено передать их в парк, где уже содержалось несколько их сородичей. План состоял в том, чтобы со временем выпустить буйволов в Национальный парк Найроби и тем самым заложить основу стада.

Мы нарастили борта пятитонного грузовика и, чтобы буйволы не выпрыгнули через верх, настлали поперечные брусья. Изнутри борта обшили мешковиной с сеном, а на пол постелили толстый слой соломы. У входа в загон вырыли глубокую канаву-аппарель и подали грузовик задом. Когда после этого открыли задний борт, пол грузовика оказался на одном уровне с землей, и если бы буйволы захотели, они могли спокойно войти в кузов. В качестве приманки мы использовали люцерну. Поначалу животные, чересчур встревоженные, не захотели идти в этот подозрительный тупик, но примерно через час Бастер, не найдя в себе сил сопротивляться такому соблазну, как люцерна, набрался мужества и вошел в кузов. За

ним последовала Сюзанна, но всех четверых сразу нам никак не удавалось заманить. Применять силу мы не решались и оставили грузовик на ночь, чтобы повторить попытку утром. К нашему великому удивлению, как только мы открыли ворота загона и отошли, все четверо спокойно вошли в кузов машины и начали мирно хрустеть люцерной. Задний борт был мгновенно поднят и закреплен, и мы с грустью помахали на прощание нашим четырем воспитанникам. Особенно жаль мне было Брутуса, которого я вырастила практически со дня рождения и на которого всегда смотрела как на своего «собственного» буйвола.

Когда нам случалось побывать в Найроби, мы заходили повидаться с буйволами. Со временем, как это и планировалось, Сюзанну, Мириам и Брутуса выпустили в Национальный парк на свободу. Только Бастер решительно воспротивился жизни на воле и всегда возвращался назад, в свой загон. Теперь его предназначают к отправке в один из зоопарков Америки.

Итак, с нами остались только Самсон, Аруба и Руфус. Вскоре как-то вечером, когда у Сике был выходной день, а за слонами наблюдал один из его помощников, Самсон, пытаясь приподнять огромное дерево, сломал оба бивня. От каждого откололось примерно по восемь дюймов. Слон мгновенно пришел в ярость и, дико трубя, стал носиться вокруг. Бедный пастух решил, что пришел его последний час. Вечером, как только нам доложили эту печальную новость и показали обломки бивней, мы бросились к загону посмотреть, что стало с инвалидом. Но Самсон по всей видимости уже оправился от потрясения и мирно хрустел у себя в стойле.

Вскоре после этого и Руфус, демонстрируя силу на срубленных деревьях, испортил свой внешний вид. В отличие от Самсона, он не обломал рог, а лишь

надломил его у основания. Сначала мы думали, что рог прирастет, но место надлома, видимо, все время раздражало Руфуса. Он постоянно терся рогом о деревья, так что стало очевидным, что тот сойдет как ушибленный ноготь. Дэвид ускорил этот процесс, спилив рог, чтобы на его месте быстрее вырос новый.

Жизнь продолжалась. Однажды вечером Аруба и Самсон решили уйти со стадом диких слонов, проходивших недалеко от нашей штаб-квартиры. Три дня спустя Самсон вернулся. Вид у него был удрученный; он страшно устал и сбил себе ноги. Стало очевидно, что этот опыт не принес ему радости. Более того, Самсон, по-видимому, навсегда излечился от желания присоединиться к диким сородичам и, хотя вокруг нас всегда ходило много диких слонов, никогда не делал попыток подойти к ним. В первое время он даже отказывался идти в заросли, предпочитая пастись на склонах холма, где стоял наш дом, стараясь при этом держаться к нему поближе.

Через несколько месяцев Питер два раза подряд встретил Арубу. Она позволяла ему приблизиться, но когда Питер подходил слишком близко, угрожающе замахивалась на него хоботом. В обоих случаях она была одна, но рядом паслись и другие слоны. Мы надеялись, что она с ними подружится.

Самсон и Руфус

После ухода Арубы Самсон и Руфус стали большими друзьями. Они даже играли вместе, и наблюдать за этими играми было очень интересно. Самсону приходилось вставать на колени или же просто ложиться; только тогда он по росту становился равным Руфусу. Стоило Самсону приготовиться, как Руфус наклонял голову, начинал угрожающе вращать глазами, так что вид его становился действительно страшен, и бросался на Самсона, бодая его всю своим рогом. Весь этот ужас, однако, не производил большого впечатления на слона, и он обычно предупреждал столкновения своим хоботом. Кончалась атака тем, что Самсон зажимал шею Руфуса так, что последний начинал задыхаться. Возмущенно фыркая, носорог отскакивал, высвобождаясь из мощного объятия, переживал минутку и бросался в новую атаку, заканчивавшуюся так же, как и прежние.

Под конец Руфус начинал раздражаться уже по-настоящему и глаза его злобно поблескивали. Самсон держался невозмутимо и не пугался угроз, так что Руфусу не оставалось ничего другого, как возмущенно удаляться. Тогда Самсон быстро поднимался, обгонял Руфуса и опять ложился на землю, приглашая поиграть еще. Руфус, обуянный жадой реванша, никогда не отказывался, и все начиналось сначала.

Как-то Сике доложил, что Самсон заболел. Мы очень обеспокоились: ведь до сих пор слон был всегда здоров. Дэвид пошел, чтобы обследовать его, и увидел настоящий «монумент страдания» с тихо покачивающимся хоботом, потухшими и запавшими глазами. У Самсона был жесточайший понос. По-видимому, он съел днем что-то неподходящее. Чтобы

избежать случаев пищевого отравления, мы категорически запрещали посетителям угощать наших воспитанников чем-либо, кроме фруктов. Сике, строго допрошенный, клялся и божился, что болезнь Самсона вызвана не какой-то «цивилизованной пищей», а скорее всего несъедобным, ядовитым растением. Но что бы там ни было, Самсон находился в тяжелом состоянии, и мы серьезно взволновались.

Теперь нам необходимо было заставить его хотя бы немного поесть. Дэвид потратил массу усилий, упрашивая и понуждая Самсона отведать немного приготовленной для него еды. Слон, чтобы доставить Дэвиду удовольствие, пожевал немного свежих веток, но было ясно, что он потерял всякий интерес к нище.

Наутро мы послали грузовик за красной землей и приготовили для нашего больного роскошную грязевую ванну. Увидев, как мы возимся с грязью, Самсон чуть приободрился и, как только ванна была готова, немедленно полез туда. Дэвид покрыл холодной, приятной грязью все его горевшее в лихорадке тело.

На следующий день Самсон был еще крайне слаб, и мы опять забеспокоились, когда увидели, что он с трудом приподнимает одну из передних ног и волочит ее. Из загона слона мы, конечно, не выпустили и весь день безуспешно пытались пробудить его аппетит. Три дня состояние Самсона оставалось критическим, пока, наконец, однажды утром он не воспрянул духом и с удовольствием принялся за свой завтрак.

Дэвида постоянно и серьезно беспокоило безжалостное истребление слонами больших деревьев. Он неоднократно обращался к властям с предложением организовать серьезное научное исследование этого фактора с тем, чтобы выяснить, как изменения в природе края сказываются на жизни обитателей парка. Хотя к нам приезжало много специалистов, все они ограничивались кратким ознакомлением с местностью и

ни один не смог остаться надолго, чтобы детально исследовать сложную, комплексную проблему. Все, однако, согласились с тем, что поголовье слонов необходимо сократить. Сколько в парке слонов, никто точно не знал; считалось, что наиболее близкая к действительности цифра составляла четыре тысячи голов. Сосчитать слонов на пространстве в восемь тысяч квадратных миль — задача совсем не легкая, так что точная перепись оказалась вне пределов наших скудных возможностей. На помощь пришла армия и выделила нам на неделю три легких самолета-разведчика и два вертолета. Дело в том, что армейское начальство решило совместить перепись слонов с учениями войск. И вот однажды после полудня у нас объявился авиационный отряд со всем своим техническим оборудованием: бочками с горючим, маскировочными сетями и прочим имуществом, необходимым для обеспечения операций армейского масштаба.

Самсон и Руфус, пасшиеся неподалеку, немедленно приняли живое участие в этих грандиозных событиях и поразили солдат, помогая им катать бочки.

Парк был разбит на квадраты. Все детали предстоящей операции Дэвид и командир отряда обговорили и выяснили заранее. Наземная команда устроила свой лагерь на аэродроме и, как положено, возвела укрепления и выкопала траншеи. Большинство солдат прибыло прямо из Англии, и они чувствовали себя крайне неуютно, обнаружив рядом свежие следы слонов. Один солдат, разглядев, какие «шары» лежат по соседству с его палаткой, шутя (а может быть, и вполне серьезно) выразил надежду на то, что владелец не придет за ними той ночью!

В действительности же слон пожаловал сюда и прихватил с собой нескольких друзей. Хотя это можно считать похвалой искусству армейской маскировки, но

посещение незваных гостей вызвало в лагере целый переполох. Начало положили двое солдат, спавших на цистерне с горючим. Они проснулись от того, что их постель стала покачиваться. Представьте весь ужас этих парней, когда они увидели, что слон чешет о цистерну бок! В эту ночь солдатам не пришлось поспать, а когда утром, направляясь к самолетам, они увидели, как через летное поле скачками мчится лев, то дружно согласились, что на сей раз им предстоят весьма необычные учения.

Подсчет с воздуха шел четко, и вскоре, когда работы в южной части парка были завершены, мы перебазировались в палаточный городок, разбитый на севере. Наземный экипаж, чтобы обмануть воображаемого врага, снялся глубокой ночью, а прибыв на новую базу, тут же начал окапываться. Здесь экипаж уже ожидали некоторые сюрпризы. Так, в одну из лунных ночей, когда пилот со своей командой спали в самолете, пара носорогов по соседству решила свести счеты. Моля бога, чтобы разгневанные животные не обратили свою ярость на самолет, летчики не отрывали глаз от величественного зрелища. К счастью, носороги были слишком увлечены, чтобы обращать внимание на посторонних.

Окончательный подсчет показал, что вместо предполагаемых нами четырех тысяч в Восточном Цаво живут более девяти тысяч слонов, а всего в парке и в его окрестностях насчитывалось около пятнадцати тысяч голов; но даже и эти цифры все участники операции считали сильно заниженными.

Самое главное было изучить миграции стад. Постоянные ли это жители парка? Выходят ли за его пределы в поисках пищи? Имеются ли у слонов в период дождей установленные маршруты? Пересекают ли Галану стада из северной части парка, уходят ли они в

южную его часть или держатся в строго ограниченном районе?

Чтобы пометить слонов, Дэвид предложил оригинальное устройство. Оно состояло из контейнера, наполненного краской, на одном конце которого укрепили трубчатое сопло, а к другому, через шланг, подсоединили баллон со сжатым воздухом. В качестве объекта для испытаний был избран Самсон. Когда настало время опробовать эту хитроумную систему, Самсон мирно завтракал перед гаражом. В этот момент его исподтишка с ног до головы обрызгали водой — ведь Дэвид хотел узнать, на какое расстояние работает его аппарат. Самсон не оценил этой шутки и с негодованием перебрался в более спокойное место.

Теперь устройство следовало применить на практике. Его установили около излюбленного водопоя слонов у скалы Муданда. Дэвид и Хасан Саид, скорчившись, укрылись за единственным тоненьким деревцем. Вряд ли оно могло надежно защитить их от слонов, но во всей округе больше просто не оказалось деревьев. Меня поместили на вершине маленького скалистого мыса, обязав сообщать о приближении слоновьего стада.

Вскоре на горизонте показалась небольшая группа из восьми слонов, которые неторопливыми шагами направлялись к водопою. Когда стадо подошло поближе, оказалось, что вожаком его была старая, чем-то раздраженная слониха. Я с нетерпением ожидала, что будет, когда струя белой краски ударит по предводительнице, по колено в грязи пробиравшейся на середину пруда. Время от времени слониха спокойно набирала полный хобот воды и отправляла ее себе в рот. Неожиданно раздалось слабое шипение и крупные капли белой краски закапали с наконечника распылителя. На земле образовалась небольшая лужица. Засорилось отверстие! Судорожные попытки

прочистить его были немедленно замечены старой слонихой, и она с устрашающим ревом бросилась на Хасана и Дэвида. Тем ничего не оставалось, как искать спасения на моей скале.

Пришлось довольно долго ждать, прежде чем появилось другое стадо и мужчины получили новую возможность испытать свое изобретение. Наступил вечер, над горизонтом поднялась полная луна, когда слоны пришли на водопой. На сей раз устройство Дэвида сработало, и один подопытный экземпляр получил великолепную белую отметину на зад. Как только слониха, — а это опять оказалась слониха, — почувствовала брызги на своей коже, она круто развернулась и, свирепо потрясая хоботом, бросилась в атаку. Наши мужчины еще раз, хотя и мужественно, но довольно быстро взобрались на скалу. Небольшое расстояние, на которое действовало устройство, делало работу не очень-то безопасной!

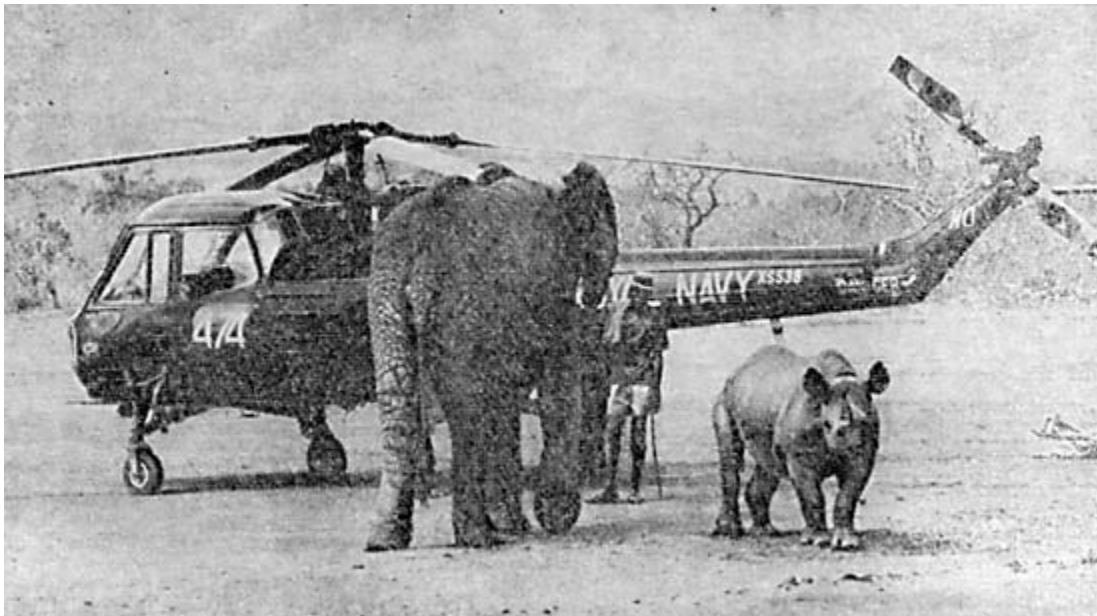
Было уже поздно. Мы решили, что на сегодня с нас хватит, упаковали аппаратуру, чтобы на следующий день предпринять еще одну попытку. Пока оборудование грузили на машину, у водопоя появилось огромное стадо буйволов и ясно дало нам понять, что независимо от того, здесь мы или нет, они все равно станут пить воду. Буйволы со всех сторон окружили нашу машину, как бы понимая, что темнота дает им полную возможность совершенно игнорировать всякие попытки прогнать их. Я укрылась в машине и сидела там все время, пока мужчины, бросая по сторонам опасливые взгляды, грузили остатки имущества. В конце концов нам удалось благополучно уехать домой.

В дальнейшем мы смогли пометить восемнадцать диких слонов, но эксперимент был далек от завершения, хотя в последующие три месяца с вертолета, выделенного нам флотом, и видели нескольких меченых слонов, отсутствие собственного

летательного аппарата делало невозможным постоянное наблюдение за ними. Кроме того, в период дождей слоны валялись в красной глине и смывали с себя белые полосы.

Позже, опять-таки благодаря помощи военноморского флота, когда его соединение заходило в Момбасу, мы могли время от времени производить и другие подсчеты. Самсон и Руфус всегда проявляли огромный интерес к любой активной деятельности на аэродроме. Прямое свидетельство тому фотографии, где они стоят в одном строю с солдатами. Наверное, немало квартир в Англии украшают сейчас эти снимки.

Руфус не только был объектом фотосъемки, но сделал еще и «научную» карьеру. За время работы в парке Дэвид заметил, что носороги гораздо больше подвержены влиянию изменений природных условий, чем прочие обитатели парка. Так, все животные, погибшие в засуху 1960 года, оказались покрыты черными пятнами засохшей крови. Откуда они взялись? Этот вопрос поставил в тупик всех специалистов. Большинство из них считало, что источник пятен —

тысячи слепней, роившихся обычно над носорогами. Ветеринарный отдел национальных парков прислал к нам своего сотрудника, чтобы разобраться во всем на месте, и помощь Руфуса в этом исследовании оказалась, естественно, неоценимой. В течение целого дня за ним велось неотступное наблюдение. Особенно большое внимание уделялось при этом слепням и их воздействию на Руфуса. Тщательное исследование экскрементов носорога показало, что они служат питательной средой для личинок двух видов слепней. Дэвид предположил, что пятна «крови» на коже носорогов — не что иное, как экскременты второго вида кровососов. Чтобы тщательнее понаблюдать за слепнями, он решил вывести их в своей лаборатории. И в этом случае на помощь ему пришел Руфус, бесперебойно обеспечивая личинок пищей. Поставив опыт, Дэвид обнаружил, что ничего не стоит заставить Руфуса предоставить личинкам свежее питание по первому же требованию. Оставалось лишь проследовать за Руфусом в район навозной кучи и, имитируя повадки носорога, поскрести землю ногами. Руфус немедленно «реагировал» нужным образом. Это свойство нашего питомца было ценно тем, что обеспечивало все условия для чистого опыта, поскольку яйца никаких других мух в навоз попадать не могли.

Усилия Дэвида вознаградились, и вскоре под сеткой, покрывающей подносы с питательной средой, появились тысячи столь нужных ему насекомых. Разной была их судьба: одни украсили коллекцию мух; другие были внимательнейшим образом исследованы под микроскопом; третьи сбежали во время труднейшего процесса перевода их в специальную банку, и лишь самые привилегированные удостоились чести содержаться в банках и продолжать нормальный цикл развития. Их, естественно, приходилось обеспечивать привычным питанием. Поэтому Дэвид был вынужден

брать банку, крепко прижимать ее к спине Руфуса и ждать, когда слепни насытятся. Руфус настолько привык к укусам кровососов, что совершенно не обращал внимания на эту операцию.

Вообще-то говоря, носороги не столь толстокожи, как это принято считать. В наших местах водились слепни, которые безжалостно мучили Руфуса. Особенно досаждали они ему в период дождей. Укус слепней был настолько болезненным, что носорог вздрагивал и топал ногами. В те, к счастью короткие, периоды, когда они особенно его преследовали, Руфуса кормили дома, и он пропускал свою ежедневную прогулку с Самсоном в лес к реке. Мы заметили также, что носорог любил валяться в луже с отработанным машинным маслом, вылитым возле гаража; оно, по всей видимости, как-то отпугивало слепней. С тех пор мы стали протирать Руфуса в это тяжелое для него время тряпкой, пропитанной машинным маслом.

Под руководством доктора Фила Гловера, пользуясь неоценимой помощью присланного им биолога Питера Нэпира Бакса, мы собрали коллекцию всех растений, которые по нашим наблюдениям служили пищей слонам. Их тщательно высушили и примерно по два фунта в партии отправили на анализ. На каждый вид мы завели настоящее «дело», где регистрировали все наблюдения о том, как, когда, в какое время и в каком количестве его употребляют слоны. Работа эта оказалась на редкость трудоемкой, и хотя я помогала вести документацию, основная ее часть все же легла на Дэвида, который занимался ею все свободное время. За четырнадцать месяцев упорного труда мы собрали исчерпывающий материал. Здесь, как читатель, наверное, уже догадался, большую помощь оказал нам Самсон. Так, в один из дней от рассвета и до заката за ним ходил доктор Дугалл из Научного центра по изучению растений, располагающегося в Китале. Он

собирал и анализировал образцы всех растений, которые Самсон отправлял себе в рот. Всего их оказалось шестьдесят четыре вида, а вообще за весь день на деятельность, не связанную непосредственно с питанием, Самсон потратил всего четыре часа двадцать две минуты. Мы собрали и взвесили то, что он превращал в свою пищу. К концу дня в конторе стояли ряды бумажных пакетов с образцами растений, которые надо было рассортировать, записать и разложить. Даже такое небольшое исследование потребовало от нас огромной затраты времени.

Еще один любопытный эксперимент, доставивший громадное удовольствие Самсону, мы назвали «апельсиновым». Цель его — выяснить, сколько времени слон переваривает пищу. Ранее, в Уганде, мы установили, что содержимое желудка слона составляет, как правило, от пяти до шести процентов его веса. Таким образом, если знать время, необходимое для опорожнения желудка и кишечника, то, учитывая приблизительный вес слона, можно вычислить вес содержимого желудка и получить представление о дневной норме питания животного. С этой целью мы скормили Самсону столько апельсинов, сколько в него влезло. Слон по достоинству оценил нашу идею (апельсины — его любимое блюдо): направив в рот один апельсин и облизав губы, он немедленно протягивал хобот за вторым. Теперь наблюдателям оставалось только терпеливо ждать результатов эксперимента. Им пришлось долго стоять на страже — первый признак апельсина появился через одиннадцать часов, а последний — через девятнадцать.

В ходе анализа образцов растительности, направленных нами доктору Дугаллу, было установлено, что кора излюбленных слонами деревьев, особенно баобаба, чрезвычайно богата кальцием. Поэтому мы предположили, что слоны валят деревья в

поисках столь необходимого им элемента. Дэвид привез и высыпал на землю неподалеку от водопоя слонов в Муданде целый грузовик богатой кальцием подкормки. Слонам это понравилось, и через несколько дней от нее ничего не осталось. К великому сожалению, стоимость перевозки нужного количества подкормки оказалась нам не по карману и от этой затеи пришлось отказаться.

Дэвид увлекался также некоторыми особенностями процесса изменений растительности в Восточном Цаво. Он усомнился в разумности уничтожения большого поголовья слонов и решил дополнительно исследовать эту проблему. До сих пор Дэвид принимал на веру мнение экспертов о том, будто ликвидация зарослей кустарниковых акаций поведет к наступлению пустыни и последующей гибели от голода слонов и носорогов, населяющих эту часть парка. Они предполагали, что количество осадков будет недостаточным для развития травяного покрова. Поэтому ранее Дэвид выступал за сокращение численности слонов в парке, чтобы такой ценой сохранить растительный мир. Но теперь он установил, что в ряде районов на смену зарослям пришли травянистые степи с богатой растительностью, а это, в свою очередь, повело к существенному увеличению поголовья степных животных, особенно зебр и ориксов. Если прежде в Восточном Цаво почти невозможно было встретить более десятка зебр одновременно, то теперь стали обычными стада по сотне голов. Так же быстро росло поголовье буйволов.

При изучении режима питания слонов мы установили, что трава, если ее достаточно, может составлять до восьмидесяти процентов их корма. Дэвида поэтому чрезвычайно заинтересовали результаты наблюдений, проведенных на правительственной ферме вблизи границ парка. Они показали, что на месте уничтоженных зарослей

древовидной акации быстро образуются обильные травянистые степи и таким образом запасы кормов для жвачных животных не уменьшаются, а увеличиваются.

Теперь, естественно, встал вопрос, наносят ли слоны ущерб животному миру, как мы предполагали, или на деле способствуют созданию лучших условий жизни себе и другим обитателям парка?

Внимание Дэвида привлекло также то обстоятельство, что в книгах, написанных первыми исследователями этих мест в начале нашего столетия, а также в литературе о строительстве железной дороги из Момбасы в Найроби не упоминается о слонах в здешних местах, хотя встречается целый ряд сведений о других крупных животных. Значит ли это, что здесь тогда не было слонов? А если это так, то в чем причина? Гигантские баобабы парка до сих пор хранят на себе заросшие шрамы, очень похожие на те, что наносят им сегодня слоны. По всей территории разбросаны древние поселения племени галла, прирожденных скотоводов, стада которых не могли бы уцелеть среди зарослей кустарника, служащего рассадником мухи цеце. Не служит ли это свидетельством того, что в далеком прошлом здесь был край травянистых лугов, а заросли появились лишь в результате истощения пастбищ? В пользу последней теории говорит также и то, что в отдельных районах эрозия почв длится уже довольно давно. Но если это так, то, быть может, происходящие перемены являются частью естественного цикла?

Во всяком случае Дэвид пришел к убеждению, что, уничтожив даже всех слонов, мы не повернем процесс вспять, ибо площадь, покрытая лесом, резко сократилась, да и часто стали свирепствовать пожары, прежде неизвестные в парке. Все это неизбежно ведет к изменению характера фауны. Мы спрашивали себя, что произойдет, если очистить заросли от сушняка, оставив только траву и здоровые деревья, которые к

тому же слоны не будут обгладывать? Не опустошит ли это Цаво? Или же парк станет еще привлекательнее и окажется способным прокормить большее число обитателей? Ответа на эти вопросы мы не могли получить, но важно было уже то, что их ставили.

Наконец у нас в Цаво появился свой самолет, и Дэвид овладел техникой пилотирования. Теперь мы могли получить более ясную картину о состоянии дел, и уверенность Дэвида в необходимости принятия срочных мер еще более возросла. Он пришел к выводу, что мы, вероятно, имели совершенно неправильное представление о том, как решать проблему.

К сожалению, в это время местная пресса слишком часто сообщала о слонах, умерших или умирающих с голоду. На деле все это не соответствовало действительности, а газеты усложняли наше и без того сложное положение. При таком многочисленном поголовье слонов, как в Цаво, нет ничего удивительного в том, что отдельные животные гибнут, но происходит это от естественных причин. При нашем климате в конце сухого сезона идет обычный естественный отбор, когда вымирают престарелые или слабые животные. В сущности, в 1965 году у нас, несмотря на некоторый недостаток дождей в мае и июне, отмечалось меньше случаев гибели слонов и носорогов, чем в предшествующие годы.

В конце года была выделена значительная сумма на изучение условий жизни слонов в Цаво. Эта новость принесла нам большое облегчение. Хотя пройдет еще немало времени, прежде чем ученые начнут работу, мы могли надеяться, что загадка будет разгадана. Нам следовало провести большие подготовительные работы — построить жилые дома и лабораторные помещения, доставить оборудование и транспортные средства, сделать еще многое другое, но мы верили, что «проблема» слонов окажется интереснейшим

предметом исследования и может дать неожиданные результаты [\[10\]](#).

Хьюпети

К концу сухого сезона 1962 года на коже носорогов, обитавших ниже Лугардс-Фоллс, появились такие же черные полосы, что и у их собратьев, погибших выше по реке в засуху прошлого лета. Снова носороги стали нашей главной заботой. Чтобы дать возможность Дэвиду лично ознакомиться с ситуацией и предотвратить возможность повторения прошлогоднего бедствия, мы стали лагерем на берегу Галаны. Здесь, так же как и в районе, наиболее пострадавшем от засухи 1961 года, скопилось множество носорогов.

Доктор Гловер (наша постоянная научная опора) направил сюда группу ветеринаров, и, прекратив мучения одного носорога, мы смогли провести тщательнейшее вскрытие. Наш лагерь располагался на южном берегу реки, а труп носорога — на северном. Это создавало определенные трудности, потому что во время вскрытия подвижная ветеринарная лаборатория должна была быть все время под рукой. К счастью, мы обнаружили удобный брод. Вода там стояла низко, и обе машины без происшествий переправились на тот берег.

Труп был тщательно обследован. Пробы и срезы тканей важнейших органов животного мы поместили в пробирки и подготовили к отправке в Найроби. Но на обратном пути чуть не случилась катастрофа — на середине переправы у машины доктора Хаторна заглох двигатель; она застряла и начала быстро погружаться в песок. Дэвид немедленно помчался на другой машине в лагерь, находившийся в пяти милях отсюда, чтобы доставить к месту происшествия длинный трос и команду егерей. Последующие полчаса, пока доктор

Хаторн наблюдал, как его лабораторию засасывает песок, были довольно тревожными.

Наконец Дэвид прибыл и прицепил к машине трос. У нас только тогда отлегло от сердца, когда ему с большим трудом удалось в конце концов вытянуть ее на берег. Ветеринары отбыли на следующий день, располагая всеми необходимыми материалами для анализов.

Вечером мы решили совершить небольшую поездку вдоль реки. По дороге нам встретились четыре льва, величественно застывшие у поваленного дерева. Они не двигались. Светло-коричневая окраска их тел сливалась с желтым цветом песка. Еще через несколько минут мы заметили двух очаровательных антилоп геренуков, которые поднялись на задние ноги и пытались дотянуться до сочных листьев, свисающих с верхних веток высокого кустарника. Иногда наш путь пересекало небольшое стадо изящных импал. Они с непостижимой легкостью перепрыгивали через дорогу почти у самого радиатора машины. Окружающая природа сияла в лучах заходящего солнца, и пока оно садилось, небо расцветало всем богатством красок заката Цаво.

Неожиданно Дэвид обратил внимание на то, что какое-то существо галопом мчится за машиной. Мы обернулись и увидели жеребенка зебры, из последних сил старающегося не отстать от нас. Дэвид затормозил, и мы вышли из машины. Жеребенок остановился в нескольких шагах; полное доверие светилось в его прекрасных глазах. Нас удивило, что поблизости нет стада, и Дэвид взобрался на вершину соседнего холма, чтобы оглядеть окрестности. Следом за ним тронулся и жеребенок. Он доверчиво стоял у ног Дэвида все время, пока тот вглядывался в горизонт в надежде увидеть мать, потерявшую своего детеныша. Но ни одной зебры поблизости не было видно. Стало темнеть и ничего

другого не оставалось, как взять найденыша к себе в лагерь.

Когда Дэвид попытался погладить его, жеребенок заволновался, но не было сомнения в том, что он уже привязался к нам.

— Давай-ка, возвращайся в лагерь, — сказал мне Дэвид, — и захвати егерей, чтобы они помогли погрузить зебру на «лендровер».

Я отправилась в путь, стремясь возможно быстрее преодолеть те двадцать миль плохой дороги, что отделяли нас от стоянки. Спокойствию духа отнюдь не способствовала мысль о четырех львах, встреченных неподалеку от того места, где остался Дэвид с малышкой-зеброй.

В лагерь я прибыла уже в полной темноте. Была угольно-черная, безлунная ночь, только звезды над головой лили свой мерцающий свет с покрывала небосвода. Я собрала всех оказавшихся на месте егерей, и мы отправились обратно, останавливаясь временами, чтобы отыскать след машины среди следов бесчисленных зверей, прошедших к дающей жизнь реке. Путь к месту, где я оставила Дэвида, казался бесконечно долгим. Я уже начала думать, что мы проехали мимо или что Дэвид стал жертвой голодных львов, как вдруг в свете фар увидела его, идущего навстречу. Рядом на тонких ножках семенила зебра. Когда мы приблизились, оба они остановились и жеребенок в поисках защиты прижался к его ногам. Кроха преодолела свою пугливость и даже позволила ему положить руку на шею.

Егеря быстро погрузили жеребенка в машину. На суахили зебру зовут *пунда милия*, и я решила назвать жеребенка (это была кобылка) «Пандора», именем, которое, мне казалось, удачно сочеталось со стройными линиями ее тела и аристократическим профилем. Позже

на смену этому громкому имени пришла кличка, и зебру все стали звать просто «Хьюпети».

Палатка показалась нам лучшим местом, где можно было укрыть зебру на ночь. Но, когда поднялся ветер и полог стало бить о растяжки, приемыша охватила паника; зебра перескочила через наши постели и стала как безумная бросаться на стенку палатки. Спасаясь от мелькавших в воздухе острых копытец, мы поняли, что жеребенку придется искать другое место. Подумав, решили превратить кузов нашего грузовика во временное стойло. Но этот ночлег устраивал Хьюпети еще меньше, чем паша палатка, и нам ничего не оставалось, как спешно возвратиться в Вои.

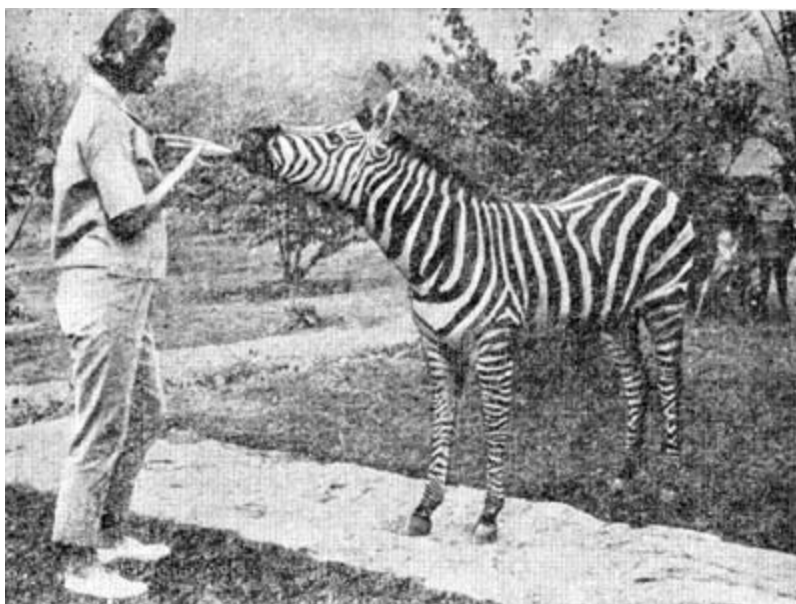
К вечеру мы приехали домой и устроили зебру в свободном стойле рядом с Руфусом.

Прежде чем оставить Хьюпети одну, я приготовила ей поесть и очень обрадовалась, когда зебра без колебаний бросилась пить молоко из бутылки так, словно ее вскармливали искусственно. Пришло время возвращаться назад. Составив подробные указания о правилах приготовления молочной смеси, мы оставили жеребенка на попечение садовника.

В лагере меня постоянно мучила мысль о жеребенке, и мне уже стало казаться, что по возвращении я не застаю свою питомицу в живых. Однако опасения были напрасны. Вернувшись через неделю в Вои, мы нашли Хьюпети живой и здоровой; она сильно привязалась к садовнику и всюду следовала за ним по пятам.

Хьюпети радостно нас приветствовала. Не меньше обрадовался нашему возвращению и садовник, ибо жеребенок не отпускал его от себя ни на шаг. Это стало ему надоедать. Теперь же вся любовь Хьюпети переключилась на меня. Временами я не знала, что делать, ибо жеребенок пытался следовать за мной даже в дом; при этом зебра судорожно подпрыгивала и

даже падала, когда ее тоненькие копытца расползались в разные стороны на гладком бетоне.

Наконец я нашла выход — повесила в саду свое платье на сук, прикрыла им голову Хьюпети, а сама забежала за угол дома прежде, чем жеребенку удалось освободиться и увидеть, в каком направлении я исчезла. Эта уловка сработала великолепно, и Хьюпети спокойно улеглась возле платья, предоставив мне возможность заняться домашней работой.

Моя питомица была очаровательным созданием — четкие полосы на шкурке, мягкая густая гривка и породистая головка. Она оказалась очень ласковой, и ей нравилось, когда мы играли по вечерам. Я уводила ее за дом и предоставляла полную свободу. Хьюпети носилась галопом, скакала, лягалась, пока как следует не уставала. С дрожащими ноздрями и раздувающимися боками останавливалась она как вкопанная. Только тогда я спокойно отводила ее в стойло и укладывала спать. Иногда эта процедура занимала немало времени и требовала большого терпения. Подчас, когда мне казалось, что Хьюпети набегалась вдоволь, жеребенок

вдруг вырывался из рук и галопом мчался снова к подножию холма. Но эти милые шалости, казалось, не шли ни в какое сравнение с теми заботами, которые готовила нам Хьюпети, превращаясь из шаловливого младенца в трудного ребенка.

Начались настоящие мучения, когда она отказалась от бутылочки с молоком. Хьюпети проверяла съедобность всех предметов вообще. С каждым днем ее вкусы поражали нас все больше. Особенно аппетитным казалось ей свежевывстиранное белье. Стоило повесить его на веревке, как соблазн оказывался непреодолимым. Моя чудесная новая ночная рубашка в одно мгновение превратилась в изжеванную зеленую тряпку, а мелкие предметы туалета исчезли в желудке зебры без следа. Углы простыней оказались обгрызанными, да так, как будто над ними поработали мыши, а остатки любимой рубашки Дэвида появились только в помете!

Теперь стоило заметить, что Хьюпети направляется в сторону веревок с бельем, как мы сразу же поднимали тревогу, но это, казалось, только разжигало ее стремление перехитрить нас. Зебра испытывала явное удовольствие, если ей удавалось ускользнуть от расплаты за свое преступление. Хьюпети осторожно подкрадывалась к намеченной цели и, сорвав с веревки вожделенный предмет, при первом признаке опасности с необыкновенной быстротой удирала, не выпуская при этом из зубов остатков добычи.

В конце концов нам пришлось поднять веревки на недосягаемую для нее высоту. Несколько дней мы были совершенно уверены, что перехитрили жеребенка. Однако Хьюпети быстро научилась выбивать копытами шести, подпиравшие веревки, а однажды, поднявшись на задних ногах, утянула любимую юбку моей мамы. Ключья от нее мы обнаружили потом среди навоза в загоне нашей зебры.

Я ждала второго ребенка и серьезно беспокоилась о том, что будет с пеленками, если вешать их на эти веревки. Тогда Дэвид построил забор из бамбука. Таким образом Хьюпети потерпела поражение. Теперь она незаметно подкрадывалась ко мне сзади и, улучив момент, когда мое внимание было чем-то занято, в мгновение ока прогрызала край платья и тут же исчезала.

Потеряв доступ к белью, Хьюпети стала искать другое поле деятельности. Она сжевала замазку с окон лаборатории, выпила отработанное машинное масло и каустическую соду (и все это без каких-либо последствий для желудка). Кроме всего прочего, она повадилась ходить в рабочий кабинет Дэвида и расправляться с его почтой, оставленной на столе. Чтобы преградить ей доступ в дом, мы вынуждены были соорудить на ступенях веранды «врата Хьюпети», ибо уму непостижимо, что она могла бы натворить в комнатах, если бы предоставить ей хоть малейшую возможность проникнуть туда. Наш кофейный столик до сих пор хранит следы зубов зебры, а несколько драгоценных скатертей превратились в обыкновенные тряпки.

Однако характер Хьюпети имел не только темные, но и светлые стороны. Временами она казалась совершенно неотразимой, особенно тогда, когда с ангельским выражением на своей прекрасной мордочке изящными шажками приближалась ко мне, просовывала голову под руку и, ласкаясь, просила прощения за все свои проказы. Она нежно тыкалась носом, лизала руку и вглядывалась мне в глаза с таким невинным видом, что сердце мое не выдерживало. Я таяла и, конечно, прощала шалунью. Я очень гордилась тем, что занимала в сердце Хьюпети такое большое, место, и только мне удавалось усмирять ее, когда зебра находилась в

дурном расположении духа. К сожалению, это случалось слишком часто.

Как-то утром я пришла в контору, чтобы рассортировать почту, и увидела там Хьюпети. Она значительно «облегчила» мою задачу — поднос, куда складывали все входящие бумаги, был пуст. Пойманная с поличным, зебра прижала уши и, нахально взбрыкивая, проскакала к двери. Выскочив наружу, она тут же принялась за обследование кабины «лендровера» Питера и обнаружила на сиденье пачку еще не распечатанных писем. Через несколько минут воздух был полон проклятьями. Мой брат, красный от гнева, гонялся за преступницей в тщетной надежде спасти хоть что-нибудь из своей почты. Хьюпети спокойно бежала чуть-чуть впереди него и так продолжалось до тех пор, пока она не сжевала последнее письмо.

Когда Хьюпети исполнилось семь месяцев, мы решили, что настало время присоединить ее к другим нашим воспитанникам. Мы надеялись, что общество поможет ей избавиться от некоторых дурных привычек, частично порожденных скукой. К сожалению, Самсон отнесся к новенькой не слишком благожелательно, а Руфус просто не проявил к ней никакого интереса. Сама же Хьюпети тоже не особенно стремилась иметь друзей и упорно отказывалась от установления более близких контактов с ними. Несколько дней мы пытались настоять на своем, но она каждый раз галопом мчалась к дому, а следом за ней спешил измученный служитель. В конце концов нам пришлось отказаться от этой затеи.

Вскоре Хьюпети стала совершать все более дальние разведывательные походы. Прошло немного времени, и она обнаружила существование рабочего поселка, где всегда сушилось множество белья. Естественно, что ее вкусы вызвали нарекания, и на нас обрушился поток жалоб.

Дом Питера стоял сразу же за рабочим поселком. Настал день, когда Хьюпети нанесла визит и ему. Здесь она познакомилась с мистером Ку, ручной антилопой бушбоком, и между ними немедленно вспыхнула горячая дружба. Мистер Ку просто обожал Хьюпети, и, став неразлучными, они постоянно паслись вокруг дома Питера. Близость эта привела, кроме всего прочего, к тому, что белью, вывешенному для сушки, угрожала постоянная опасность, и садовник оказался вынужденным, вооружившись длинной палкой, тратить все свое время на его охрану.

Ситуация стала угрожающей, когда Хьюпети сжевала обивку кресла, стоявшего на веранде, и просто опасной, когда она безнадежно испортила окраску спортивной автомашины Питера — его гордости и постоянного источника радости. Мне как приемной мамаше этого неисправимого существа приходилось выслушивать все нарекания на ее поведение; сотни раз ей сулили участь худшую, чем смерть, если я не возьму в руки Свою зебру. Одно только упоминание ее имени приводило моего брата в ярость, угрожавшую ему апоплексическим ударом. Когда же она в качестве своей постоянной резиденции избрала окрестности дома Питера и категорически отказалась уйти на ночевку в свое стойло, мне пришлось признать полное поражение и объявить о своем бессилии. Питер тотчас же в прямых и достаточно сильных выражениях объявил, что раз я не в силах справиться со своим питомцем, то за дело придется приняться ему.

Мысль о Хьюпети, бродящей по вечерам около его дома, не давала покоя Питеру, ибо он явственно представлял себе все преступления, которые она могла совершить. Не испытывал он радости и оттого, когда по утрам первым попавшимся ему на глаза живым существом оказывалась Хьюпети.

Когда пришло время появиться на свет ребенку, я должна была отправиться в Найроби. У Хьюпети же, которую пришлось оставить на попечение семейства Дженкинсов, дружба с мистером Ку как раз была в полном разгаре.

В нашем семействе появилась девочка. Мы назвали ее Анжелой. Когда я вернулась домой с Анжелой, то узнала, что Питер осуществил свою угрозу и отправил Хьюпети в Галану — места, откуда ее привезли год назад. По-видимому, она совершила что-нибудь из ряда вон выходящее, и Питер решил действовать немедленно. Сара, жена Питера, заманила Хьюпети к подножью холма, на котором стоял их дом, а затем, соблазняя ее бутылочкой молока, увела в заросли почти на три мили. Здесь она оставила Хьюпети у излюбленного зебрами водопоя, чтобы та могла завязать дружбу со своими сородичами.

Спустя несколько часов, когда Дженкинсы уже готовы были поздравить друг друга с успешным избавлением от зебры, они услышали знакомое цоканье копыт по мощеной дорожке, ведущей к их дому. Воцарилась мертвая тишина. Высунув голову в окно, Питер увидел резво мчащуюся Хьюпети. Через час она уже ехала в кузове грузовика, направлявшегося в Галану. Ее выпустили поблизости от стада зебр. На сей раз победа осталась за Питером: больше она уже не вернулась.

К тому времени Хьюпети не доросла до взрослой зебры всего лишь на четверть, могла постоять за себя, и я была уверена, что стадо ее приняло. Возможно, у нее есть теперь уже и жеребенок.

Бубал Хантера и зебра Греви

Анжела подрастала. Скоро она стала проявлять живой интерес ко всему, что ее окружало. Первыми из наших сирот ей были представлены Самсон и Руфус, и когда Анжела выросла настолько, что могла сидеть самостоятельно, то не было для нее большей радости, чем кататься верхом на Руфусе. Она совершенно не знала страха и, едва научившись ходить, уже ковыляла к Самсону, достигшему восьми футов роста, тянула к нему ручонки и хватала за ноги.

Когда Анжеле исполнилось шесть месяцев, мы поехали ненадолго в Ати и взяли ее с собой. С болью смотрела я на дерево, где появился на свет Грегори. Гнездо все еще держалось на мощных ветвях, а неподалеку находился тот холм, где стояли наши палатки во время наводнения.

Выехав ранним утром, мы вскоре стали свидетелями редкого зрелища: шесть крокодилов на мелком месте терзали останки водяного козла. Пока мы около часа наблюдали за этой процедурой, Анжела спокойно играла в камешки. Глубокий интерес проявили к крокодилам и несколько марабу^[11]. Они стояли поодаль. Внешне похожие на представительных пожилых джентльменов, марабу временами выхватывали из воды проплывавшие мимо кусочки, не спуская при этом глаз с крокодилов.

Труп антилопы достался трем самым большим крокодилам. Более сильный терзал половину туловища, а два остальных довольствовались остатками. Трое более слабых пресмыкающихся в волнении суетились неподалеку, не решаясь вмешаться в пиршество, но и не упуская ни малейшей возможности ухватить уносимый течением кусочек мяса. Наконец один из

крокодилов помельче, подгоняемый неумным аппетитом, решил подобраться поближе к марабу. Мы увидели, как его несет течением все ближе и ближе к птицам. При этом он ни одним движением не выдал себя и медленно приближался к цели. К его несчастью, старый марабу оказался на высоте положения и в последний момент отклонил столь горячее предложение о знакомстве.

Временами в воде возникали молниеносные водовороты и мне удавалось заметить белое брюхо крокодила, который, чтобы оторвать кусок мяса, начинал быстро вращаться, не разжимая зубов. Выхваченный кусок он заглатывал, откидывая голову назад и помогая себе движением челюстей. Один из более слабых участников пиршества иногда терял терпение и пробовал приблизиться к жертве, по его тотчас же отгоняли.

Наблюдая за этим зрелищем, я с болью думала о несчастном водяном козле и представляла себе, какая ожесточенная борьба предшествовала нашему появлению. По-моему, для любого живого существа нет более страшного конца, чем быть сожранным крокодилом. Дэвид как-то рассказывал мне о подобной трагедии. На его глазах довольно крупный крокодил схватил на мелкой воде самку водяного козла. Примчавшийся на ее отчаянный призыв самец самозабвенно бросился на крокодила, пытаясь заставить его отпустить жертву. Но эти пресмыкающиеся никогда не оставляют свою добычу, и, глядя на самца своим холодным, безразличным взглядом, крокодил неуклонно тянул охваченную ужасом жертву в глубину. Вскоре только несколько пузырей поднялось над местом, где самка прекратила борьбу за существование. Ее мужественный супруг еще несколько минут неподвижно глядел на место, где

исчезла его подруга, потом опустил голову, повернулся и, тяжело дыша, направился к берегу.

В другой раз наши егеря вспугнули на берегу громадного питона, который тут же бросился в реку. Ровно через секунду вода закипела, и они увидели, как на питона напал крокодил. Сцепившись, оба вертелись в воде, отчаянно борясь за жизнь. Змея обвилась вокруг врага, стремясь во что бы то ни стало выдавить жизнь из его холодного, покрытого слизью тела. Вскоре, однако, волнение затихло, исчезли последние пузыри и у егерей не осталось сомнений, что крокодил вышел победителем из борьбы.

Именно в эту короткую поездку мы стали свидетелями картины столь печальной, что я, наверное, никогда не смогу ее забыть. По дороге медленно брела слониха, а за ней шел слоненок. Он был худ, явно болен и не мог двигаться быстрее. Малыш с трудом ковылял на своих слабых ножках. Его крохотный хоботок бессильно мотался из стороны в сторону. Безжалостное солнце пекло немилосердно. Хотя слониха и знала о нашем присутствии, все ее мысли были сосредоточены на детеныше. Она медленно переставляла ноги, время от времени останавливаясь, чтобы приласкать малыша хоботом, побуждая его двигаться быстрее. У нее не возникало даже мысли о том, чтобы бросить слоненка и подумать о собственной безопасности. Мы намеренно отстали, не желая своим присутствием усугублять ее заботы. Наконец она свернула с дороги. Однако местность здесь оказалась неровной, и было больно видеть, как несчастный слоненок с трудом продирается сквозь высокую траву, спотыкаясь даже на мелких камнях. Мы обогнали животных и, оглянувшись, убедились в том, что слониха вывела малыша на дорогу, где идти было легче.

Меня глубоко тронула эта безграничная материнская любовь, и грустно стало при мысли о том,

как будет ей тяжело, если в конце концов слоненок не сможет идти дальше и ляжет на землю, чтобы умереть. Я надеялась, что малыш оправится.

Когда мы прибыли домой, поселок был охвачен волнением. Руфус подрался с диким носорогом и получил травму. Удар пришелся в самое болезненное место. По-видимому, дело происходило так. Носорог мирно бродил со своим смотрителем по лесу у реки Вои и щипал побеги, как вдруг раздался громкий храп и из-за ближайшего куста на бедного Руфуса бросился большой взрослый носорог, признав его за нарушителя границ своих владений. Руфус не успел и глазом моргнуть, как от мощного удара сзади перевернулся через голову, а его страж Монголо с быстротой молнии очутился на ближайшем дереве. К счастью, агрессор не стал продолжать спор и, высоко подняв хвост, с победным фырканьем удалился.

В первый раз Руфус встретил своего сородича, и очень жаль, что знакомство оказалось столь разочаровывающим. Трясаясь всем телом и испытывая мучительнейшую боль, он медленно пошел домой. Сзади брел перепуганный Монголо и, время от времени останавливаясь, бросал осторожный взгляд через плечо.

Мы поспешили в стойло, чтобы осмотреть страдальца и оценить опасность ранения. Руфус был ужасно подавлен, однако, к счастью, все ограничилось только поверхностными ранами, и он скоро оправился. Пока носорог болел, мы часто в утешение ему давали сладости и фрукты, и очень скоро Руфус обрел свою прежнюю уверенность.

В конце 1963 года нам сообщили, что в Национальный парк Цаво направлена партия редких бубалов Хантера. Они водились только в небольшом районе севернее Таны, и было решено расширить

область их распространения, положив начало новому стаду в парке.

Сотрудники департамента охраны животных отловили бубалов и, подготавливая к отправке в Вои, посадили в небольшие стойла. К этому времени мы тоже подготовили временный загон в том районе, где хотели выпустить их на волю. Предполагалось держать там бубалов до начала дождей и только потом отпустить, надеясь при этом, что они образуют одно стадо.

Первых четырех бубалов привезли на грузовиках в клетках. Мучительное путешествие длилось более тринадцати часов, и по прибытии пленники оказались настолько слабыми, что некоторые из них даже не смогли держаться на ногах. Мы разместили их в загонах, но, несмотря на все наши старания, два бубала вскоре погибли, а остальные, хотя их и хорошо кормили, теряли последние силы.

Это были удивительные антилопы, похожие на маленьких конгони^[12], с рогами, как у импал. Меня поражала их доверчивость: без тени колебания бубалы брали пищу из рук. Скорее всего это был своего рода фатализм, ибо в неволе они потеряли всякое желание жить.

В следующей партии, тоже прибывшей на грузовиках, оказалась мертвая самка бубала. Стало очевидно, что этим видом транспорта пользоваться больше нельзя. Мы обратились за помощью к представителям военно-воздушных сил, которые согласились доставить четырех бубалов на небольшом транспортном самолете, но с условием, чтобы на время полета их усыпили. Эксперимент окончился трагически: все четыре бубала погибли, видимо, от действия наркотика.

Теперь на помощь могли прийти только моряки. Как раз в это время корабль «Арк Ройял» зашел в Момбасу, и адмиралтейство любезно согласилось доставить на вертолетах оставшихся двадцать бубалов. Операция прошла строго по плану: каждый из вертолетов за рейс доставлял по три бубала. Полет продолжался всего час сорок пять минут, все наши животные прибыли в хорошем состоянии и, как только их доставили в загон, сразу приступили к еде.

Однако бубалы из первой партии были очень истощены. Погибла моя любимица, ласковая самочка, принеся мертворожденного теленка. Наконец Дэвид решил более не медлить и выпустить наиболее истощенных животных в надежде, что, очутившись на свободе, они снова обретут волю к жизни. Один из бубалов со сломанным рогом выглядел столь плохо, что мы не были уверены, удастся ли ему продержаться хотя бы еще один день. Дверь стойла отворили. С помощью двух егерей животное с трудом вышло наружу и стало осматривать окружающий мир тусклым, страдальческим взглядом. Однако немного погодя, осознав, что на него больше уже не давят тюремные стены, самочка бубала приподняла уши и впервые проявила интерес к внешнему миру. Неуверенно проделав несколько шагов, самочка нашла в себе немного сил и, к нашему великому удивлению, рысью устремилась к лесу возле Вои.

Остальных ослабевших антилоп мы отвезли на грузовике за четыре мили от поселка на равнину, где после случайного дождя еще сохранился островок зеленой травы. И снова было отрадно видеть, как реагировали животные на обретенную свободу. Сначала они делали несколько медленных шагов, останавливаясь, некоторое время удивленно оглядывались по сторонам, а затем радостно устремлялись прочь. Правда, к нашему огорчению, все

бубалы разбегались в разных направлениях, не желая собираться стадом. Через несколько дней разразился долгожданный дождь. С чувством огромного облегчения мы широко распахнули ворота остальных загонов. Все антилопы получили теперь свободу и растворились в просторах Цаво. Они также разошлись в разные стороны, и впоследствии мы встречали бубалов только поодиночке. Интересно, что один из них присоединился к стаду конгони, другой сдружился с импалами, третьего постигла трагическая смерть — его растерзали гиеновые собаки. Мы до глубины души обрадовались, когда среди стада ориксов заметили нашего однорогого друга, пребывавшего, по-видимому, в прекрасном состоянии.

К сожалению, на протяжении более двух лет сообщений о встречах с бубалами Хантера не поступало. Впрочем, мы не оставляем надежды, что если из тридцати животных, с такими трудностями доставленных в парк, сохранилось хоть несколько экземпляров, они повстречаются и продолжат свой род.

Аналогичная операция с зебрами Греви, плененными на севере Кении, прошла более успешно. Их также доставили в Цаво на грузовиках и поместили в загоны, сооруженные в свое время для бубалов Хантера. Зебры легко перенесли неволю и вскоре стали совсем ручными.

Зебры Греви отличаются от обычных бурчелловых более высоким ростом. Отдельные экземпляры достигают в холке 140 см. Характерны для них узкие, близко расположенные черные полосы и большие, округлые и поросшие густыми волосами уши. От других видов зебр они отличаются также своим более мирным характером.

Мы снова решили оставить их на несколько недель в загонах, чтобы дать возможность привыкнуть друг к другу. Может быть, эти зебры, получив свободу, будут все же держаться одним стадом. По прошествии месяца мы распахнули двери загона, и зебры галопом вырвались на волю. Они носились кругами, брыкались, всем своим существом выражая счастье обретенной свободы. Какое-то время мы следовали за ними на автомобиле, с глубоким удовлетворением наблюдая, как они радовались. В конце концов зебры, словно стадо летящих Пегасов, галопом умчались в направлении Арубы.

Позднее стало очевидным, что они также не в полной мере оправдали наши надежды и не образовали единого стада. Зебры разбились на маленькие группы по четыре или пять экземпляров в каждой. Потом мы часто встречали их на водопое у плотины Аруба. Были среди них и одиночки. Одна такая зебра поселилась на летном поле, ниже нашего дома, и мы часто видели ее среди группы водяных козлов. Потом она исчезла так же внезапно, как и появилась. В скором времени,

однако, мы убедились, что зебры начинают объединяться в стада по двенадцать животных.

Таким образом, переселение зебр Гриви в наш парк оказалось успешным. Эти великолепные животные, вне всяких сомнений, вызовут большой интерес у посетителей парка.

Самсон покидает загон

В засушливые месяцы 1964 года Самсон несколько раз встречал у болота, недалеко от своего обычного выпаса, небольшую группу брошенных слонят. Относился он к ним покровительственно. Иногда даже приводил одного из своих новых маленьких друзей к зрителю. Два слоненка, к сожалению, были больны и вскоре погибли у нас в Вои. Как-то утром Самсон вышел из болота, сопровождаемый маленьким слоненком, показавшимся сначала совсем здоровым. Нас поразила та нежность, которую Самсон проявлял по отношению к малышу. Слон был счастлив, обретя друга, и радостно суетился вокруг него, лаская хоботом и всячески стараясь, чтобы слоненок не пугался собравшихся вокруг людей.

Мы назвали добродушного слоненка «Каленге». Он охотно проследовал за Самсоном в стойло, словно не видел в этом ничего необычного. Оказавшись в загоне, слоненок критически посмотрел на грудку нарубленных для него веток и принялся за еду. На следующий день, когда открыли дверь стойла, он сразу же поспешил к своему старшему другу. Слоненок не отходил от Самсона ни на шаг и вместе со всеми отправился к реке Вои. Каленге никогда не сердился, был всегда очень добродушен, и даже присутствие Руфуса не могло вывести его из обычного спокойного состояния. Что же касается самого Руфуса, то тот едва ли заметил, что в их семействе появился еще один член.

Через два месяца начались дожди. Самсон забеспокоился, в нем заговорил голос предков. Однажды он наткнулся на свежие следы стада диких слонов и остановился как вкопанный. Слон поднял

хобот, долго принюхивался, затем круто повернулся и ушел. Ушел от нас совсем.

К этому времени Самсону уже исполнилось двенадцать лет. Грустно было его терять, но мы надеялись, что среди своих диких собратьев он найдет достойное место. Мы понимали, что будет лучше, если слон разорвет узы, привязывающие его к человеку. Самсон был необычайно силен. Стоило ему потерять терпение, как одним ударом хобота он мог раздробить хрупкие кости разозлившего его человека, а это кончилось бы катастрофой не только для человека, но и для слона. И хотя Самсон пребывал обычно в спокойном расположении духа, сделай он хоть одну ошибку, его признали бы опасным для посетителей и застрелили.

Каленге переживал уход Самсона намного острее, чем Руфус. Последний все свои помыслы сосредоточил на перепадавших ему от поклонников сладостях и других деликатесах.

Самсон отсутствовал шесть недель. Мы уже поверили, что слон ушел навсегда. Но однажды утром Самсон появился вновь вблизи рабочего поселка. По-прежнему ли он послушен? Не представляет ли теперь опасности для окружающих? Его возвращение мы встретили со смешанным чувством.

Жители поселка побоялись подходить к нему близко и держались на безопасном расстоянии, наблюдая со стороны за тем, как Дэвид спокойным шагом подходил к слону. Когда до животного осталось всего лишь несколько шагов, Самсон вдруг поднял голову и громко затрубил. Дэвид замедлил шаги, видимо не понимая, что же означало такое приветствие. Не зря говорят, что слоны ничего не забывают, и Самсон, конечно же, помнил Дэвида. Слон сделал большой шаг вперед и поприветствовал Дэвида с такой явной радостью, что комок застрял у меня в горле. Без сомнения, он был счастлив вернуться домой после долгой разлуки. На

теле слона мы заметили рану. Видимо, Самсона снова изгнали его собратья и бедняга вернулся сюда к своим единственным друзьям.

Каленге с огромной радостью приветствовал возвращение старшего друга. Однако за время отсутствия характер Самсона резко переменялся к худшему. Слон стал беспокойным. Даже Каленге его раздражал. К тому же нас покинул Сике. Самсон, как и любой капризный подросток, сразу почувствовал, что новый слугитель побаивается его, и всю пользу пользовался этим.

Прошло несколько дней. Самсон совсем отбился от рук. Стало очевидно, что ему следует уйти от нас и не только ради Каленге, но и для собственного блага. Пока он пребывал в таком расположении духа, мы не могли рисковать и разрешать ему контакты с посетителями парка. Именно на Дэвида выпала тягостная задача — заставить старого верного Самсона разорвать путы дружбы с нами. Дэвид очень любил Самсона, пожалуй, больше, чем все мы. Он его вырастил, а слон платил за это преданностью вот уже двенадцать лет. Теперь же Самсон должен был превратиться в полном смысле этого слова в отверженного. Дикие слоны не приняли его, изгоняли слона и мы. Страшно было подумать о том, как Самсон воспримет такой поворот событий. Все это выглядело ужасным предательством по отношению к Самсону, к той любви и доверию, которые он всегда питал к нам. Наше поведение должно было показаться ему совершенно непонятным.

Я не хотела присутствовать при этой операции, но все равно далеко был слышен страшный гневный рев Самсона. Ведь его прогоняли из места, которое он по праву считал своим домом.

Когда Дэвид, наконец, вернулся, вид у него был измученный. Он молчал, не желая говорить о том, что произошло. Мы все сочувствовали Дэвиду: ведь он

потерял не только самого любимого своего питомца, но и доверие друга.

К сожалению, это была не последняя встреча с Самсоном. Он еще не раз возвращался, раскаявшийся, жаждущий прощения. Он по-прежнему никак не мог понять, за что же все-таки каждый раз мы прогоняли его. Потом слон стал приходить домой ночью. Самсон кружил в темноте вокруг своего прежнего загона, а перед рассветом, крадучись, скрывался в зарослях кустарниковых акаций. Мы всем сердцем хотели, чтобы он поскорее нашел себе подругу, которая заставила бы его забыть прежнюю жизнь.

Через несколько недель вдруг пропала куда-то Анжела. Я кинулась на поиски. Обогнув живую изгородь вокруг стоянки автомобилей, я буквально застыла от ужаса при виде картины, которая открылась глазам. Анжела со всех ног мчалась к Самсону, стоящему как раз позади дома. Как он встретит ее — ласково или молниеносный удар хобота обрушится на голову девочки? Я бросилась к Анжеле и кричала, чтобы она бежала назад. Мне не следовало беспокоиться. Самсон не затаил злобы и не собирался мстить. Осторожно вытянув хобот, он погладил лобик Анжелы, а девочка, вскинув ручки, обняла слона, бесконечно радуясь встрече. Только теперь Самсон заметил меня. Он медленно повернулся и с виноватым видом зашагал прочь. Я заключила Анжелу в объятия. Как я была благодарна этому громадному животному, в котором оказалось столько нежности и ни капли злобы! Самсон теперь навсегда занял особое место в моем сердце.

Вскоре наша мечта о том, чтобы Самсон нашел себе подругу, исполнилась. Его как-то встретили позади дома Питера в сопровождении слонихи примерно того же возраста. Мы были рады за него, ибо теперь Самсон, вероятно, сможет найти свое место и будет вести счастливую жизнь.

Между тем Каленги чувствовал себя несчастным и одиноким. Руфус, живущий в мире только собственных интересов, не мог окружить Каленги заботой и тем более быть другом. Поэтому мы очень обрадовались, когда нам предложили принять в Вои Элеонору — молодую слониху, которую Билл вырастил у себя в Ньери. Здесь ей предстояло решить, останется ли она с людьми или уйдет. Элеонора уже имела некоторый опыт путешествий: два раза ее возили в Найроби на сельскохозяйственную выставку, затем она жила в качестве воспитанницы в парке Найроби.

Элеонора прекрасно перенесла долгий путь и быстро привыкла к новому окружению. На Руфуса она почти не обращала внимания, но Каленги ей понравился сразу. Мы очень радовались, что слоненок снова обрел друга.

Сейчас Элеонора ночует в загоне, ранее принадлежавшем Самсону, Каленги же живет рядом. Каждый день они следуют порядку, заведенному нами для всех слонов: утром отправляются пастись в заросли на берегу реки, а вечером возвращаются в загоны. Место Самсона, всеобщего любимца, заняла теперь Элеонора. Она возглавляет наше маленькое стадо на его пути домой по вечерам.

Иногда мы встречаем Самсона в глубине парка. Он по-прежнему держится неподалеку от центрального поселка, но, к нашей общей радости, видимо, свыкся с жизнью дикого слона и редко уже наведывается в свой прежний дом. Иногда, правда, он приходит, чтобы утолить жажду, и по старой привычке открывает кран водоразборной колонки. Очень жаль, что мы вовремя не научили его закрывать этот кран, ибо счет за воду иногда становится просто чудовищным.

Руди

В конце 1965 года у нас появился еще один маленький носорог, которого мы обязаны были выпустить в парке. По договоренности с департаментом охоты в районе Кибуэзи, который предполагалось передать африканцам для заселения, необходимо было выловить носорогов и выпустить их в Национальном парке. Руди доставили к нам в предназначенной для нас партии, но, получив его, мы увидели, что он слишком молод и слаб, чтобы войти в семью себе подобных. Он выглядел совсем крошечным по сравнению с Руфусом, которому к этому времени уже исполнилось пять лет. Дэвид считал, что этому носорогу не более трех. Мы решили взять его в дом и опекать до тех пор, пока он не приспособится к самостоятельной жизни. Надеялись мы и на то, что Руфус обрадуется товарищу.

С самого начала стало очевидным, что свой недостаток в росте наш новый воспитанник с лихвой компенсирует мужеством. Мы поместили его в стойло по соседству с Каленги. Как только носорог вышел из клетки, он немедленно проявил свой характер, присущий всему племени носорогов, — наклонил голову и яростно бросился на железные трубы ограды. Сильно ударившись, он отпрянул назад, издавая при этом удивительную комбинацию из яростных всхрапываний и пыхтения. Мы заметили, что один глаз у нашего нового воспитанника какой-то мутный и, очевидно, слепой, а на крупе у него зияла ужасная рана, которую требовалось срочно обработать. Сделать это, естественно, можно было только тогда, когда зверь станет более дружелюбным.

Мы назвали его Руди в честь доктора Руди Шенкеля — специалиста по изучению поведения

животных, прошедшего несколько месяцев в Восточном Цаво и изучавшего стадное поведение черных носорогов на берегах реки Галаны.

У доктора Шенкеля было как-то любопытное приключение со старым самцом носорогом. В тот день он вознамерился сфотографировать самца и приблизился к нему с аппаратом. К несчастью, носорог заметил доктора и, не раздумывая, бросился на Шенкеля. Руди оказался в довольно сложной ситуации: единственное дерево, на которое можно было взобраться, находилось как раз за носорогом. Не растерявшись, доктор побежал навстречу животному, а в последний момент отпрянул в сторону и кинулся к дереву. Носорог же с удивительным проворством развернулся буквально на пятачке и напал на Руди как раз в тот момент, когда тот подбежал к дереву. Времени на то, чтобы взобраться, уже не оставалось, и доктор едва успел спрятаться за ствол. Началась игра в кошки-мышки вокруг дерева, причем каждый раз бедному Руди приходилось брать барьер — сломанный сук, а это не так-то просто. Через несколько минут доктор понял, что надолго его не хватит. Он слабел с каждым кругом, а носорог не выказывал никаких признаков усталости и был полон энергии. Собрав последние силы, наш зоолог, в отчаянной попытке спастись, старался дотянуться до ветки, но противник оказался проворнее и скользящим ударом по бедру подбросил беднягу высоко в воздух. Опустился Руди прямо на спину носорога, но, по счастью, оказался как раз между его рогами. Чтобы как-то удержаться, доктор ухватился за ухо, а это уж совсем не понравилось носорогу. Одно быстрое движение огромной головы животного — и Руди оказался в воздухе. На сей раз он приземлился в нескольких ярдах от носорога и, весь исцарапанный и измученный, остался лежать неподвижно в ожидании нападения. В отчаянии Руди

пытался хоть как-то собраться с мыслями и придумать что-нибудь для своего спасения. Бежать? Но сможет ли он передвигаться в таком состоянии? Или лучше закатиться под сломанный сук?

И тут доктор заметил, что носорог растерянно смотрит на неподвижно лежащую фигуру. Видимо, животное не понимало, что это и есть то самое существо, которое оно только что атаковало. Руди смекнул, что в такой ситуации лучше всего не проявлять признаков жизни. Он принял единственную меру предосторожности — поднял ногу, чтобы в случае, если носорог будет атаковать, оттолкнуться от его морды. Требовалось большое самообладание, чтобы остаться лежать совершенно неподвижно, да еще в самом беспомощном положении, в то время как разъяренное животное, более тонны весом, направлялось к нему. Носорог даже ткнул носом в ногу Руди, и он, как ни странно, хорошо запомнил, что нос этот был мягкий. К великой радости доктора, носорог громко фыркнул, гордо поднял хвост и побежал прочь, вполне удовлетворенный расправой с нежелательным пришельцем.

Доктор Шенкель отделался лишь синяками всех цветов радуги, покрывавшими его с головы до ног. Если бы он поддался панике и потерял голову, это стоило бы ему жизни. Но Руди интересовал больше всего вопрос, почему носорог вел себя не так, как было ему положено.

Вот мы и решили, что для будущего товарища Руфуса имя Руди — самое подходящее, и были совершенно уверены, что доктор Шенкель не станет против этого возражать.

Мы с нетерпением ждали встречи Руфуса с Руди и гадали о том, какой прием Руфус окажет новичку. После того как ему задал взбучку носорог на реке Вои, Руфус никогда не встречался с себе подобными. Но мы

надеялись, что Руди ему понравится и они станут друзьями.

Утром позвали Руфуса. Он покорно подбежал к изгороди загона, надеясь получить что-нибудь сладкое в награду за послушание. И вдруг вместо вознаграждения на него внезапно налетел Руди. Застигнутый врасплох, бедный Руфус чуть не свалился с ног и убежал в полной растерянности. Видимо, процесс знакомства требовал лучшей подготовки. Мы решили пока не форсировать событий и занялись приручением Руди, полагая, что со временем он станет терпимее к обществу.

Для начала мы наняли специального человека, который должен был целый день проводить с Руди, чтобы тот мог привыкнуть к его запаху. Дня через два служитель бросил в загон Руди свою куртку. Носорог начал кружить вокруг нее с явно враждебными намерениями до тех пор, пока не понял, что игра не стоит свеч. Каждый раз, когда Руди подходил к ограде, служитель ласкал его и предлагал какое-нибудь лакомство. Вскоре носорог при виде своего надсмотрщика ложился на землю и, совсем как Руфус, закрывал глаза, от удовольствия, когда тот его гладил. Надеясь заслужить расположение Руди, мы покупали ему огромное количество фруктов. Поначалу носорог презрительно их выплевывал, но затем оценил по достоинству. Он посапывал, причмокивал губами, что свидетельствовало об огромном удовольствии, которое Руди получал от необычного лакомства. Однажды служитель неосторожно сунул что-то сладкое в рот Руди как раз в тот момент, когда носорог жевал какую-то ветку. В мгновение ока животное прокусило кончики пальцев до кости. Так служитель заслужил печальную славу человека, которого... укусил носорог! Боюсь, что, если он вздумает рассказывать эту историю, вряд ли кто-нибудь ему поверит.

Наступил день, когда Дэвид решил, что настало время войти в загон. Он протянул руку и коснулся носорога. К нашему великому удивлению, Руди не возражал против такой вольности. Он даже позволил Дэвиду погладить себя и почесать голову. Общество человека его обрадовало. Носорог стал ходить за Дэвидом по загону в надежде получить какое-нибудь лакомство. Ободренные таким приемом, мы решили еще раз попытаться свести Руди с Руфусом. Нам хотелось, чтобы Руди ходил вместе со всеми остальными нашими воспитанниками вниз к реке.

Руфус упирался, но мы заманили его в загон и, чтобы он не смог сбежать от Руди, заперли там. Загнанный же в угол Руфус вынужден был встретиться своего сородича что называется лицом к лицу. Несколько мгновений они злобно смотрели друг на друга и угрожающе фыркали. Затем Руди (он был в два раза меньше Руфуса) издал яростный клич, очень похожий на рев носорогов, когда они бились за яму с водой у реки Тивы. Перепуганный насмерть Руфус, потеряв все свое мужество, сделал отчаянный рывок к воротам и стал биться о них в тщетной надежде вырваться на свободу. Руди воспользовался этим моментом и атаковал противника сбоку: малыш рычал и яростно бодал своим маленьким коротким рогом беднягу Руфуса. Испугавшись, что Руфус может получить серьезные ранения, Дэвид крикнул служителю, чтобы открыли ворота. Не успели освободить щеколду, как Руфус опрометью выскочил и скатился вниз с холма, словно за ним гнались черти.

Подвергнув Руфуса таким неприятностям, мы почувствовали себя виноватыми. Много сладостей пришлось скормить, прежде чем носорог немного успокоился и простил нам тяжкое испытание. Бедняга весь дрожал. Морда его сильно пострадала, и мы лечили раны носорога как могли, успокаивали его и

ласкали. На какое-то время было решено оставить попытки навязать Руфусу дружбу с новичком. Руди в течение нескольких недель пасся отдельно, но выводили его из загона всегда в то же время, что и остальных наших питомцев. Сначала, как только на глаза малышу попадался державшийся на почтительном расстоянии Руфус, он начинал долго и злобно пыхтеть и фыркать.

Однако постепенно носороги привыкли друг к другу и вскоре мирно паслись рядом. Прошло еще какое-то время, и они стали просто неразлучны. Я очень жалела Руди, ведь он был так одинок и ему постоянно не хватало ласки. По с тех пор, как носорог нашел друга, его характер полностью изменился. Теперь трудно было найти более трогательную пару, чем Руфус и Руди.

В октябре 1965 года Дэвид решил вновь подсчитать слонов в самом парке и ближайших окрестностях, так как точность переписи 1962 года вызывала большие сомнения. Операция планировалась продуманно и детально. Пригласили таких опытных наблюдателей, как доктор Хью Лэмпри из школы охотоведов в Мвеке; Майлс Тэрнер, директор Национального парка Танзании — Серенгети; Мюррей Уотсон и Ричард Белл из Исследовательского центра в Серенгети; Тэффи Маршалл, Джини Нэсбит и Рон Джоллей из Западного Цаво. Дэвид и Питер составляли команду Восточного Цаво. Недели ушли на определение границ районов, подготовку карт, выбор маршрутов и порядок самого подсчета. Нам выделили четыре самолета, причем их пилоты и наблюдатели уже имели достаточный опыт подобной работы.

Мы были чрезвычайно признательны Управлению национальных парков Танзании и департаменту охоты Кении, предоставившим в наше распоряжение самолет в дополнение к тем двум, что у нас уже имелись, а также Обществу защиты диких животных, которое

прислало самолет для обследования северных районов парка, примыкавших к реке Тане.

Великий день настал, и все участники операции собрались на последнее короткое совещание в Вои. Следующее утро началось с воздушной разведки и знакомства летчиков с границами своих районов. Во второй половине дня произвели облет контрольного района для оценки пределов возможных ошибок каждого из наблюдателей. С интервалом в полчаса команды вылетели в свои районы и, придерживаясь заданной схемы облета, вели подсчет слонов. Совпадение цифр получилось достаточно близким, и Дэвид остался доволен результатом проделанной работы.

С рассвета и до заката в течение недели мы считали и пересчитывали. Для каждой команды Дэвид приготовил легкие ящички, в которые к утру укладывали завтраки. К полудню пилоты опускались на удобной для посадки площадке, закусывали и вновь отправлялись в полет. К вечеру они возвращались совершенно измотанные восьми-девятичасовой работой, требовавшей к тому же от наблюдателей и пилотов точности выполнения маршрутов и большой внимательности. Маршруты полетов наносились на карты районов, где отмечалось число замеченных слонов. Полученные цифры суммировались и отражались на общей карте, вывешенной для всеобщего обозрения в столовой.

К концу недели все подсчеты были завершены. Стали известны окончательные результаты, доказавшие нашу правоту: оценка переписи 1962 года оказалась заниженной. На самом деле в парке и его окрестностях слонов оказалось больше, чем кто-либо мог предположить. Больше всего слонов водилось в Восточном Цаво. Вывод о том, что слоны будто бы погибают от недостатка пищи, оказался

несостоятельным. За время всей операции мы нашли только одного мертвого слона. У этих животных не было никаких признаков стресса.

Нам приятно сознавать, что, если слоны в Восточном Цаво начнут испытывать какие-либо трудности с пищей, у них всегда имеются огромные резервные пространства на западе парка и за его границами.

Заключение

История Цаво на этом не кончается, но определенный рубеж в создании парка был уже пройден. Каждый год все большее число туристов появляется в тех местах, которые совсем недавно казались дикими и недоступными. Люди приезжают со всех концов света и в основном из тех стран, которые медленно задыхаются под гнетом стали и бетона. Они бегут из шумных городов, где природа убита цивилизацией.

Среди туристов встречаются и такие, которых следует пожалеть. Они не умеют смотреть и не могут приобщиться к необычному для них окружению природы. Но есть и другие. Те, что уезжают от нас посвежевшими, полными бодрости. Нетронутые заросли кустарниковых акаций, бескрайние степные просторы влияют на них положительно. Очевидно, человек при виде прекрасных непуганных существ, живущих в естественных условиях, неопишуемой красоты закатов, когда солнце скрывается за еще не обезображенный цивилизацией горизонт, не может оставаться равнодушным. Цаво и сейчас еще рай, в котором многие голоса природы — величественный рев льва и звонкая песня птицы — не заглушены пока страшным грохотом нашего века. Здесь они рождаются в свежем и чистом воздухе, не оскверненном выхлопными газами и дымом. Это место, где правят не законы человека, а сама природа, находящая для каждого живого существа соответствующее ему место. Природа, никому не предоставляющая каких-либо привилегий. Здесь царит полное равенство.

Чтобы Цаво оказался доступным большому числу туристов, нам пришлось частично пожертвовать

нетронутой природой. Те немногие, кто знал, как все здесь было раньше, жалеют об ушедшем. Для таких людей, как Дэвид и Питер, дикий, неприрученный Цаво таил в себе гораздо больше чудесного и привлекательного. Он был для них вызовом, требовавшим многих лет напряженнейшего труда и пота; на службу ему они отдали все, что могли, а наградой служило чувство удовлетворения от хорошо выполненной работы. Создание парка потребовало от горстки энтузиастов терпения, выносливости, большой осторожности. Ими руководила не материальная выгода, а глубокая, искренняя любовь к животным.

Дэвид и Питер сейчас уже видят результаты своего труда. Правительство независимой Кении, естественно, стремится заменить европейцев местными специалистами, и недалек тот день, когда нам придется начинать все сначала в других местах, в условиях более трудных уже потому, что годы берут свое. Стоила ли игра свеч? Стоило ли тратить лучшее время жизни на то, что сменившие нас примут как должное? Не лучше ли было бы потратить его на службу, дающую обеспеченную старость? Я часто задаю себе эти вопросы. Иногда колеблюсь с ответом. И все же у нас есть то, что останется с нами навсегда. Это память о бесконечных опытах и приключениях, об иссушенных солнцем днях, проведенных среди дикой природы, об очаровании лунных ночей и, — что для меня всего дороже, — о тех диких животных, которых я узнала так близко. У моих воспитанников я находила те же черты характера, ту же индивидуальность, которые свойственны людям. Я научилась смотреть на них не как на четырехногие машины, созданные для удовлетворения нужд человека, а как на живые существа, имеющие такие же права радоваться жизни, что и мы.

Некоторым моя жизнь в Цаво может показаться скучной и одинокой. Но для меня эти годы были лучшими из того, что я могла бы себе пожелать. Конечно, в значительной мере это следствие той дружбы, любви и доверия, которыми окружали меня мои приемыши — сироты Цаво, а также того проникновения в чудеса природы и понимания ее, которым научил меня мой муж.

Самое искреннее наше желание — чтобы те, кто придет нам на смену, проявили такую же преданность Цаво; чтобы парк развивался дальше, принося радость и знания всем приезжающим сюда из самых различных уголков земного шара.

Мир и счастье вам, дикие обитатели парка!

Послесловие

Книга Дафни Шелдрик — явление совершенно особое. Она, несомненно, оставляет глубокий след в сердцах читателей, волнует и заставляет задуматься. И не потому, что автору удалось рассказать о различных животных, описанных с большой любовью, удивительной теплотой, настоящим художественным мастерством. Читая книгу, все время чувствуешь, что главные ее герои — не многочисленные питомцы Дафни Шелдрик, а природа Африки, изумительная природа Цаво. И горстка энтузиастов, отдавших все силы на ее сохранение, в трудных, подчас опасных условиях сделавших все возможное, чтобы Цаво жил в веках, чтобы мы и сейчас, и много времени спустя могли увидеть Цаво таким, каким увидели его впервые пришедшие туда люди. Книга Дафни Шелдрик — это похвальное слово стражам природы, гимн их настоящему подвигу.

Много воды утекло с тех пор, как Дафни Шелдрик приняла на свое попечение первых сирот Цаво. Много перемен произошло и в стране: в 1963 году Кения стала независимой республикой. Время не могло обойти Цаво, не могло не отразиться на его природе и обитателях. И вот сейчас, много лет спустя после описываемых в книге событий, давайте мысленно пройдемся по дорогам, которыми ходила Д. Шелдрик, посмотрим, как выглядит Цаво теперь, не оказался ли бесполезным труд Дэвида и его соратников.

* * *

Если выехать из Найроби по шоссе, ведущему в Момбасу, миновать длинные серые здания и склады цементного завода, огромные серебристые цистерны бензохранилища и поворот к аэропорту, вы попадете на широкую, слегка всхолмленную равнину. Трава здесь всегда жесткая, редкая, как бы неживая, а карликовые акации, равномерной осенью покрывающие холмы, кажутся темными точками. Иногда вы видите скопления высоких деревьев, какой-то намек на настоящую зелень, и тогда обязательно замечаете здесь белые стены и красные черепичные крыши домов. Это фермы, где разводят, вернее, пытаются разводить, скот.

Через два-три часа утомительной езды, утомительной потому, что глазу не на чем задержаться, вы вдруг понимаете, как незаметно для вас изменился пейзаж. Исчезли редкие акации, и на смену им появились заросли низкорослых, корявых, переплетенных кустов. Не увидишь больше и приветливых домиков на холмах — здесь не может жить ни земледелец, ни скотовод. Местность становится более плоской, кустарник разрастается все гуще, бесформенный, безлистный, похожий на необозримые завалы старой колючей проволоки. Вы подъезжаете к Цаво.

Дальше дорога идет узким коридором между двумя самостоятельными частями Национального парка — Западным и Восточным Цаво. Параллельно шоссе проходит железнодорожная линия — восемьдесят лет назад здесь работал проводником известный впоследствии охотник Джон Хантер. Похоже, железная дорога с тех пор изменилась мало — лишь раз в сутки тишину нарушает тихоходный паровоз, с усилием тянущий пять старомодных вагонов. Все грузы из Момбасы в Найроби везут по прекрасно асфальтированному шоссе — это дешевле и быстрее.

Проезжий коридор не отгорожен от территории заповедника. Да и незачем — свернуть туда нельзя: нет дороги, заросли кустарника стоят здесь непроходимой стеной.

...Вы проезжаете городок Мтито, где в глаза бросаются только заправочная станция и магазин сувениров. Затем Вои, городок чуть побольше и с каким-то заводом, трубы которого видны в отдалении. И затем неожиданно перед вами возникает перекресток, первый настоящий асфальтированный перекресток за весь многочасовой путь. Это въезд в Национальный парк Цаво. Направо — Западный Цаво, налево — Восточный. Правая дорога ведет к отелям Килагуни-Лодж и Нгулия-Лодж, левая — к Вои-Лодж. Поскольку мы решили посетить места, где жила Дафни Шелдрик, и посмотреть, как обстоят там дела сейчас, мы сворачиваем влево, к Вои-Лодж.

...Ворота парка — внушительное сооружение. Два въезда, перекрытые шлагбаумами, касса, контрольно-пропускной пункт. Над въездами укреплены черные профили носорогов — это эмблема Цаво.

Такого же, но медного, носорога вы видите на форменной фуражке охранника, проверяющего документы и поднимающего шлагбаум. Стройный, подтянутый кениец наклеивает пропуск на лобовое стекло машины и приветственно подносит руку к козырьку. Вы на территории парка.

Сразу же за воротами асфальт кончается. Машина легко идет по-ухоженному ровному грейдеру, кирпично-красному от цвета латеритовой почвы. Дорога неширокая, местами подступающие к ней вплотную заросли кустарниковых акаций протягивают к самым окнам машины свои колючие серые ветви. На первой же развилке — каменный монумент с указателем дорог и перечнем основных правил пользования парком. Вы узнаете, что до отеля двадцать семь миль, что едете вы

на собственный риск и страх, что нельзя подъезжать близко к слонам, выходить из машины и съезжать с дороги.

Еще с час едете довольно однообразным путем. Буквально из-под колес автомобиля поднимаются с дороги цесарки и франколины, вы видите перелетающие через дорогу стайки отливающих металлом блестящих скворцов, буйволовоых ткачей, на ветвях сидят красноклювые токи, высоко в небе застыли на неподвижных крыльях грифы.

На небольшой прогалине у самой дороги отдыхает табунок импал — безрогие самки, а несколько в стороне и хозяин гарема, прекрасный самец с длинными лировидными рогами. Стоит машине затормозить, и антилопы встревоженно поднимают головы, а затем не спеша отходят под прикрытие кустов.

Дорога то поднимается на пологий склон, то снова тонет в зарослях кустарника, где почти нет обзора. Солнце по-прежнему стоит прямо над головой, и окружающая местность кажется плоской, лишенной теней и бесцветной. Совершенно неожиданно автомобиль огибает очередной холм, дорога резко берет в гору, и вы чувствуете, что добрались до места. Несколько минут, и машина въезжает в ворота, на гравийную дорожку, по обе стороны которой багрянцем полыхают заросли цветущей бугенвиллии. Прямо перед вами отель, каменная лестница, широкие веранды со столиками, витрины с копьями, щитами и мечами масаев. Цветы, прохлада, пение птиц. Поразительный контраст после зарослей кустарника, пыльной дороги и жары. А потом вы сидите в ожидании ленча в легком плетеном кресле, положив ноги на каменный парапет веранды, и смотрите, как подъезжают к отелю машина за машиной и из них выходят люди разного возраста, по-разному одетые, говорящие на разных языках. Как это непохоже на Цаво, описанного Дафни Шелдрик!

Когда солнце начнет склоняться к западу и тени пойдут в сторону от деревьев, когда сквозь сероватый налет пыли на листьях неожиданно проступит блестящая зелень, когда гряда скал справа от отеля вдруг окрасится в контрастные кирпично-красные тона, вы снова сядете в машину и проедетесь обычным туристским маршрутом. Вы встретите стада зебр и осторожных крупных ориксов с длинными, совершенно прямыми рогами, увидите медлительных, задумчивых жирафов, табунки импал, среди которых чернеют водяные козлы с вилообразно изогнутыми рогами. В сторону от машины будут разбегаться рыжие конгоны, пугливые геренуки, необыкновенно изящные газели Гранта. Если вам повезет, вы встретите и малого куду, которого Лесли Браун, один из лучших знатоков Африки, назвал Аполлоном среди антилоп. И, конечно же, вы увидите слонов, знаменитых красных слонов Цаво, красных потому, что они посыпают себя красной латеритовой пылью. Цаво — царство слонов.

Впрочем, вам даже не обязательно встретить самих слонов, чтобы догадаться о их присутствии. Все баобабы в парке точно подгрызены гигантскими бобрами: слоны сдирают кору бивнями, стараясь добраться до влагоносной пульпы. Многие деревья уже повалены, засохли, и сучья их белеют на земле, как старые кости. Иные участки парка живо напоминают места, где прошли тяжелые бои: обломанные ветви деревьев, растерзанный, вырванный с корнем кустарник, вытоптанная трава. И это не удивительно — в Цаво сейчас более двадцати тысяч слонов.

Когда солнце, превратившись в красный пылающий круг, повиснет в фиолетовой дымке над самым горизонтом, вы повернете назад, к отелю. И опять перед вами пройдут нескончаемые стада: зебры, импалы, газели, конгоны. Как-то незаметно из памяти улетучатся и роскошь отеля, и поток туристов,

ухоженные дороги с указателями, и вы обязательно подумаете: как вечна и неизменна природа! Как мало все изменилось, точно и не пролетели годы!

И только поздно вечером, проводив за потемневший горизонт солнце, сидя на веранде под абажурами, сделанными из разрисованных сухих тыкв, слушая разноголосый шум из ресторана, разговаривая с симпатичным седым доктором Гловером, директором научного центра Цаво, сопоставляя и взвешивал все увиденное за день, вы поймете, как много здесь переменялось.

Цаво перестал быть дикой, труднодоступной местностью. Прекрасные дороги, почта и телефон связывают его с Найроби и Момбасой.

Отели, построенные по лучшим канонам современной архитектуры, комфортабельные и красивые, умело вписанные в пейзаж, гарантируют ночлег и пищу тысячам туристов. Специальная служба обеспечивает показ всех животных, которые обитают на территории парка. Практически ликвидирован страшный бич природы — браконьерство. Наземные патрули в радиофицированных «лендровежах» и специальные самолеты воздушного наблюдения делают территорию парка недосягаемой для любителей легкой наживы. Биологическими проблемами, связанными с регулированием численности животных и изучением их жизни, занимается специальный научный центр, располагающий первоклассными кадрами зоологов, ботаников и геологов, оснащенный по последнему слову техники. Примитивные методы исследования отошли в область прошлого. Сейчас к услугам ученых радиотелеметрия, авиация, прекрасные картографические материалы, отлично оборудованные лаборатории. Жизнь в Цаво перестала быть приключением, утратила свою опасность.

Но природа парка не изменилась. Она осталась точно такой же, какой была десять, двадцать, сто лет назад. Те же непроходимые заросли кустарниковых акаций, те же бесчисленные стада копытных и слонов, и то же строгое чередование дождливых и сухих сезонов, голода и изобилия пищи. И еще одно остается пока неизменным — проблема слонов.

Проблема эта — явление сравнительно новое. Родилась она при параллельном воздействии нескольких процессов, внешне как будто и не связанных: бурного развития строительства, интенсификации сельского хозяйства, создания сети национальных парков и резерватов, где браконьерство сведено до минимума. Первым следствием этих процессов оказалась концентрация животных на сравнительно небольших участках заповедной территории и резкое сокращение диапазона миграций. Одновременно шел интенсивный процесс увеличения поголовья. По-видимому, уже в начале 50-х годов XX века численность слонов достигла максимума, хотя точными цифрами мы не располагаем, так как планомерных сплошных учетов в эти годы не проводилось.

Не удивительно, что рост численности слонов радовал работников национальных парков. Ведь в начале века слон был на грани полного истребления и сохранение его рассматривалось как одна из самых важных и неотложных задач.

Первые тревожные признаки начали проявляться при затяжных, более длительных, чем обычно, засухах. Именно этот период нашел отражение в книге Дафни Шелдрик, где очень точно описана гибель слонят от недостатка воды. Однако в то время засуху ошибочно приняли за главного врага, и все силы сотрудников национальных парков бросили на борьбу с ней. Огромные средства затратили на поиски воды, бурение

артезианских скважин, постройку дамб и плотин, создание искусственных водоемов. Работа была поистине титанической и оказалась успешной только благодаря неиссякаемому энтузиазму Дэвида Шелдрика и целой армии таких же фанатически настроенных борцов за сохранение природы.

А последствия оказались трагическими. Если раньше отсутствие воды так или иначе вынуждало животных мигрировать, то теперь они не покидали обводненного района круглый год. Чем суровее была засуха, тем больше слоны жались к искусственным водоемам, собираясь к ним с больших площадей. Потребность слона в сочных растительных кормах очень велика; он ест ветви деревьев, траву, кору и даже подземные части растений. И на каждого слона в сутки нужно около ста килограммов такого корма! Подсчитано, что для прокормления одного слона в течение года требуется растительность с площади около пяти квадратных километров. Стоит ли удивляться, что вокруг искусственных водоемов с невиданной быстротой начала образовываться все расширяющаяся зона настоящей пустыни.

И первыми пострадали сами слоны. Недостаток корма и отсутствие тени привели к истощению животных. Участились случаи тепловых ударов, особенно губельных для слонят. У взрослых животных начали развиваться сердечно-сосудистые заболевания, нарушения пищеварительной системы, повысилось заражение паразитами. От постоянных движений ушей, которыми слоны обмахиваются в жару, стали склеротизироваться сосуды. Все это в конечном итоге приводило к повышенной смертности. Особенно много животных погибло в 1970–1971 годах в долине Галаны, где сотрудники научного центра собрали более трех тысяч черепов.

Анализ черепов показал, что больше всего пострадали слонята в возрасте до трех лет и старые слоны. Значительной была смертность и среди наиболее важных для популяции половозрелых самок. И только молодые неполовозрелые слоны в возрасте пятидесяти лет оказались наиболее выносливыми. Однако в целом такая структура популяции ненормальна, нежизненна, в ней прекращается размножение.

В качестве меры для борьбы с перенаселенностью слонами национальных парков и резерватов был предложен выборочный отстрел животных. Однако эта мера, действительно неизбежная и радикальная, встретила резкий отпор общественности. В газетах появились многочисленные статьи о «неслыханном злодеянии», замышляемом руководством парка, посыпались резкие запросы в парламент. И хотя такое активное вмешательство общественности говорит о коренной перемене отношения людей к природе и животным, эта позиция оказалась по сути своей совершенно ложной и даже вредной.

Чтобы избежать кровопролития, решили уничтожить искусственные водоемы. Это было так же трудно, как загнать джина обратно в бутылку. Тем не менее такую работу провели, практически сведя на нет все труды ирригаторов. К сожалению, слоны не покинули бывших водоемов, ставших им уже привычными. Уничтожение растительности, а вместе с этим и гибель животных продолжались.

В конце концов правительство вынуждено было санкционировать отстрел части слонов. Однако он был жестко лимитирован и поэтому тоже не дал ожидаемых результатов. Сейчас вопрос этот снова находится на рассмотрении парламента. Положение продолжает оставаться крайне напряженным.

Проблема эта имеет и другой очень важный аспект. Первый этап воздействия слонов на лесные сообщества

растений заключается в некотором разрежении древостоя, осветлении кустарника. На этой стадии лес делается даже более благоприятным для жизни его исконных обитателей — импал, геренуков, больших и малых куду и некоторых других антилоп, питающихся листьями и побегами. Дополнительный источник корма антилопы получают, утилизируя поваленные слонами деревья, ранее им недоступные. Как говорят зоологи, емкость угодий повышается.

Однако явление это временное. При увеличении численности слонов или при длительной нагрузке редколесье начинает сменяться менее продуктивными зарослями кустарниковых акации, а затем неизбежно переходит в стадию злаковников. Это влечет за собой смену лесных животных степными и значительно снижает привлекательность парка для туристов. Действительно, зебр и гну, которые вытесняют куду или ориксов, можно видеть повсюду, даже на неохраняемой территории. Национальный парк теряет свое лицо, свою уникальность, и ехать туда становится просто бессмысленным. Кроме того, утрата лесного комплекса животных сама по себе представляет серьезную биологическую потерю.

То, что проблема слонов рано или поздно будет решена, не вызывает сомнений. Ее решение входит в общую программу сохранения природы, природных комплексов, представляющих общечеловеческую ценность. Научной и организационной стороне этой проблемы правительство независимой Кении уделяет огромное, неослабное внимание. И это является надежным залогом успеха.

В. Е. Флинт

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

Д. Шелдрик

**СИРОТЫ
ЦАВО**

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1974

91 (И6)
Ш42

Daphne Sheldrick
The Orphans of Tsavo
Collins and Harvill Press
London, 1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
К. В. Малаховский (председатель), *А. Б. Давидсон*, *Н. Б. Зубков*, *Г. Г. Котовский*, *Н. А. Симония*

Перевод с английского *И. М. Верещагина*

Ответственный редактор и автор послесловия *В. Е. ФЛИНТ*

Шелдрик Д.

Ш42 Сироты Цаво. Перевод с англ., М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

176 с. («Путешествия по странам Востока»).

Книга рассказывает о животных Национального парка Цаво в Кении. С каждым из них связана какая-либо история, каждое требовало особых забот, делая жизнь автора, большая часть которой прошла в парке Цаво, радостной и интересной.

Ш 0281-2014 150-73
042 (02)-74

91 (И6)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974

Дафни Шелдрик
СИРОТЫ ЦАВО

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Э. О. Секар*

Младший редактор *С. П. Какачикашвили*

Художник *А. В. Озеревская*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *Т. А. Патеюк*

Корректор *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 4/IX 1973 г. Подписано к печати 16/XI
1973 г. Формат 84×108^{1/32}. Бум. № 1. Печ. л. 5,5. Усл. п.
л. 9,24. Уч. — изд. л. 9,84. Тираж 45 000 экз. Изд.
№ 3285. Зак. № 1094. Цена 53 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука». Москва, Центр, Армянский пер.,
2

Полиграфическое объединение «Полиграфист»
Управления издательств, полиграфии и книжной
торговли Мосгорисполкома. Москва, ул. Макаренко,
5/16.

---

notes

Примечания

1

Куду, геренуки, бушбоки, ориксы — парнокопытные животные подсемейства антилоп. — *Прим. ред.*

2

*Франколин (турач) — птица отряда куриных. —
Прим. ред.*

З

Водяной козел — крупная антилопа с длинными виллообразными рогами. — *Прим. ред.*

4

Барбекю — праздник на открытом воздухе; угощением часто служит зажаренная целиком туша крупного домашнего или дикого животного. — *Прим. пер.*

Олд Спайс и Шанель — названия известных духов. —
Прим. ред.

6

Генетта — зверек из отряда хищных млекопитающих, семейство виверровых, питается мелкими зверьками и птицами, ведет преимущественно ночной образ жизни — *Прим ред.*

Грегори Пек — знаменитый американский киноактер. — *Прим. ред.*

Буффало Билл — прозвище ковбоя-охотника середины прошлого века, прославившегося своими «подвигами» в массовом истреблении бизонов. — *Прим. ред.*

Импала — парнокопытное животное подсемейства антилоп. — *Прим. ред.*

О решении этой проблемы см. «Послесловие» —
Прим. ред.

Марабу — птица семейства аистовых, отряда голенастых. — *Прим. ред.*

Конго́ни — африканская антилопа. — *Прим. ред.*